

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 7 (164) июль 2024

В НОМЕРЕ:

Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г.

Экологическая безопасность
устойчивого развития:
стратегия и механизмы реализации

Клепицкий И. А.

Причинная связь в уголовном праве Италии

Шепенко Р. А.

Правовые основы бюджетной системы
и разграничения доходов и расходов
в Китайской Республике

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 19 № 7 (164) ИЮЛЬ 2024

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 24.07.2024
Объем 22,55 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 19 № 7 (164) JULY 2024

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

24.07.2024
Volume: 22.55 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

ТЕОРИЯ ПРАВА

Мирошник С. В., Власова Т. В. Эволюция права и эманация права: понятие и сущность	11
Филин А. Ю. Город как объект юридической науки: проблемы и перспективы правового регулирования	22
Макаров Г. Г. Происхождение государства: формирование метатеории	30

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Шепенко Р. А. Правовые основы бюджетной системы и разграничения доходов и расходов в Китайской Республике	52
Ситник А. А. Объекты валютных правоотношений в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств	65

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Иншакова А. О., Квициния Н. В. Правовая природа договора выкупного лизинга: вопросы применения заемной конструкции и судебного толкования	73
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Литвинова Т. А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами проверочных инстанций	86
---	----

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Шахназаров Б. А. Технологизация правовых решений в сфере международного торгового комплаенса	101
Сухарева Е. Г. Принцип разумной достаточности в инвестиционном праве	112

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Пономарёва Д. В., Некотенева М. В. Медицина в цифровую эпоху: правовые аспекты применения клеточной и генной терапии в зарубежных государствах	122
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Клепицкий И. А. Причинная связь в уголовном праве Италии	138
---	-----

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Поляков В. В. Структура и содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений	147
Семеновский А. И. Понятие правды в криминалистике	160

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации	174
Ильменева В. А. Особенности правового регулирования вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот	188

Contents

THEORY OF LAW

Miroshnik S. V., Vlasova T. V. The Evolution of Law and the Emanation of Law: The Concept and Essence	11
Filin A. Yu. The City as an Object of Legal Science: Problems and Prospects of Legal Regulation	22
Makarov G. G. The Origin of the State: The Formation of the Metatheory	30

FINANCIAL LAW

Shepenko R. A. The Legal Foundations of the Budget System and the Differentiation of Revenues and Expenses in the Republic of China	52
Sitnik A. A. Objects of Currency Legal Relationships in the context of Countering Restrictive Measures Imposed by Unfriendly States	65

CIVIL AND FAMILY LAW

Inshakova A. O., Kvitsinia N. V. The Legal Nature of the Lease Purchase Agreement: Issues of Application of the Loan Structure and Judicial Interpretation	73
---	----

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

Litvinova T. A. Participation of the Prosecutor in the Civil Cases Dealt with by the Courts of Controlling Authority	86
--	----

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Shakhnazarov B. A. Technologization of Legal Solutions in the field of International Trade Compliance	101
Sukhareva E. G. ALARP Principle in Investment Law	112

MEDICAL LAW

Ponomareva D. V., Nekoteneva M. V. Medicine in the Digital Era: Legal Aspects of the Use of Cell and Gene Therapy in Foreign Countries	122
--	-----

CRIMINAL LAW

Klepitskij I. A. Causality in Italian Criminal Law	138
---	-----

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Polyakov V. V. Structure and Content of Forensic Characteristics of High-Tech Crimes	147
Semenovskiy A. I. The Concept of Truth in Criminology	160

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Shpakovskiy Yu. G., Zhavoronkova N. G. Environmental Safety of Sustainable Development: Strategy and Implementation Mechanisms	174
Ilmeneva V. A. Specifics of Legal Regulation of Production and Consumption Waste Inclusion in Economic Turnover	188

Эволюция права и эманация права: понятие и сущность

Аннотация. В статье поставлена цель: опираясь на концепцию интегративного правопонимания, синтезирующую онтологически однородные правовые регуляторы — принципы и нормы права, провести анализ эволюции права и эманации права, выявив их сущность. Изучение заявленной проблемы проведено на основе общенаучных (в том числе системного, исторического, сравнительного) и частноправовых методов научного познания. Исследуемые правовые явления являются сложными и многоаспектными, раскрываются как процессы развития права с точки зрения его содержания и форм внешнего выражения. Авторы приходят к аргументированным выводам, что эволюция права заключается в выработке правотворческими субъектами на основе общих принципов права таких правовых регуляторов, которые позволяют обществу перейти на качественно новую ступень правового регулирования правоотношений; в свою очередь, эманация права — это трансформация форм права, отражающая процесс понимания и внешнего выражения прежде всего общих принципов права как основы всеобщих правовых связей.

Ключевые слова: право; развитие права; эволюция права; правовые регуляторы; принципы права; нормы права; обычай права; правовой договор; эманация права; источники права; формы права.

Для цитирования: Мирошник С. В., Власова Т. В. Эволюция права и эманация права: понятие и сущность // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 11–21. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.011-021.

© Мирошник С. В., Власова Т. В., 2024

* *Мирошник Светлана Валентиновна*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
miroshnik67@mail.ru

** *Власова Татьяна Валентиновна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
t_vlasova@list.ru

The Evolution of Law and the Emanation of Law: The Concept and Essence

Svetlana V. Miroshnik, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
miroshnik67@mail.ru

Tatiana V. Miroshnik, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of Law, State and Judicial Power, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
t_vlasova@list.ru

Abstract. The purpose of the paper is to analyze the evolution of law and the emanation of law, revealing their essence, based on the concept of integrative legal understanding that synthesizes ontologically homogeneous legal regulators — principles and norms of law. The study of the stated problem was carried out based on general scientific (including systemic, historical, comparative) and private law methods of scientific cognition. The legal phenomena under study are complex and multidimensional, they are revealed as processes of development of law in terms of its content and forms of external expression. The authors come to reasoned conclusions that the evolution of law consists in the development by law-making entities on the basis of general principles of law of such legal regulators that allow society to move to a qualitatively new stage of legal regulation of legal relations. In turn, the emanation of law is a transformation of forms of law, reflecting the process of understanding and external expression, first, of general principles of law as the basis universal legal relations

Keywords: law; development of law; evolution of law; legal regulators; principles of law; norms of law; custom of law; legal contract; emanation of law; sources of law; forms of law.

Cite as: Miroshnik SV, Vlasova TV. The Evolution of Law and the Emanation of Law: The Concept and Essence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):11-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.011-021.

Современная правовая наука характеризуется большим разнообразием используемых терминов, отражающих сложные процессы изменения права. «Генезис права», «развитие права», «трансформация права» — одни из немногих. По мнению С. Е. Чаннова, указанная терминология нередко используется бессистемно, без определений¹, что и порождает, на наш взгляд, острые теоретические дискуссии. Некоторые исследователи забывают о возможности научных правовых абстракций отражать конкретное и объективное, быть «познавательным образом правовых явлений и процессов»², позволяющим использовать их в целях достижения социально значимых целей.

Предметом нашего исследования стало содержание широко используемого в юриспруденции понятия «эволюция права» и редко встречающегося в научных работах, но постепенно формирующегося и набирающего известность понятия «эманация права».

Следует отметить, что вопросы, касающиеся эволюции права, в основном рассматриваются учеными в отраслевом либо институциональном формате, который представляется довольно узким.

С. В. Курзанов пытается осмыслить эволюцию права, опираясь на идеи синергетики. С его точки зрения, право, как и любая другая система, в своем становлении проходит несколько стадий — «хаос, порядок, переход к хаосу, выход

¹ См.: Чаннов С. Е. Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий // Государство и право. 2021. № 3. С. 25.

² Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Репр. изд. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 89.

из него (самоорганизация»)³. Синергетическое развитие права исследуется в «системе шкал времени (развития цивилизаций и технологий) и количества пользователей права»⁴. При этом точкой отсчета для ученого становится свод религиозных правил государства Шумера (почему избрана данная точка, остается непонятным). Закат шумерской цивилизации, по мнению автора, является стадией порядка, поскольку «законотворческая работа стала правилом для государств Шумера уже к середине 3 тыс. до н. э.»⁵, она пришла на смену хаосу, обозначенному как период бесправия и произвола. Формы передачи правовой информации были простыми. Например, всемирно известные законы Хаммурапи были высечены на черном базальтовом столбе, а их дубликаты были размещены на всей территории царства. В дальнейшем, с развитием цивилизаций и технологий, появляются новые способы внешнего выражения принципов и норм права. Знания о праве постепенно становятся всё более доступными, количество их носителей неуклонно возрастает. На основании этого С. В. Курзанов делает вывод о синергетическом взаимодействии права и технологического развития человечества. Он признает, что данные системы разные по своей сути, но это не мешает им взаимопроникать и поступательно саморазвиваться.

При этом автор не учитывает, что поступательное развитие, в том числе и поступательное саморазвитие, может осуществляться как вперед, так и назад, быть как прогрессивным, так и регрессивным. Более того, обращаясь к понятию «саморазвитие», следует отметить, что оно объясняется как развитие, «происходящее силой внутренних причин, независимо от внешних факторов, самодвижение»⁶. Но право не мо-

жет развиваться автономно. На генезис права влияют экономические, социальные, политические и иные факторы. Возникающие в обществе фактические правоотношения порождают необходимость выработки принципов и норм права, которые будут «официально» регулировать те взаимосвязи, которые уже объективно сложились.

В. А. Витушко исследует эволюцию единого цивилизационного права, представленного сегодня общепризнанными принципами международного права, системой прав человека⁷. Он исходит из того, что все народы и государства исторически прошли единые цивилизационные этапы развития. Для него процесс эволюции единого права прошлого и настоящего начинается с появления человекоподобных существ — гоминид.

Опираясь на исследования археологов и антропологов, ученый приводит ряд доказательств, указывая, в частности, на то, что гоминиды были существами разумными, выработавшими первые универсальные, обязательные, рассчитанные на многократное применение социально-правовые нормативы жизни⁸.

Скорее всего, по мнению автора, право и религия начали формироваться одновременно. И первоначально на низших ступенях развития человеческого общества составляли единое целое. Об этом писал еще известный дореволюционный правовед Д. И. Майер. Появившиеся обряды носили правовой характер. Их дальнейшее развитие привело к появлению канонического права, действующего до настоящего времени.

В. А. Витушко обращает внимание на единые у всех народов направления развития искусства, особенности ментальности и

³ Курзанов С. В. Синергетические процессы в эволюции права // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. № 4. С. 79.

⁴ Курзанов С. В. Указ. соч. С. 80.

⁵ Курзанов С. В. Указ. соч. С. 80.

⁶ Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 4. Стб. 39–40.

⁷ См.: Витушко В. А. Эволюция права // Право и демократия : сборник науч. трудов. Вып. 24 (2013). Разд. I : Политическая и правовая система общества / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]]. Минск : Изд. центр БГУ, 2013. С. 47–68.

⁸ См.: Витушко В. А. Указ. соч. С. 47–48.

психологии ведения коллективного хозяйства. Исторические факты убедительно говорят о том, что на смену политеистической религии пришел монотеизм, власть канонического права уступила место светской власти абсолютных монархий.

Ученый выделяет четыре единых (цивилизационных) этапа эволюции единого (цивилизационного) права, а именно:

— первый, в ходе которого началось формирование права в среде гоминид;

— второй, начавшийся с появления человека современного типа, отличался тем, что выработались первобытные принципы и обычаи; человек научился осознанно применять накопленные знания; возникла межличностная интеллектуальная конкуренция, дополнившая имущественное и иное социальное расслоение в обществе; сформировалась потребность увековечить обычаи — письменность позволила народам выбивать их на камнях, записывать на папирусах (появились первые формы фиксации правового материала);

— третий этап ознаменовал появление государства «как наиболее приспособленной формы сообщества людей для оперативного управления такой социальной энергией, как право»; начинается постепенный процесс изменения соотношения сил между государством и другими социальными институтами, прежде всего семьей; развивается правотворческая деятельность государства; отношения между личностью и обществом усложняются, формируются представления о публичных и частных интересах, всё это сопровождается «губительной для духовного единства народа борьбой религий»⁹;

— четвертый этап становления цивилизационного права начался с буржуазных революций XVII в. и продолжается до настоящего времени; его отличительными чертами являются установление формального и абсолютного равен-

ства всех людей, признание принципов права самостоятельной ценностью (при этом автор подчеркивает, что принципы права начали формироваться еще в глубокой древности, например, законы Хаммурапи строились на принципе равенства защиты участников правоотношений).

В. А. Витушко делает вывод, с которым трудно не согласиться: право нельзя сводить к нормам, созданным государством. «Право есть хотя и динамичная, но вечная и устойчивая система, созданная всем обществом. Оно неотъемлемый атрибут общества, равно как клеточная составляющая является основой высокоразвитой живой материи»¹⁰.

С. Г. Проскурин, исследуя эволюционные ступени развития концепта суда, затрагивает общие вопросы эволюции права в свете семантики. Он исходит из того, что «по своей природе право — семиотическая система. Ему присущи все черты эволюции знаков. Большинство знаковых символов переживают трансформацию от сильного символа к ослабленному и затем — совсем слабому. Это своего рода семиотическая закономерность»¹¹. По мнению ученого, современное право — это слоевое образование, исторически сложившееся из естественного права, позитивного права и сакрального (божественного) права. Именно в них и выражается глубинная знаковая природа права. «Коррелятами видов права на семиотическом уровне являются знаки: естественные, конвенциональные и сакральные»¹². Изучение эволюции ряда институтов позволяет автору сделать вывод о том, что эволюция права шла по общей закономерности семиотического ослабления. Анализ генезиса терминологического аппарата правовых систем также говорит о том, что «физическое воздействие в эволюции права ослабевает, однако интеллектуальное, духовное возрастает. Полученные данные свидетельствуют о тенденции тяготения терминов права к слабому знаку»¹³.

⁹ См.: Витушко В. А. Указ. соч. С. 56.

¹⁰ Витушко В. А. Указ. соч. С. 67.

¹¹ Проскурин С. Г. Эволюция права в свете семиотики // Вопросы филологии. 2010. № 3 (36). С. 106.

¹² Проскурин С. Г. Указ. соч. С. 106.

¹³ Проскурин С. Г. Указ. соч. С. 110.

В. Б. Романовская, Л. Р. Романовская эволюцию права рассматривают в контексте процессов сакрализации и секуляризации. Они исходят из того, что «на ранних этапах развития общества и государства нормы права не отделялись от религиозных и были с ними тесно связаны. Все древние системы писаного права имели религиозную основу»¹⁴.

Соответственно, первоначально право развивалось преимущественно в сакральной форме. С развитием государственности ситуация стала меняться, постепенно сакральная форма права стала вытесняться светским правом, сохраняя при этом в ряде случаев весьма почетное место.

По мнению исследователей, значительную роль в эволюции права сыграло средневековое каноническое право и римская юриспруденция в интерпретации средневековых юристов. В отличие от права, действующего в рамках определенных территориальных единиц (городское право средневековых городов, в том числе местные обычаи права), каноническое право, несмотря на его широкую юрисдикцию, было единым, оно одинаково применялось, создавая тем самым прообраз единого правового пространства, формируя условия для развития профессионального юридического канонического образования и упрочения новой правовой идеологии¹⁵.

Раскол католицизма и появление протестантской идеологии, приведшие к кризису религиозного сознания, нашли отражение и в праве, начался процесс его десакрализации и секуляризации. Таким образом, эволюция права выразилась в его переходе от сакрализации к секуляризации.

Т. В. Кашанина, исследуя регулируемые правом общественные отношения в историко-правовом разрезе, выделяет 10 закономерностей права, приобретенных им в процессе

исторического развития: «Увеличение удельного веса (плотности) правового регулирования, расширение сферы правового регулирования, усиление специализации правового регулирования, повышение детализации права, ускорение динамизма права, повышение степени абстрактности права, наращивание доли общих интересов в праве, разрастание массива регулятивных норм, повышение юридико-технической оснащенности права и унификации права»¹⁶. Автор рассматривает эволюционное развитие права как позитивный процесс, в ходе которого повышается значимость права и его регулятивная сила.

С. Е. Чаннов рассматривает эволюцию права и развитие права как равнозначные понятия. Эволюция права предстает в его понимании как процесс изменения, перехода права из одного состояния в другое, как правило более совершенное. По мнению исследователя, эволюция (развитие) права есть «непрерывное качественное его изменение, характеризующееся возникновением новых правовых явлений и /или исчезновением старых»¹⁷. Эволюция права имеет место только в случае появления новых, ранее неизвестных правовых явлений либо исчезновения привычных.

Следует согласиться с позицией ученого, отмечающего, что эволюция права — процесс постоянный, не может быть статичного права. По общему правилу эволюция права «есть усложнение, оптимизация правового регулирования и правоприменения»¹⁸, повышение их качества и эффективности. В то же время эволюция права может идти и по пути деградации, выражающейся, в частности, в нивелировании прав и свобод человека и гражданина, пренебрежении принципами и нормами международного права.

От чего зависит эволюция права, правовой системы? Ж.-Л. Бержель считает, что наиболее

¹⁴ Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2014. № 3 (2). С. 191.

¹⁵ Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Указ. соч. С. 192–193.

¹⁶ Кашанина Т. В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 44.

¹⁷ Чаннов С. Е. Указ. соч. С. 29.

¹⁸ Ершов В. В. Регулирование правоотношений : монография. М. : РГУП, 2020. С. 29.

эффективным катализатором эволюционного процесса являются общие принципы права. На их основе вырабатываются новые юридические правила. Французский ученый подчеркивает, что «эволюция права тоже имеет свои внутренние законы, и эти законы юридической эволюции задают определенное направление новаторским усилиям наиболее смелых юристов»¹⁹. Великие политические, экономические и социальные революции «вызывают к жизни новые и низвергают устоявшиеся, традиционные принципы»²⁰. Ж.-Л. Бержель обращает внимание на разные последствия изменений принципов и норм права. Трансформация первых неизбежно влечет за собой пересмотр «большого числа юридических правил»²¹. При этом Ж.-Л. Бержель подчеркивает, что эволюция права не затрагивает основу — общие принципы права, она остается неизменной. «Юридический феномен развивается и эволюционирует во временном, географическом и социальном контексте и не может рассматриваться в отрыве от него»²².

Как мы видим, в правовой науке сложились разные подходы к пониманию категории «эволюция права». На наш взгляд, следует различать понятия «изменения права» и «эволюция права», поскольку не всякое изменение является эволюцией. Право, с одной стороны, имеет объективный характер, поскольку без него не может существовать ни одно общество, а с другой — субъективный, поскольку является результатом интеллектуальной деятельности человека, осуществляемой в процессе правотворчества.

Эволюция права — это не просто процесс его изменения. Эволюция права имеет место, только когда количественные изменения переходят в качественные, означающие расширение правовых возможностей человека и гражданина, повышение гарантий реализации его прав и свобод. При этом очевидно, что выделение этапов эволюции права всегда будет достаточ-

но условным, поскольку нельзя точно сказать, когда завершился старый (несовершенный) период жизни права и начался новый (более совершенный, право стало более определенным).

Эволюции права предшествует эволюция общества, характеризующаяся множеством элементов, среди которых наиболее важным применительно к предмету нашего исследования является повышение уровня правовой культуры, позволяющее выработать и реализовать такие правовые регуляторы, которые отражают потребности общества, позволяют удовлетворить их и двигаться дальше по пути прогресса.

Признанные сегодня общие или основополагающие принципы права являются, на наш взгляд, самым значимым результатом развития права. Дальнейшая эволюция права (видимо, это процесс бесконечный) будет характеризоваться качественными изменениями отраслевых и институциональных принципов и норм права, выражаться в исчезновении старых и появлении новых правовых регуляторов. Но вряд ли общество сможет выработать новые общие принципы права, поскольку они выступают начальной точкой отсчета, незыблемой основой, сформировавшейся в результате обобщения многовекового опыта правового регулирования правоотношений. Отказ или отступление от них будет означать не эволюцию, а инэволюцию права — движение назад (регресс права). В данном случае важно не забывать, что «нынешнее право создавалось на основе права вчерашнего дня, так же как право завтрашнего времени будет проистекать из современного»²³.

Эволюция права не тождественна эманации права. Как уже было отмечено ранее, данное явление практически не исследовано представителями современной науки. Имеющиеся немногочисленные подходы показывают сложность и многоаспектность его понимания.

¹⁹ Бержель Ж. Л. Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В. И. Даниленко. М. : Nota Bene, 2000. С. 181.

²⁰ Бержель Ж. Л. Указ. соч. С. 182.

²¹ Бержель Ж. Л. Указ. соч. С. 182.

²² Бержель Ж. Л. Указ. соч. С. 194.

²³ Бержель Ж. Л. Указ. соч. С. 196.

Понимание эманации как процесса перехода от общего к частному предложил С. И. Архипов. По его мнению, «общим основанием, из которого возникают все существующие субъекты права, является человек как правовой феномен. Юридические личности, в том числе государства, иные публичные корпорации, индивиды как субъекты права получают от него в результате эманации свои правовые качества (правовую волю, правовое сознание и т.д.), являющиеся их “субстратом”»²⁴. Индивид как субъект права лишен всего особенного, индивидуального, всё общее заполняет форму юридического лица. «Человек, не признаваясь субъектом права, является единственным источником всего правового и главной целью права»²⁵.

По мнению В. В. Ершова, М. Б. Полякова, эманация права представляет собой «процесс развития права от обычаев права к правовым договорам, в результате которого возможно достижение более высокой определенности права и правоприменительной практики и, главное, максимально эффективной защиты прав и свобод субъектов правоотношений»²⁶.

Термин «эманация» имеет латинские корни, переводится как «истечение» или «распространение». Данное философское понятие было разработано в рамках неоплатонизма для обозначения перехода от высшей, совершенной ступени развития к низшей, менее совершенной (свет, отдаляясь от источника его излучения, перестает быть ярким, становится всё более тусклым). В более поздних философских учениях эманация приобрела другой смысл — стремление от небезупречного к первоначальному совершенству.

Исходя из этого, на наш взгляд, эманация права — это такое развитие форм права, кото-

рое предполагает возврат к первоначальному, более сложному и совершенному.

При изучении эманации права, как и любых других вопросов, важно четко определить исходные методологические посылки. Их несколько:

— «право объективируется прежде всего в его принципах и нормах, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве»²⁷;

— право возникло раньше государства, оно присуще любому человеческому обществу — «где общество, там и право»²⁸. Определенная иерархия и порядок есть и в животном мире, но человек, выделивший из него, сумел выработать социальные законы, существенно потеснив из своей жизни биологические.

По мнению В. М. Сырых, догосударственный период возникновения и развития права включал в себя два этапа. На этапе становления права все процессы действия права — от его формирования и до защиты — были личным делом каждого индивида, отстаивающего свои интересы либо самостоятельно, либо объединившись с родственниками. Суть второго этапа выражалась в вовлеченности общества в процесс формирования права²⁹. Человек сумел понять, что единые правила, которым подчиняются все, усиливают его возможности выжить, позволяют ему удовлетворять свои потребности.

Право было создано не государством, не его органами, а обществом в условиях простого товарного производства. Как отмечает В. М. Сырых, его создатель — благочестивый частный собственник. Первый обмен товарами озаменовал начало жизни права как нового социального явления, возникшего в результате

²⁴ Архипов С. И. Субъект права (теоретическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 11–12.

²⁵ Архипов С. И. Указ. соч. С. 12.

²⁶ Ершов В. В., Поляков М. Б. Эманация права // Российское правосудие. 2023. № 1. С. 5.

²⁷ Ершов В. В. Указ. соч. С. 17.

²⁸ Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. М. : Юрист, 2002. С. 328–329.

²⁹ Сырых В. М. Основы материалистической теории права : монография : в 4 т. М. : Юрлитформ, 2022. Т. 1 : Объективное право и формы его выражения. С. 75.

развития производительных сил и изменяющегося в связи с этим общества³⁰. Право формируется как система общеобязательных достаточно абстрактных правил поведения. Оно не даровано обществу никем, оно является «результатом мыслительной деятельности конкретного общества, населения отдельной страны»³¹.

Конечно, первые религиозные воззрения человека (как способ объяснения сущности окружающего мира) не могли не повлиять на процесс формирования права. Именно поэтому право первобытного общества носило мистический характер, обусловленный особой юридической ментальностью³². Его формой выражения становятся обычаи, а также табу (они говорят о том, что первым самостоятельно действующим способом правового регулирования был именно запрет, а дозволения и обязывания выделились позднее).

Общество на протяжении многих веков живет в соответствии с обычаями, передаваемыми из поколения в поколение и реализуемыми в абсолютном большинстве случаев добровольно (думается, что изгнание из рода как крайняя мера наказания оказывала «отрезвляющее» воздействие на отдельных индивидов). Обычаи были разумны, рациональны, формально определены. Индивид понимал смысл, значение совершаемых действий или воздержания от них, необходимость подчинения своих интересов и воли сложившимся правилам поведения.

Почему обычаи стали исторически первой формой права, действующей до настоящего времени? Что является их источником? В науке сформировались разные позиции по данным вопросам.

В. М. Сырых, рассуждая о процессе перевода объективного права в действительное, отме-

чает особую роль индивидуального права как органичной части правосознания конкретного индивида, как проводника объективного права в жизнь³³. Правила поведения, составляющие содержание обычая права, воспринимались индивидами (и воспринимаются до сих пор) в качестве собственного права, поскольку отвечали их потребностям и интересам. Отсюда высокие регулятивные возможности обычаев права.

В. В. Ершов считает, что источником обычаев права выступают единообразные, повторяющиеся действия³⁴. Фактически такую же позицию применительно к источникам обычаев трудового права занимает и Л. С. Джигоева³⁵.

На наш взгляд, при анализе обычаев права следует учитывать, что это единственная устная форма права. Именно поэтому обычай права подтверждается единообразными, многократно повторяющимися действиями или бездействием субъектов, значение которых оказывается двояким. С одной стороны, они подтверждают, что правило поведения, составляющее содержание обычая права, актуально и востребовано, а с другой — одновременно и реализуют его.

Обычаи права отличаются от иных форм права еще и тем, что являются результатом правотворческой деятельности всего общества или определенной социальной группы, нации, народности. В них воплощается воля каждого. Можно только частично согласиться с позицией Д. Г. Самхарадзе, считающего, что договор и обычай являются различными формами одной сущности, это соглашение субъектов³⁶.

В правовых договорах находит отражение воля управомоченных субъектов (договоры подписываются, субъекты вырабатывают и согласовывают общую волю), а в обычаях права — воля общества, определенной социаль-

³⁰ Сырых В. М. Указ. соч. С. 75–76.

³¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 77.

³² Проблемы теории государства и права. С. 330.

³³ Сырых В. М. Указ. соч. С. 81.

³⁴ Ершов В. В. Указ. соч. С. 491, 493.

³⁵ Джигоева Л. С. Возникновение и развитие обычая как формы российского трудового права // Право и государство: теория и практика. 2016. № 3 (135). С. 105.

³⁶ Самхарадзе Д. Г. Взаимодействие источников современного международного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

ной группы (выработанные принципы и нормы права воспринимаются на уровне подсознания, входят в привычку). Иными словами, источником принципов и норм права, содержащихся в обычаях права, является добровольное волеизъявление членов общества, социальных групп. В этом, на наш взгляд, заложена незыблемая сила данной формы права, ее живучесть, действенность и реальность как в прошлом, настоящем, так, думается, и будущем времени. Обычаи права выступают самой совершенной формой права, поскольку реализация содержащихся в них принципов и норм права не требует обеспеченности мерами государственного принуждения.

В догосударственный период развития право имело еще одну форму выражения — договоры. Да, они были простыми, устными, иногда сопровождались ритуалами, их субъектами выступали старейшины, вожди, выражающие волю всего рода. Благодаря им появились фратрии, племена, союзы племен. Устные договоренности лежали в основе деления племен на союзников и непримиримых врагов.

Таким образом, на первом этапе возникновения и развития право формируется как инструмент согласования воли индивидов. Может быть, именно поэтому выработанные обществом общеобязательные принципы и нормы права, опирающиеся на разум человека, силу общественного мнения, действовали не одно тысячелетие.

Право становится необходимой социальной связью в условиях развивающегося общественного производства, появляющегося государственно организованного общества. Развитие экономических отношений, усложнение в связи с этим социального взаимодействия привели к усилению социального расслоения населения, росту социальных конфликтов. В результате обычаи права оказываются недостаточными для регулирования правоотношений. В силу множества причин объективного и субъективного

характера общество утрачивает способность «формировать право на сугубо общественных началах»³⁷.

Наступает эра государства, взявшего на себя основную функцию формирования права, породившего новые источники права (в виде правотворческой и правосогласительной деятельности органов государственной власти) и новые формы его выражения (правовые акты, правовые договоры и пр.). При этом многие обычаи права, ставшие необъемлемой частью жизни общества, сохраняют свое значение. Они дополняют и восполняют правовые ниши, не урегулированные писаным правом. Таким образом, и общество, и государство продолжают свою правотворческую деятельность, но уже в предметно-территориальных рамках.

В настоящее время общество и государство вступили в новую эпоху — сегодняшний день уже немыслим без цифровизации права, цифровизации в праве. Это позволяет говорить о новом этапе эманации права, когда на смену письменным формам права приходят цифровые, имеет место самое большое разнообразие форм права (устные, письменные, цифровые).

Но этим эманация права не завершается. Она еще далека от совершенного результата. Многие мыслители прошлого пытались создать картину прекрасного будущего, например, в виде коммунистического общества. По мнению Ф. Энгельса, когда «государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним... и само собой засыпает... оно отмирает»³⁸. Общество и государство сливаются воедино. Но отмирание государства не влечет и не может влечь за собой отмену правового регулирования тех видов общественных отношений, которые в этом объективно нуждаются. Ведь без права не может существовать ни одно человеческое общество. И тогда, возможно, останется одна форма права, наступит кульминационный момент эманации права. Общество вернется к

³⁷ См.: Проблемы теории государства и права. С. 24.

³⁸ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 19. С. 224–225.

упорядочению правоотношений посредством исключительно обычаев права, поскольку останется только один источник права — согласованная воля его участников. Реализация обычаев права будет обеспечиваться высоким уровнем правосознания субъектов права.

Выводы

1. Эволюция права — это «движение вперед» принципов и норм права, выработка правотворческими субъектами на основе общих принципов права таких общеобязательных правовых регуляторов, которые позволяют обществу перейти на качественно новый этап жизни, новую ступень правового регулирования правоотношений.

2. Эманация права — это трансформация форм права, отражающая процесс понимания и внешнего выражения прежде всего общих принципов права как основы всеобщих правовых связей. Эманация права — это поиск идеальной формы внешнего объективирования права, выражающийся в движении от простых обычаев права, правовых актов, правовых договоров (письменных и цифровых) к обычаям права будущего идеального общества.

3. Эволюция права и эманация права — это процессы развития права с точки зрения его содержания и форм внешнего выражения.

4. Эволюция и эманация права — сложные, многоаспектные категории. Вопрос соотношения эволюции и эманации права требует дальнейшего изучения, в ходе которого, несомненно, будут открыты новые для науки грани.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов С. И.* Субъект права (теоретическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2005. — 46 с.
2. *Бержель Ж. Л.* Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В. И. Даниленко. — М. : Nota Bene, 2000. — 576 с.
3. *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Репр. изд. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 264 с.
4. *Витушко В. А.* Эволюция права // Право и демократия : сборник науч. трудов. Вып. 24 (2013). Раздел I : Политическая и правовая система общества / БГУ, Юридический фак. : [редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2013. — С. 47–68.
5. *Джигоева Л. С.* Возникновение и развитие обычая как формы российского трудового права // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 3 (135). — С. 105–108.
6. *Ершов В. В.* Регулирование правоотношений : монография. — М. : РГУП, 2020. — 563 с.
7. *Ершов В. В., Поляков М. Б.* Эманация права // Российское правосудие. — 2023. — № 1. — С. 5–20.
8. *Кашанина Т. В.* Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 12 (85). — С. 44–53.
9. *Курзанов С. В.* Синергетические процессы в эволюции права // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2015. — № 4. — С. 79–87.
10. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Юрист, 2002. — 656 с.
11. *Проскурин С. Г.* Эволюция права в свете семиотики // Вопросы филологии. — 2010. — № 3 (36). — С. 106–111.
12. *Романовская В. Б., Романовская Л. Р.* Эволюция права: от сакрализации к секуляризации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Право». — 2014. — № 3 (2). — С. 191–195.
13. *Самхарадзе Д. Г.* Взаимодействие источников современного международного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 31 с.

14. Сырых В. М. Основы материалистической теории права : монография : в 4 т. Т. 1 : Объективное право и формы его выражения. — М. : Юрлитформ, 2022. — 568 с.
15. Чаннов С. Е. Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий // Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 24–35.
16. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Изд. 2-е. — Т. 19. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. — 670 с.

Материал поступил в редакцию 11 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipov S. I. Subekt prava (teoreticheskoe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2005. — 46 s.
2. Berzhel Zh. L. Obshchaya teoriya prava: per. s fr. / pod obshch. red. V. I. Danilenko. — M.: Nota Bene, 2000. — 576 s.
3. Vasilev A. M. Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava: monografiya. Repr. izd. — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 264 s.
4. Vitushko V. A. Evolyutsiya prava // Pravo i demokratiya: sbornik nauch. trudov. Vyp. 24 (2013). Razdel I: Politicheskaya i pravovaya sistema obshchestva / BGU, Yuridicheskiy fak.: [redkol.: V. N. Bibilo (gl. red.) [i dr.]]. — Minsk: Izd. tsentr BGU, 2013. — S. 47–68.
5. Dzhioeva L. S. Vozniknovenie i razvitie obychaya kak formy rossiyskogo trudovogo prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2016. — № 3 (135). — S. 105–108.
6. Ershov V. V. Regulirovanie pravootnosheniy: monografiya. — M.: RGUP, 2020. — 563 s.
7. Ershov V. V., Polyakov M. B. Emanatsiya prava // Rossiyskoe pravosudie. — 2023. — № 1. — S. 5–20.
8. Kashanina T. V. Evolyutsionnye zakonomernosti prava // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2017. — № 12 (85). — S. 44–53.
9. Kurzanov S. V. Sinergeticheskie protsessy v evolyutsii prava // Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly. — 2015. — № 4. — S. 79–87.
10. Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. posobie / pod red. M. N. Marchenko. — M.: Yurist, 2002. — 656 s.
11. Proskurin S. G. Evolyutsiya prava v svete semiotiki // Voprosy filologii. — 2010. — № 3 (36). — S. 106–111.
12. Romanovskaya V. B., Romanovskaya L. R. Evolyutsiya prava: ot sakralizatsii k sekulyarizatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya «Pravo». — 2014. — № 3 (2). — S. 191–195.
13. Samkharadze D. G. Vzaimodeystvie istochnikov sovremennogo mezhdunarodnogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2005. — 31 s.
14. Syrykh V. M. Osnovy materialisticheskoy teorii prava: monografiya: v 4 t. Т. 1: Obektivnoe pravo i formy ego vyrazheniya. — М.: YurLitform, 2022. — 568 s.
15. Channov S. E. Izmeneniya, evolyutsiya, transformatsiya prava: sootnoshenie ponyatiy // Gosudarstvo i pravo. — 2021. — № 3. — С. 24–35.
16. Engels F. Razvitie sotsializma ot utopii k nauke // Marks K., Engels F. Sochineniya. — Izd. 2-e. — Т. 19. — М.: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1961. — 670 s.

Город как объект юридической науки: проблемы и перспективы правового регулирования

Аннотация. Одной из современных тенденций развития общества и государства является тотальная урбанизация, которая воплощается в отмирании сельского уклада и концентрации населения и капитала в мегаполисах и окружающих их агломерациях. В статье рассматриваются исторические закономерности урбанизации, исследуется место города в системе гуманитарного знания, констатируется зарождение нового междисциплинарного направления исследования города — юридической урбанологии, предметом которой является правовое пространство современного города. Город исторически выступали центрами политики, торговли, образования, а распространение городского уклада стало одной из неотъемлемых черт капиталистического способа производства, который является главенствующей экономической системой производства и распределения на современном этапе. Тем не менее правовое регулирование городских отношений сопряжено с рядом проблем, требующих разрешения как на теоретическом уровне, так и на уровне законодательства. В этой связи в статье анализируется актуальное российское законодательство, а также подзаконное и ведомственное нормотворчество на предмет соответствия требованиям времени и оценки эффективности регулирования основ правового пространства города. Для разрешения выявленных проблем предлагается принятие системного программного акта, при подготовке которого может учитываться опыт зарубежного регулирования сферы городских отношений.

Ключевые слова: право на город; правовое пространство; город; урбанизация; мегаполис; моногород; государство; экономика; политика; урбанистика; урбанология; типология; гражданское участие; совместность.

Для цитирования: Филин А. Ю. Город как объект юридической науки: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 22–29. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.022-029.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Геоправо»).

© Филин А. Ю., 2024

* Филин Андрей Юрьевич, аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
filin.pravo@yandex.ru

The City as an Object of Legal Science: Problems and Prospects of Legal Regulation

Andrey Yu. Filin, Postgraduate Student, Department of Theory of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
filin.pravo@yandex.ru

Abstract. One of the modern trends in the development of society and the State is total urbanization, which is embodied in the withering away of the rural way of life and the concentration of population and capital in megacities and surrounding agglomerations. The paper examines the historical patterns of urbanization, investigates the place of the city in the system of humanitarian knowledge, and explains the emergence of a new interdisciplinary field of urban research, namely, legal urbanology, the subject of which is the legal space of a modern city. Historically, cities have been centers of politics, trade, and education, and the spread of urban life has become one of the integral features of the capitalist mode of production that is the dominant economic system of production and distribution at the present stage. Nevertheless, the legal regulation of urban relations is associated with a number of problems that require resolution both at the theoretical level and at the legislative level. In this regard, the paper analyzes current Russian legislation, as well as subordinate and departmental rulemaking for compliance with the requirements of the time and evaluation of the effectiveness of regulating the foundations of the legal space of the city. To resolve the identified problems, it is proposed to adopt a systematic program act, the preparation of which can take into account the experience of foreign regulation of the sphere of urban relations.

Keywords: right to the city; legal space; city; urbanization; megapolis; single-industry city; state; economy; politics; urbanism; urbanology; typology; civic participation; teamwork.

Cite as: Filin AYu. The City as an Object of Legal Science: Problems and Prospects of Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):22-29. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.022-029.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program (Geopravo Competence Center).

Город представляет собой комплексное многоаспектное явление, которое на протяжении всей человеческой истории вызывает интерес ученых и философов.

Одни из первых городов возникли еще в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. на африканском и азиатском континентах в долинах крупных рек, что позволяло не только использовать плодородную за счет естественной ирригации почву, но и эффективно вести торговлю с другими поселениями и контролировать основные транспортные пути. Несколько иной путь развития городов имел место в Западной Европе, где к VIII в. до н. э. сформировалась полисная структура общества, характеризующаяся наличием относительно небольших городов-государств с разнообразным социальным и профессиональным составом населения и специфической системой политического управления.

Несмотря на особенности условно азиатского и европейского пути образования городов, можно выделить ряд общих черт, присущих им:

- 1) концентрацию капитала в городах;
- 2) централизацию органов власти в крупных городах и возникновение столицы как политического центра государства;
- 3) формирование городской идентичности, отличной от сельской;
- 4) возникновение исторического облика города: природно-культурного ландшафта, сети общественных пространств, архитектуры и пространства.

Приведенные тенденции определили дальнейшую роль города в развитии человеческой цивилизации и обусловили занятие им центрального места в системе социопрофессиональной организации.

В настоящий момент город выступает объектом исследования различных отраслей гума-

нитарного знания: политологии, антропологии, социологии, культурологии, философии и т.д. Тем не менее вплоть до конца XX в. город как государствообразующая политико-правовая категория оставался за рамками юридической науки.

Следует отметить, что, хотя в рамках отраслевых юридических наук отдельным аспектам городских отношений всё же уделялось некоторое внимание, в теоретико-правовой науке город как фундаментальная категория юриспруденции не рассматривался в принципе. Вместе с тем рост численности городского населения и урбанизация сельской местности (где также активно распространяется городской уклад), развитие мегаполисов и концентрация экономической жизни в крупных мегаполисах окончательно определили необходимость формирования новой отрасли правоведения: юридической урбанографии, предметом которой выступает правовое пространство современного города.

Одной из наиболее обстоятельных работ в данной области является коллективная монография под редакцией В. В. Таболина «Юридическая урбанография. Урбанографическая теория»¹, которая объединила исследования таких авторов, как П. А. Астафичев, В. А. Волох, Н. А. Воронина, А. Н. Дементьев. За рубежом проблема юридической природы городских отношений также широко отражена в работах социологов и политологов: А. Лефевра, Д. Харви, М. Хардта, А. Негри и др. Вместе с тем ввиду крайней сложности предмета исследования, обусловленной его междисциплинарным характером, приходится констатировать, что до настоящего момента не сложилось единого подхода к формированию теоретико-методологических и нормативных основ правовой модели города.

В начале XXI в. в российский правовой дискурс активно внедряется категория «право на город», единого понимания которой, однако, еще не сложилось. Так, основоположниками

данного понятия (А. Лефевр, Д. Харви) «право на город» рассматривается как «концепция пересмотра в сознании и в политической практике города как пространства для творческого труда, которое будет защищено от довлеющего воздействия коммодификации и капитализма, разрушающих социальные отношения и порождающих в XIX–XX вв. пространственное неравенство в мировых городах»². При этом российские авторы, осуществившие рецепцию данной правовой категории в отечественную науку, например Е. С. Кочухова, В. С. Мартыянов, понимают под «правом на город» буквально субъективное право горожан на доступ к широким социальным благам, право слабых городских субъектов заявлять и отстаивать свои интересы³.

Другие исследователи, например В. В. Таболин, напротив, отказываются от использования данного понятия, применяя для обозначения юридического содержания городских отношений более традиционные для отечественной юридической техники термины «городское право» или «правовое пространство города». Указанные категории являются значительно более широкими по содержанию и охватывают всю систему правоотношений, регулируемых различными отраслями права, которая включает в себя как конкретные отношения, реализуемые индивидуальными субъектами, так и абстрактные, в которых совокупность жителей города воплощается как единый коллективный субъект городского права.

Частично проблему формирования теоретико-методологических основ изучения города как категории юриспруденции могло бы восполнить нормативное регулирование городских отношений, однако российское законодательство в этой области едва ли способствует этому, поскольку оно изобилует пробелами, фрагментарным и ситуативным регулированием, в нем нет системного подхода к формированию основ правовой модели современного города.

¹ См.: Юридическая урбанография. Урбанографическая теория : монография : в 2 т. / колл. авт. ; под общ. ред. В. В. Таболина. М. : Юстицинформ, 2021.

² Лефевр А. Право на город // Экономическая социология. 2023. № 1. С. 55.

³ Кочухова Е. С., Мартыянов В. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. № 2. С. 60.

В этом смысле существенным пробелом отечественного законодательства является отсутствие единого программного акта, в котором могли бы быть сформулированы основные понятия и концепции городского права.

Зарубежным юрисдикциям известны случаи системного правового регулирования городских правоотношений и формирования нормативных основ городского правового пространства. Так, Постоянной конференцией местных и региональных органов власти Европы (CLRAE) Совета Европы 18 марта 1992 г. принята Европейская хартия городов, которая представляет собой комплексный программный документ, регулирующий сферу городских отношений, в том числе проблемы городского и местного управления, вопросы реализации прав граждан и повышения качества жизни, развития инфраструктуры и обеспечения безопасности⁴.

Внимания заслуживает также тот факт, что названный документ нормативно закрепляет определение понятия «город», в то время как современное российское законодательство легальной дефиниции города не содержит. Так, согласно названной хартии, город представляет собой автономную административную единицу, объединяющую сообщество жителей с определенными интересами, населенный центр с организованным строительством, коммунальным обслуживанием и своей собственной администрацией.

Вместе с тем следует отметить, что Европейская хартия городов может быть использована исключительно как пример формирования основ правового пространства города. Рецепция указанного документа едва ли может способствовать совершенствованию отечественного нор-

мотворчества в области построения правовой модели города, что обусловлено как специфической юридической техникой хартии, так и кругом вопросов, которые актуальны для стран Европейского Союза и значительно отличаются от проблематики городского пространства России.

Другой существенной проблемой российского правотворчества в области регулирования городских отношений является подзаконный характер большинства актов в данной сфере. При этом нормативное регулирование на уровне федеральных законов практически отсутствует, а региональное законодательство существенно различается в трактовках того, что есть город, какими признаками он обладает и в каких функциональных типах он воплощается на практике. Так, распоряжением Правительства РФ определение статуса города отнесено к компетенции законодательных органов субъектов Российской Федерации⁵. Анализ регионального законодательства свидетельствует о том, что даже общие признаки, позволяющие определить содержание понятия «город», серьезно различаются в зависимости от географического положения субъекта и близости к крупным мегаполисам и их агломерациям.

Например, в Республике Крым городом признается населенный пункт, имеющий городскую черту, численность населения не менее 8 тыс. человек, промышленное, социально-экономическое, историческое и культурное значение, а также перспективы для экономического развития и роста численности населения⁶. В Краснодарском крае, который, очевидно, имеет более высокий уровень урбанизации, критерий численности населения для определения статуса города увеличивается до 15 тыс.⁷, а в столичном

⁴ Европейская хартия городов (принята Постоянной конференцией местных и региональных органов власти Европы (CLRAE) Совета Европы 18 марта 1992 г.) // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=22053> (дата обращения: 04.09.2023).

⁵ П. 2 Методики формирования индекса качества городской среды, утв. распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 2019. № 13. Ст. 1453.

⁶ Ч. 1 ст. 1 Закона Республики Крым от 06.06.2014 № 18-ЗПК «Об административно-территориальном устройстве Республики Крым» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 26.08.2014. № 1 (ч. 2).

⁷ П. 4 ст. 7 Закона Краснодарского края от 02.07.2009 № 1765-КЗ «Об административно-территориальном устройстве Краснодарского края и порядке его изменения» // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 08.07.2009. № 20 (150). Ч. I. С. 11.

округе городом считается лишь такое образование, которое имеет развитую промышленность либо научно-производственный комплекс и социальную инфраструктуру, численность населения не менее 50 тыс. человек (либо меньше при условии важного промышленного, социально-культурного или исторического значения), а также перспективы экономического развития и роста численности населения⁸.

Тем не менее указанные признаки едва ли достаточны для определения понятия «город» и не отражают различные функциональные типы городов, разграничение которых чрезвычайно важно для формирования основ городского права.

В отечественной науке попытки сформулировать доктринальные классификации городов по различным основаниям предпринимались неоднократно. Авторы предлагают разные критерии: численность населения, географическое положение, плотность населения, функции, вид экономики и др.⁹ Вместе с тем полагаем, что многообразие городов на территории Российской Федерации, особенности их экономико-географического положения, степени развитости инфраструктуры и функционально-целевого назначения определяют необходимость их функциональной типологии на основании совокупности вышеуказанных признаков. При этом все города могут быть условно разделены на две группы: *моногорода*, роль которых в системе экономического обмена внутри страны характеризуется значительным преобладанием определенной сферы хозяйства над остальными, и *мегаполисы*, для которых свойственны высокая концентрация капитала, развитая инфраструктура, направленная на производство и потребление услуг, высокий уровень инновационной активности, распространение влияния за рамки административных границ и особая индустриальная культура и наследие.

К первой группе следует отнести:

— промышленные города, формируемые вокруг производственного кластера и обеспечивающие его функционирование за счет стимулирования занятости городского населения на производстве;

— исторические города, характеризующиеся прежде всего расположением в границах их территории объектов культурного наследия: памятников, ансамблей, достопримечательных мест, а также иных культурных ценностей, созданных в прошлом, представляющих археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социальнокультурную ценность, имеющих большое значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации и их вклада в мировую цивилизацию¹⁰;

— туристические города, которые по своей сути не всегда тождественны историческим и участвуют в системе экономического обмена путем удовлетворения культурно-познавательных и рекреационных потребностей граждан, в большинстве своем не являющихся местными жителями;

— научно-производственные центры (наукограды, технополисы, академгородки, технопарки), чье целевое назначение заключается в формировании среды для разработки перспективных научных проектов, в которых задействовано население такого города;

— административные центры, в которых находится представительный орган соответствующего публично-правового образования муниципального образования или субъекта Российской Федерации, необходимые для функционирования аппарата публичной власти.

Моногороду противопоставляется мегаполис (греч. *megas* (*megalu*) большой + *polis* город), правовая природа которого представляет особый интерес ввиду его государствообразующего

⁸ П. 5 ч. 1 ст. 3 Закона Московской области от 31.01.2013 № 11/2013-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Московской области» // Ежедневные новости. Подмосковье. 12.02.2013.

⁹ Манаева И. В. Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 7 (454). С. 1235–1244.

¹⁰ Ст. 2 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

значения в современной экономической системе. Понятие «мегаполис» в настоящий момент в законе отсутствует. В доктрине мегаполис рассматривается как сложная многокомпонентная динамическая система, которая пространственно не совпадает с ее административными границами (Г. М. Лаппо)¹¹, как компонент глобальной политики (И. В. Федякин)¹², как центр масштабного материального производства, притяжения людей, информации, товаров и услуг (П. Маршан)¹³ и т.д.

Мегаполис можно определить как особое социопро пространственное системное образование, которое включает в себя элементы всех перечисленных типов моногорода, географически соседствующие друг с другом и поделенные на кластеры, связанные общей инфраструктурой, обслуживающей экономические потребности хозяйствующих субъектов и граждан.

Как видим, понятие «город» получает свое внешнее выражение в весьма разнообразных экономико-географических и функциональных проявлениях.

Функциональная роль и целевое назначение городов может существенно варьироваться, что следует принимать во внимание при формировании теоретико-методологических основ политики в области городского развития.

Еще одной проблемой современного правотворчества в сфере регулирования основ городского правового пространства является тот факт, что ряд особо важных общественных отношений в данной области регулируется не просто подзаконными, но ведомственными (ненормативными) актами, что свидетельствует об отсутствии должного внимания правотворческих органов к проблеме.

Так, на федеральном уровне Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Рос-

сийской Федерации на период до 2024 года»¹⁴ утверждены основы реализации национальных проектов, связанных с развитием городов, повышением качества жизни граждан и упрощением их доступа к механизмам городского управления и гражданского участия в городской жизни. На основании данного Указа Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации был разработан национальный проект «Жилье и городская среда», ключевыми целями которого названы обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита, увеличение объема жилищного строительства, повышение комфортности городской среды, создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда.

В состав этого национального проекта входит проект «Формирование комфортной городской среды», направленный на стимулирование гражданского участия путем реализации инициатив по повышению качества городской среды, в результате чего к 2024 г. планируется повысить индекс качества городской среды на 30 % и сократить количество городов с неблагоприятной средой в два раза. Кроме того, в рамках названного проекта активно внедряется концепция «умного города», которая предполагает расширение гражданского участия в правовой жизни мегаполиса посредством создания инфраструктуры для информационной коммуникации.

Данный факт, безусловно, является позитивным этапом развития городского правового пространства Российской Федерации, плоды которого можно увидеть, обратившись к результатам

¹¹ См.: Лаппо Г. М. География городов. М. : Владос, 1997.

¹² Федякин И. В. Мегаполисы как субъекты политики: история и современность // Обозреватель = Observer. 2013. № 8 (283). С. 48–56.

¹³ Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 4–8.

¹⁴ СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

исследования Urban & Innovation Environment Index 2023¹⁵, согласно которому Москва заняла ведущее место в рейтинге пространственного развития городов БРИКС по степени внедрения инноваций.

Тем не менее необходимо заключить, что такие неотъемлемые элементы концепции «умного города», как упрощение порядка подачи обращений граждан по вопросам правопорядка и городского благоустройства, предоставление гражданам отдельных полномочий для взаимодействия с органами государственной и муниципальной власти и управления и т.д., активно развивались и ранее, однако они по-прежнему актуальны преимущественно для основных городов федерального значения¹⁶. Приходится констатировать значительную неравномерность распространения подобных форм гражданского участия на территории Российской Федерации, несмотря на то что отечественное законодательство не содержит препятствий для реализации этих форм участия на региональном и местном уровнях.

На данную проблему обращал внимание Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 01.03.2018, указывая, что развитие городов должно стать движущей силой для всей страны, а активная, динамичная жизнь России не может сосредотачиваться в одних лишь мегаполисах¹⁷. Тем не менее фактически, в отсутствие системного регулирования городских отношений на федеральном уровне, ведомственные акты, не имеющие обязательной юридической силы, закрепляют требования, которые исполняются лишь отдельными регионами, в результате чего приоритет развития отдается только крупным мегаполисам, в то время как моногорода, имеющие важное

значение в системе экономических связей в России, стагнируют, а их население мигрирует в крупные экономические центры.

Изложенные проблемы, выявленные в ходе изучения нормотворчества в сфере городского права, свидетельствуют о необходимости разработки и принятия в Российской Федерации единого программного документа, нормативно закрепляющего основы правового пространства города. Указанный документ должен в обязательном порядке содержать следующие положения:

- а) понятие города, его признаки и типы с учетом экономико-географического положения, особенностей инфраструктуры и функционально-целевого назначения;
 - б) задачи, решение которых определяет развитие города с учетом особенностей его типа;
 - в) основы городской политики и порядок взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в рамках ее реализации;
 - г) формы гражданского участия в городских правоотношениях и порядок взаимодействия государства и гражданского общества по вопросам городского управления;
 - д) порядок сохранения и передачи индустриальной культуры и наследия.
- Полагаем, что подобный документ мог бы восполнить правовой вакуум в сфере регулирования городских отношений и способствовать формированию единых теоретико-методологических оснований конструирования правовой модели современного города с учетом разнообразия его функциональных типов, экономико-географического положения и места в системе национального разделения труда.

¹⁵ URL: <http://www.uiei.org/> (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁶ См., например: порталы «Наш Санкт-Петербург» (URL: <https://gorod.gov.spb.ru>), «Активный гражданин» (URL: <https://gorod.mos.ru/portal/about>), «Помощник Москвы» (URL: <https://transport.mos.ru/pm/>).

¹⁷ Послание Президента Федеральному Собранию // Парламентская газета. № 8с. 02.03.2018.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Е. В., Быстрова Т. Ю. Индустриальное наследие: понятие, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. — Екатеринбург : Tatlin, 2021. — 164 с.
2. Кочухова Е. С., Мартыанов В. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. — 2019. — № 2. — С. 45–66.
3. Лаппо Г. М. География городов. — М. : Владос, 1997. — 72 с.
4. Лефевр А. Право на город // Экономическая социология. — 2023. — № 1. — С. 55–70.
5. Манаева И. В. Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. — 2018. — № 7 (454). — С. 1235–1244.
6. Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. — 2004. — № 1. — С. 4–8.
7. Харви Д. Социальная справедливость и город. — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — 440 с.
8. Юридическая урбанология. Урбанологическая теория : монография : в 2 т. / колл. авт. ; под общ. ред. В. В. Таболина. — М. : Юстицинформ, 2021. — 824 с.
9. Hardt M., Negri A. Commonwealth. — Cambridge, MA : Harvard University Press. — 2009. — 448 p.
10. Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / под ред. М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швегмана. — М. : Новое литературное обозрение. — 2020. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 29 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseeva E. V., Bystrova T. Yu. Industrialnoe nasledie: ponyatie, tsennostnyy potentsial, organizatsionnye i pravovye osnovy. — Ekaterinburg: Tatlin, 2021. — 164 s.
2. Kochukhova E. S., Martyanov V. S. Kreativnyy gorod ili pravo na gorod: alternativy urbanisticheskogo razvitiya v rossiyskom kontekste // Antinomii. — 2019. — № 2. — S. 45–66.
3. Lappo G. M. Geografiya gorodov. — M.: Vlados, 1997. — 72 s.
4. Lefevr A. Pravo na gorod // Ekonomicheskaya sotsiologiya. — 2023. — № 1. — S. 55–70.
5. Manaeva I. V. Goroda Rossii: klassifikatsiya i tipologiya // Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika. — 2018. — № 7 (454). — S. 1235–1244.
6. Marshan P., Samson I. Metropolisy i ekonomicheskoe razvitie Rossii // Voprosy ekonomiki. — 2004. — № 1. — S. 4–8.
7. Kharvi D. Sotsialnaya spravedlivost i gorod. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. — 440 s.
8. Yuridicheskaya urbanologiya. Urbanologicheskaya teoriya: monografiya: v 2 t. / koll. avt.; pod obshch. red. V. V. Tabolina. — M.: Yustitsinform, 2021. — 824 s.
9. Hardt M., Negri A. Commonwealth. — Cambridge, MA: Harvard University Press. — 2009. — 448 p.
10. Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka / pod red. M. Dellenbo, M. Kipa, M. Benek, A. K. Myuller, M. Shvegmana. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie. — 2020. — 320 s.

Происхождение государства: формирование метатеории

Аннотация. В статье проанализированы основные классические теории происхождения государства: теологическая, патриархальная, органическая, психологическая, общественного договора, внутреннего и внешнего насилия, классовая. Предпринята попытка выделения научно достоверного и мифологического элементов в каждой из них; описаны предполагаемые причины возникновения указанного мифологического элемента. На основе полученных результатов произведена классификация теорий происхождения государства, в свою очередь, ставшая базисом для системной интеграции верифицируемых научных фактов о процессе государствообразования с целью формирования первичной теоретической основы особой метатеории политогенеза. Таким образом, концепция метатеории выступает в качестве альтернативы несистематизированной интеграции государственно-правовых доктрин происхождения государства, позволяя исследователю встать на путь их методологической и структурной консолидации. Описаны основные свойства метатеории политогенеза как метода: универсальность, системность и динамичность. В статье также приведен вариант интерпретации указанной метатеории.

Ключевые слова: происхождение государства; теории происхождения государства; классификация теорий происхождения государства; интеграция теорий происхождения государства; социогенез; политогенез; государствообразование; метатеория; метатеория политогенеза.

Для цитирования: Макаров Г. Г. Происхождение государства: формирование метатеории // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 30–51. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.030-051.

The Origin of the State: The Formation of the Metatheory

German G. Makarov, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
mackarow.german2013@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the main classical theories of the origin of the State: theological, patriarchal, organic, psychological, social contract, internal and external violence, class theories. The author makes an attempt to identify doctrinally reliable and mythological elements in each theory and describes the alleged causes of the occurrence of this mythological element. Based on the results obtained, the author elucidates the classification of theories of the origin of the State that, in turn, became the basis for the systematic integration of verified scientific facts about the process of state formation in order to form the primary theoretical basis of a special metatheory of politogenesis. Thus, the concept of metatheory acts as an alternative to the unsystematic integration of the state and law doctrines of the origin of the state, allowing the researcher to embark on the path of their methodological

© Макаров Г. Г., 2024

* *Макаров Герман Глебович*, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mackarow.german2013@yandex.ru

and structural consolidation. The main properties of the metatheory of politogenesis as a method are described, namely: universality, consistency and dynamism. The paper also provides an interpretation of this meta-theory.

Keywords: origin of the State; theories of the origin of the State; classification of theories of the origin of the State; integration of theories of the origin of the State; sociogenesis; politogenesis; State formation; metatheory; metatheory of politogenesis.

Cite as: Makarov GG. The Origin of the State: The Formation of the Metatheory. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):30-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.030-051.

Введение

Ключом к пониманию природы государства как политического и правового явления является исторический и теоретический анализ путей первичного возникновения государственности. Платон, Дж. Локк, Ф. Энгельс полагали, что без ответа на вопрос «как появилось государство?» нельзя представить себе ответа на вопросы «что есть государство?», «что есть право?», и тем более «на что я имею право в государстве». Ограничиваясь рассмотрением государства как сиюминутного, униполярного и вырванного из исторического контекста явления, мы изучаем историческую цепь по отдельно взятому звену, шахматную партию по отделенному от нее эндшпилю. Такой метод анализа, даже если историческое развитие государства каким-либо образом подразумевается, ведет к неточности и концептуальной недостаточности исследования. Современное общество давно переросло возраст гегелевского «младенца»¹; современность более напоминает «подростка», обладающего как новыми возможностями, так и новыми искушениями и тревогами. С одной стороны, в общественно-политической жизни с невероятной скоростью происходят различные изменения, с другой стороны, развиваются технологии, о

которых, как принято говорить, не могли помыслить самые смелые фантасты прошлых лет; в то же время информационное пространство всё более и более наполняется неточной, противоречивой информацией.

Что имеет современная теория государства в своем распоряжении для разрешения старой проблемы происхождения государственности? С некоторой долей огрубления можно сказать, что, к сожалению, в распоряжении исследователя-теоретика XXI столетия находится лишь небольшое количество различных теорий, представленных разбросанными во времени и пространстве диаметрально противоположными течениями. Способны ли эти теории, эти *dissecta membra poetae*, к универсальному осмыслению процесса зарождения такого многогранного и сложного явления, как государство, тем более что понимание государства в них различно?² Вопрос следует поставить даже более радикально: может ли современная наука государства и права, накопив богатый материал за всю историю своего плодотворного развития, вступить в новый период поиска ответов в столь давней и сложной сфере?

Для ответа необходимо прежде всего последовательно изучить опыт науки по вопросу происхождения государства как политического

¹ «...Наше время есть время рождения и перехода к новому периоду. Дух порвал с прежним миром своего наличного бытия и своего представления, он готов погрузить его в прошлое и трудится над своим преобразованием. Но как у младенца при рождении после длительного спокойного питания первый глоток воздуха обрывает прежнюю постепенность лишь количественного роста, — совершается качественный скачок, — и ребенок появился на свет, так образующийся дух медленно и спокойно созревает для новой формы, разрушает одну частицу здания своего прежнего мира за другой... Легкомыслие, как и скука, распространяющиеся в существующем, неопределенное предчувствие чего-то неведомого — всё это предвестники того, что приближается нечто иное...» См.: Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа : пер. с нем. М. : АСТ, 2021. С. 13.

² С этим связаны некоторые особенности изложения настоящего исследования.

явления — рассмотреть в сравнительном плане классические теории генезиса государства, выявить их ключевые противоречия. Лишь «преклонившись перед всем, что создала мудрость, и перед самими создателями», можно будет приступить к поиску новых ответов³.

1. Обзор классических теорий происхождения государства

1.1. Теологическая теория

Теологическую теорию происхождения государства можно назвать древнейшей, поскольку представление о сверхъестественной силе, положившей начало миру и государству, существует с незапамятных времен. Несколько тысячелетий назад данное представление о происхождении государства существовало в основном как легенды и мифы. Форму научной концепции оно приобрело значительно позже, с развитием схоластики (во многом благодаря трудам философа и богослова Фомы Аквинского), в связи с чем вполне уместно разделение «теологической теории» на две принципиально разные составляющие: мифологическую теорию и собственно теологическую теорию происхождения государства⁴.

Эти два элемента, в свою очередь, делятся на бесчисленное множество отдельных мифологических и религиозных версий происхождения государства; тем не менее все эти версии обладают несколькими родственными чертами. Предполагается, во-первых, что государственная власть была установлена по воле высшей силы и, во-вторых, что государственная власть является в некоторой степени властью этой выс-

шей силы. В какой мере и для достижения каких целей высшая сила создает государственную власть и взаимодействует с ней — зависит от содержания конкретной мифологической концепции или религии.

Мифологическим представлениям более свойственно прямое указание на высшую силу как непосредственный источник государства и власти (правящей династии), в то время как собственно теологические теории подходят к вопросу на качественно ином уровне. Часто они вовсе отходят от рассмотрения причинно-следственной связи и акцентируют внимание на предназначении и божественном смысле государства и государственной власти. Этот пример в целом является иллюстрацией отличия мифологического сознания от религиозного и его следует рассмотреть подробнее.

Современные собственно теологические теории в большинстве своем не претендуют на описание исторического процесса возникновения первичного государства; придавая политическому, государственному бытию человека смысл и указывая обществу нравственную цель, они тем не менее суть *res sacrosanctae, extra commercium hominum*. Именно поэтому строгая научная методология вряд ли подходит для рассмотрения собственно теологических теорий: они находятся вне рационального поля зрения.

Можно привести следующий пример: в православии считается, что государственная власть дана человеку по воле бога и некоторым образом выражает его намерения; тем не менее историческое осмысление пути возникновения государства никогда не отрицалось, поскольку свобода воли человека, в том числе и государя, подразумевает его ответственность за свои по-

³ «Да, я преклоняюсь перед всем, что создала мудрость, и перед самими создателями; мне отраднее видеть в ней наследие многих, накопленное и добытое их трудом для меня. Но будем и мы поступать, как честные отцы семейства: умножим полученное, чтобы это наследье обогащенным перешло от меня к потомкам...». См.: *Сенека Луций Анней* Нравственные письма к Луцилию : пер. с лат. М. : АСТ, 2018. С. 187.

⁴ Такого рода разделением ни в коем случае нельзя пренебрегать, как нельзя пренебрегать разделением курицы от яйца. «Как популярное, так и научное сознание довольно слабо разграничивает эти понятия и часто совершенно без оговорок употребляет одно вместо другого. Тут залегает, однако, существенное различие...» См.: *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М. : Мысль, 2001. С. 118.

ступки. В связи с этим, к слову, представляются несостоятельными распространенные обвинения в «оправдании деспотизма» некоторыми собственно теологическими теориями. Теологические теории, в особенности в современном мире, несомненно, суть более мировоззренческие концепции, чем научные; соответственно, они не могут конфликтовать с наукой и вступать с ней в какие бы то ни было противоречия, но могут вполне свободно, более того — конструктивно, сосуществовать с ней.

1.2. Патриархальная теория

В современной научной литературе ярко выражена тенденция причислять к сторонникам патриархальной теории всех мыслителей, которые каким-либо образом сопоставляли государство и семью, в связи с чем возникает необходимость рассмотреть данную концепцию подробнее, чтобы попытаться устранить возникающие неточности⁵.

В первую очередь, соглашаясь с профессором С. И. Нагих, мы различаем «уподобление и происхождение», отделяя от патриархальной теории те учения, которые содержат в себе простую аналогию государства и семьи (Конфуций и др.)⁶. Оставшиеся патриархальные теории, судя по наиболее распространенному пониманию, вероятно, должны полностью обосновывать процесс появления государства «разрастанием семьи». Ожидаемого единства, однако, не наблюдается. Аристотель понимает «развитие семьи» (и общества в целом) совершенно своеобразно. Зачастую упоминаемый как представитель патриархальной теории Р. Филмер скорее является представителем теологической тео-

рии происхождения государства, которую он попытался (с помощью чрезмерно буквального толкования некоторых положений Священного Писания) ввести в научный оборот. Семья и «естественная власть отца» в его труде, по нашему мнению, занимают второстепенное положение по сравнению с самим фактом появления «монархической власти Адама»⁷. Мнение, что государство есть «разросшаяся семья», можно встретить лишь у немногих исследователей, например у часто упоминаемых в научной и учебной литературе Борнгака и Вольмана, однако данное мнение во многих случаях признается частью семейной, а не патриархальной теории происхождения государства.

Множественность противоречий наводит на мысль, что понятиям «патриархальная теория» и «семейная теория» в настоящее время придается совершенно различный смысл; они зачастую смешиваются, и, следовательно, их содержание нуждается в переклассификации, которую было бы уместно провести, руководствуясь соображениями практической полезности. Несомненно, все вышеперечисленные варианты патриархальной теории содержат некоторую долю истины: несмотря на все фактические ошибки рассматриваемых мнений, на ранних этапах развития общества отношения института семьи, скорее всего, действительно внесли существенный вклад в формирование протогосударственных и протоправовых структур. Тем не менее с точки зрения современной науки вышеперечисленные теории всё же предполагают слишком узкий подход к многогранной проблеме политогенеза; они не в состоянии охватить все его тонкости⁸. Соответственно, для

⁵ Как верно заметил профессор С. И. Нагих, исследовавший вопрос классификации теорий происхождения государства и права, «...формирование групп теорий осуществляется не только на основе выбора удобных признаков, но зачастую на критериях, имеющих лишь внешнее сходство и не выдерживающих требования единства систематизации...». См.: *Нагих С. И. О классификации теорий происхождения государства и права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2016. № 9. С. 68–72.*

⁶ *Нагих С. И. О классификации теорий происхождения государства и права. С. 69.*

⁷ Дж. Локк, к слову, опровергая доказательства Р. Филмера, только подтверждает нашу гипотезу о том, что собственно теологическая теория не имеет никакого желания «вступать в диспут» с наукой, оставляя тем самым «кесарю кесарево». См.: *Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Социум, 2019. С. 9–146.*

⁸ *Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 49–51.*

того чтобы подробнее рассмотреть «долю истины» и затем включить ее в научное понимание государствообразования, по нашему мнению, достаточным представляется деление множества мнений, относимых к патриархальной или семейной теории, на две простые группы: а) теории разрастания семьи и б) теории семейных отношений. Вторая группа предполагает не простое разрастание семьи, но перенос, копирование семейно-властных отношений на зарождающиеся государственно-властные. Следует отметить, что простое описание государства как семьи также позволяет сделать интересные наблюдения: если органическая теория отождествляет государство с единичным живым существом, то семейный метод описания отождествляет государство с группой таких существ, т.е. с семьей; последний некоторым образом смещен в своем видении государства «на порядок».

1.3. Органическая теория

Органическая теория происхождения государства — одна из самых оригинальных, интересных и перспективных, но в то же время и одна из самых мифологизированных концепций политогенеза. Зародышем органической теории можно назвать высказывания античных философов о сходстве государства и живого существа, семьи. Концепция развивалась постепенно, став научной концепцией лишь в XIX в., вероятно под влиянием общей тенденции того времени — интеграции получившего небывалое развитие естествознания в иные науки. Рождение органической теории как научной концепции произошло с опубликованием работ Г. Спенсера, Р. Вормса и других известных ученых.

Сущность этой теории заключается в отождествлении государства и живого организма; развитие государства-организма происходит эволюционным путем, от простого к сложному⁹. В первую очередь необходимо указать, что Г. Спенсер делает невероятный шаг вперед, возводя системность в ранг всеобщего и универсального закона¹⁰. Множество индивидов — это и есть государство; диалектический закон перехода количественных изменений в качественные находит в рассматриваемой концепции свое непосредственное выражение. Из сущности органической теории следует, что люди, являясь «клетками» общественного организма, напрямую связаны с государством в целом, т.е. особенности их жизнедеятельности и разумного поведения непосредственно проецируются на общество и государство. Это прекрасно описал профессор В. Н. Жуков: «Нация есть единый биологический организм, “сверхиндивидуальное целое”, развивающееся по законам отдельного человека. Если индивид, подчиняясь инстинктам продолжения рода, создает семью и накапливает ценности для своего потомства, то и нация поступает таким же образом...»¹¹.

Принимая во внимание положительные моменты, следует тем не менее помнить, что органическая теория представляет собой лишь точное описание имманентного принципа системности в отношении человека, общества и государства. Будучи в состоянии объяснить, каким образом человек в ходе общественного развития переходит в качественно новое политико-правовое состояние, она сама по себе не способна предоставить никаких инструментов для анализа этого перехода и его стадий; пря-

⁹ Очень интересна в этом отношении мысль Т. Гоббса (впрочем, очень прогрессивная для своего века): «Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State), по-латыни — Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа...». См.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 8.

¹⁰ Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 65–68.

¹¹ Жуков В. Н. Общество как источник государства и права // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 33.

Данная цитата крайне интересна в сравнении с мнением Г. Лебона: «Можно сравнивать расу с соединением клеток, образующим живое существо. Эти миллиарды клеток имеют очень непродолжитель-

мое же наложение научного аппарата естествознания (весьма распространенная практика) на системную форму существования человечества есть не что иное, как *contradictio in adjecto*, т.е. обыкновенный научный миф, что хорошо описано метким замечанием В. А. Вострокнутова: «...связь государства с организмом базируется не на сущностной, а на функциональной и структурной аналогии. В строгом смысле даже не на аналогии, а на уподоблении, так как аналогию между государством и организмом можно провести с тем же основанием, что и аналогию между компьютером и муравейником...»¹². Любая попытка изучить государство и политогенетические процессы инструментами, например, антропологии равносильна попытке полноценно изучить биогеоценоз с помощью всего лишь ботанического справочника. Государство не есть «большой человек», точно так же как лес не есть «большое дерево», а арфа не есть «большая струна». Думается, нелишним в связи с вышеизложенным будет указание и на свойственную человеку черту сравнивать любую более или менее структурированную систему с живым организмом (процессор — «мозг компьютера», директор — «глава организации», леса — «легкие планеты», или даже «невидимая рука рынка»). Трудно вспомнить авторов, которые хотя бы однократно не применяли такого сравнения по отношению к государству. Однако мы выяснили, что прямое отождествление, лишенное «системной» сущности, не имеет под собой никаких реальных оснований. Органическая

теория, не имея структурированного аппарата исследования, заполнила свои промежутки научными мифами с целью встать в стройные ряды теорий происхождения государства¹³.

1.4. Психологическая теория

Психологическая теория также наиболее активно развивалась в середине XIX в., во многом благодаря трудам Л. Петражицкого, Г. Тарда, Д. Фрэзера и других ученых. Сущность данной теории можно выразить в следующем положении: государство формируется и функционирует в соответствии с процессами, происходящими в психике людей; именно душа человека является движущей силой политогенеза. Нетрудно заметить, что психологическую теорию можно свободно воспринимать как часть органической, поскольку именно психическая активность индивида, по устоявшемуся в рассматриваемой теории мнению, выступает двигателем развития социального организма, его *physis*¹⁴. Если продолжить данное рассуждение, можно также заметить, что эта движущая сила присуща всем без исключения теориям политогенеза; без сил из области предмета социальной психологии развитие государства в принципе невозможно, человеческая душа для государства — это *conditio sine qua non*. Психическая энергия сталкивается с различными материальными преградами, и в этой последовательности противоречий обретает свою жизненную форму, отдельные грани которой и отражены теориями происхождения государства. «Судьба человека

ное существование, между тем как продолжительность существования образованного их соединением существа относительно очень долгая; клеточки, следовательно, одновременно имеют жизнь личную и жизнь коллективную, жизнь существа, для которого они служат веществом...». См.: Лебон Г. Психология народов и масс : пер. с фр. М. : АСТ, 2016. С. 18.

¹² См.: Вострокнутов В. А. О мифологическом элементе концепций происхождения государства и права // Право и образование. 2014. № 7. С. 167–172.

¹³ Хочется отметить, что, на наш взгляд, по причине стремительного развития многих научных дисциплин существует вероятность последующего научного перерождения органической теории (в том числе ее мифологической составляющей) на более высоком уровне в виде концепции с принципиально иным, инновационным фундаментом.

¹⁴ Е. Н. Трубецкой писал: «Между частями биологического организма существует связь физическая; напротив того, что между людьми — частями социального организма — связь психическая...». При должном внимании очевидно, что психологическая сила наблюдается также в патриархальных теориях как сила властных отношений семьи. См.: Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 217.

определяется тем, что происходит в его голове, когда он вступает в противоречие с внешним миром», — писал психиатр Эрик Берн¹⁵. Отложив вышеизложенное для дальнейшего рассмотрения, приступим к раскрытию мифологической составляющей психологической теории как таковой¹⁶.

Как для описания физических свойств двойной звезды недостаточно описания лишь одной звезды, входящей в систему, так для описания исторических свойств государства недостаточно описания лишь одной силы психической энергии. Движущая общество вперед энергия души не существует сама по себе, но пребывает в противоречиях с бесчисленным множеством других факторов, во взаимодействии с реальностью в виде материи и ее энергетических систем. Психологическая теория рассматривает отдельно стремления, желания, чувства человека, допуская ошибку абсолютизации по отношению к психологическому фактору, т.е. пренебрегая всеми остальными, материальными факторами. По меткому выражению профессора Т. В. Кашаниной, «пытаясь противостоять экономическому детерминизму, психологическая теория впадает в другую крайность. Воспринимать психологические особенности людей отдельно от всей окружающей действительности ошибочно...»¹⁷. Г. В. Ф. Гегель писал: «Душа без тела не была бы чем-то живым, и точно так же и наоборот»¹⁸.

Далее, важным представляется тот факт, что при рассмотрении процесса государствообразования с исключительно психологической точки зрения недостаточно простого указания на абстрактные свойства человеческой души; воз-

никает необходимость дальнейшей конкретизации этих свойств. Попытка такой конкретизации зачастую упирается, по точному замечанию В. Н. Вострокнутова, в «мифологизированность и умозрительность самой психологической науки»¹⁹. Это означает, что исключительно психологический подход к государствообразованию на данный момент затруднителен.

Таким образом, психологическая теория происхождения государства отчасти верна, но она лишается объективности вследствие абсолютизации психологического фактора, который сам по себе требует уточнения в соответствии с современным научным знанием.

1.5. Теория общественного договора

Преамбулой теории общественного договора стали высказывания древнегреческих мыслителей, в том числе Эпикура; некоторые исследователи также указывают на влияние идей Платона. В качестве научной концепции учение о договоре начало развиваться в более позднее время, во многом благодаря трудам Дж. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, А. Н. Радищева и других известных исследователей. В научном сообществе рассматриваемая теория всегда интерпретировалась по-разному, тем не менее можно выделить следующие общие черты, присущие всем вариациям договорной теории:

1. Существовал догосударственный период «естественного состояния» (в целом, за некоторыми исключениями, его считали несовершенным).
2. Возникает необходимость заключения общественного договора («...чтобы составить один народ, одно политическое тело под вла-

¹⁵ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры : пер. с англ. М. : Эксмо, 2008. С. 186. В английском оригинале высказывание звучит категоричнее: «The destiny of every human being is decided by what goes on inside his skull when he is confronted with what goes on outside his skull» (буквально: «Судьба каждого человеческого существа определяется тем, что происходит внутри его черепа, когда человек вступает в противоречие с тем, что происходит вне его черепа»). См.: Berne E. What Do You Say After You Say Hello : Gain control of your conversations and relationships. L. : Transworld, 2010. P. 51.

¹⁶ Вострокнутов В. А. Указ. соч.

¹⁷ Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 74–77.

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и прим. В. С. Нерсисянц. М. : Мысль, 1990. С. 67.

¹⁹ Вострокнутов В. А. Указ. соч. С. 168.

стью одного верховного правительства...», как писал Дж. Локк²⁰).

3. Следовательно, отношения народа и власти — это отношения сторон общественного договора.

Очевидна некоторая связь договорной теории с психологической, поскольку негласный договор — выражение свободной воли членов общества. Неудивительно в связи с этим, что договорную теорию зачастую пытались интегрировать и с органической (например, у Ж.-Ж. Руссо встречается «моральный и коллективный организм»). Поскольку договорная теория соответствует принципу системности, она содержит в себе долю истины. Об этом пишет профессор В. Н. Жуков: «... за теорией договорного государства стояла жизненная правда: твердость власти, твердость договора определялась твердостью воли народа, что Западная Европа, как правило, демонстрировала. Закон и правопорядок становились ценностью, поскольку такова была воля общества...»²¹.

Тем не менее совершенно очевидно, что сама по себе договорная теория неприменима для полноценного описания процесса происхождения первичного государства. В. А. Вострокнутов описывает это одним метким замечанием: «По сути, мы имеем дело с тем, что миф о договоре ставится на службу научным концепциям с полным сознанием того, что это миф...»²². «Негласный договор», даже в логическом, умо-зрительном смысле (Ш. Боржо), вряд ли мог стать первичной основой появления государства: такого рода концепции слишком далеки от исторической действительности. Более того, теория общественного договора в принципе так или иначе отвергает постепенное развитие общества.

С позиций современности представляется ясным, что всякому сложному взаимодействи-

ю людей в обществе должно предшествовать достижение определенного уровня развития общественных отношений. Еще Я. М. Магазинер писал: «...договор не только фактически не был, но и логически не мог служить причиной возникновения государства... взаимное положение граждан в государстве не может стать понятным из предположения “молчаливого договора” между ними, так как идея договора и обязательной его силы есть продукт продолжительного исторического развития...»²³. Трудно представить, что общество в «естественном состоянии» настолько однородно, чтобы большинство его членов признало «негласный договор». Совершенно иная ситуация возникает, что интересно, если «договор» является письменным и представляет собой источник права; в таком случае его необходимо рассматривать совершенно с иной точки зрения, он представляет собой особое и крайне интересное явление. Тем не менее в «традиционном» понимании «полагать общество договорным, то есть юридическим, объединением — нелепая попытка поместить телегу впереди лошади»²⁴.

Достаточно очевидным представляется, что «общественный договор» — сознательно созданный с определенными научными целями научный миф *per excellentiam*. Привлечение договорного отношения, так же как и отношений частной собственности вообще, в государственное отношение привело, по словам Г. В. Ф. Гегеля, к величайшей путанице в государственном праве и действительности²⁵.

1.6. Теории насилия

Соглашаясь с позицией исследователей, считающих, что «теория внутреннего (Е. Дюринг) и внешнего (Л. Гумплович, К. Каутский) насилия — это совершенно разные теории», разделим их²⁶.

²⁰ Локк Дж. Указ. соч. С. 308.

²¹ Жуков В. Н. Указ. соч. С. 34.

²² Вострокнутов В. А. Указ. соч. С. 168.

²³ Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. СПб. : Юридический центр, 2006. С. 47.

²⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : пер. с исп. М. : АСТ, 2016. С. 161.

²⁵ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 129.

²⁶ Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2023. С. 49–50.

Сущность *теории внешнего насилия* можно кратко выразить в следующем тезисе: государственная власть первоначально есть власть победителей над побежденными, навязанная обществу извне путем насилия и сохранившаяся в нем по причине ее выгоды для всех членов общества, а впоследствии и по причине формирования традиции. Взяв на вооружение историю, теория насилия завоевала расположение многих исследователей: в науке единогласно признается, что насилие одной группы над другой во многих случаях приводило как минимум к ускорению процесса политогенеза. Это положение интересно также тем, что появление государства обосновывается «столкновением» общества с другими обществами. Тем не менее современная историческая наука дает также основание отказаться от прямого понимания насилия как основного фактора государствообразования: существует масса государств, образовавшихся без видимого внешнего насилия. В тех же случаях, когда государство действительно «создается» насилием, противостоят чаще всего уже сформировавшиеся государства, а не догосударственные общества. Иными словами, многие государства, образовавшиеся путем насилия, не первичны, но вторичны.

С логической точки зрения завоеватель не может быть неразвит уже в силу того, что он завоеватель, власти которого достаточно, чтобы насилием создать государство. Он развит, поскольку может дать обществу нечто большее, чем «голое насилие», — «побудительный призыв, общее дело, предложенное разобщенным»²⁷. Я. М. Магазинер пишет: «Поверному замечанию Н. И. Зиберера, повторяющего, впрочем, Энгельса, “учреждение частной собственности уже должно существовать, прежде нежели разбойник может присвоить себе чужое имущество, и... таким образом, сила хотя и изменяет положение владения, но не в

состоянии создать частную собственность как таковую”. Так же точно насилие само по себе не в состоянии создать государственную власть, а, напротив, оно пользуется наличным социальным и психическим аппаратом властвования и только перемещает его из рук в руки»²⁸. По всей видимости, внешнее насилие является одним из катализаторов, способствующих образованию государства и права в определенной подготовленной протогосударственной среде. Вне такой среды оно не способно самостоятельно образовывать государство²⁹. Вокруг неоспоримого исторического ядра — роли насилия в образовании государства — увы, также находятся научные мифы: абсолютизация насилия не позволяет рассмотреть картину политогенеза во всей ее исторической целостности.

Теория внутреннего насилия Е. Дюринга отдельна и более абстрактна, поскольку связывает развитие государства с насилием одной социальной группы над другой. Рассматривать ее подробно вряд ли необходимо для наших целей, поскольку к ней, в принципе, применимы многие вышеизложенные замечания: для того, чтобы одна часть общества могла самопроизвольно отделиться и взять контроль над другой частью, должны существовать объективные предпосылки.

1.7. Классовая теория происхождения государства

Многие идеи классовой теории (в том числе идея разделения труда) зародились в рамках экономической теории, появившейся во времена Платона и развитой Сен-Симоном и многими другими исследователями. Классовая теория К. Маркса и Ф. Энгельса фундаментальна, поскольку преобразовала эти идеи в соответствии с диалектическим методом Г. В. Ф. Гегеля. По мнению Я. М. Магазинера, в первую очередь важна сама специфика постановки вопроса классовой теорией: «Какие новые потребности

²⁷ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 129.

²⁸ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 24.

²⁹ Следует заметить, что насильственное завоевание всегда мотивировано, т.е. оно есть следствие некоторых психических процессов, чаще всего вызванных экономическими факторами, обусловленными, в свою очередь, условиями существования обществ. Соответственно, для завоеванного общества акт завоевания будет выступать внешним катализатором политогенеза.

догосударственного общения создали необходимость в государстве? Какова была та историческая необходимость, которая сломала родовую или племенную организацию общества и направила социальное развитие в сторону новой общественной формы, государственной?» Я. М. Магазинер также утверждает, что классовая теория исключает политогенетический плюрализм П. Сорокина, Г. Еллинека, считавших, что государство возникает «случайно» («...обязательно должны были быть некоторые принципиально общие условия, чтобы даже в самой своеобразной среде возник этот однохарактерный по существу своему институт...»)³⁰, и, самое важное, представляет политогенез не как «скачок», который можно точно датировать, но как длительный исторический процесс.

Согласно классовой теории, этот процесс — естественно-исторический, не навязанный извне процесс постепенного отмирания институтов и общественных отношений родо-племенного строя (где не существовало особой публичной власти, неразрывно связанной с аппаратом принуждения) и одновременного возникновения институтов и общественных отношений нового, государственного строя. Двигателем этого процесса является экономическое развитие общества. Разделение труда, появление прибавочного продукта, начало обмена, появление людей, занимающихся исключительно обменом, и т.п. дробит общество на антагонистические общественные классы, а государство и право возникают, по словам В. И. Ленина, чтобы стать «машиной для поддержания господства одного класса над другим»³¹. Ф. Энгельс писал: «Так как родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи, то оставалось

рассчитывать только на возникающее государство»³². Итак, господствующий класс и эксплуатируемый класс находятся в нескончаемых противоречиях, движение которых регулируется с помощью государства и права. Разрешаясь, эти противоречия способствуют прогрессу, заключающемуся в переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

Классовая теория создавалась более 150 лет назад, в те времена, когда многие ныне известные исторические факты были недоступны для анализа. Но и сама по себе опирается она, по меткому замечанию профессора С. И. Нагих, «скорее на концептуально заданную теоретическую схему, чем на реальные исторические факты», «что порождает наряду с размытостью определений ключевых теоретических постулатов истмата [исторического материализма] известную вариативность концепций происхождения государственности»³³. Разногласия в понимании трудов классиков марксизма (в особенности труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») породили в рамках классовой теории несколько различных мнений по вопросу возникновения государства³⁴. Тем не менее в виде «теоретической схемы» классовая теория, вне всякого сомнения, является одной из самых логически последовательных, развитых и стройных концепций политогенеза, не теряющей актуальности. Она находит подтверждение в бесчисленном множестве исторических фактов и документов, она подтверждается и в Новое время на практике; основанная на «перевернутой» диалектике, она стала в свое время поистине научным прорывом, навсегда изменившим наши знания о государстве и его институтах. Тем

³⁰ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 28.

³¹ См.: Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. М.: Прогресс, 1982.

³² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2019. С. 180.

³³ Нагих С. И. О различных вариантах происхождения государства и права в марксистской (классовой) теории происхождения государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2.

³⁴ Более того, у Ф. Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» некоторые авторы отмечали и вовсе отсутствие прямого указания на сам факт зарождения государства, что приводило к разногласиям в научной среде. См.: Нагих С. И. О различных вариантах происхождения государства и права в марксистской (классовой) теории происхождения государства.

не менее очевидно, что классовая теория чрезмерно абсолютизирует экономический фактор государствообразования. Последовательное, но неполное рассмотрение политогенеза как объективного исторического процесса не могло не навести исследователей на мысль об объединении несколько односторонней классовой теории с другими теориями политогенеза. Изменения в длительный химический процесс может внести катализатор; наиболее ярким примером катализатора общественных отношений является завоевание (насилие).

Несмотря на то что Я. М. Магазинер критиковал опрометчивое смешение теории насилия и классовой теории, «так как момент произвола, которым проникнуты теории насилия, глубоко противоречит моменту закономерности, из которого исходит исторический материализм...», всё же обоснованным представляется «наложение» на классовую теорию теории насилия в ранее описанном нами понимании «катализатора»³⁵. По поводу правомерности интеграции теории насилия и классовой теории очень точно выразился современный историк Е. Ю. Спицын: «Ф. Энгельс в своем знаменитом трактате “О происхождении семьи, частной собственности и государства” (1884), говоря о трех возможных путях его возникновения — греческом, римском и германском, признавал, что в реальной исторической практике “мнимое” государство зачастую возникало как симбиоз внутренних и внешних факторов, а завоевание было одной из главных причин этого процесса. Но именно этого важного нюанса, на который впервые обратил внимание профессор А. Г. Кузьмин, и не уловили многие советские историки-марксисты, которые предельно догматизировали два известных марксистских постулата о том, что: 1) государство есть результат внутреннего развития и не может быть навязано извне, и 2) государство возникает в результате образования классов и представляет собой только аппарат насилия правящего класса над другими»³⁶.

С точки зрения современности очевидна также связь классовой теории с психологической теорией происхождения государства, поскольку они представляют развитие общества аналогично в виде объективного процесса, но рассматривают качественно разные его стороны, как если бы одну и ту же движущуюся трехмерную фигуру запечатлели в разных двумерных проекциях. Экономика, являясь основным двигателем развития общества, не может существовать без общества, человека, без его (противоборствующих) интересов, без его мысли, а мысль, в свою очередь, развивается в материальном мире согласно определенным законам действительности. Данное замечание нуждается в дальнейшем рассмотрении. При правильном подходе к классификации и интеграции различных, созданных в разные эпохи разными учеными теорий политогенеза можно победить главный концептуальный недостаток всех учений о происхождении государства — абсолютизацию.

2. Необходимость интеграции теорий происхождения государства

Нами были тезисно рассмотрены классические, наиболее влиятельные в науке теории происхождения государства. Каждая из них в течение длительного времени возводилась учеными в ранг универсальной концепции, способной описать все стороны многогранного процесса политогенеза. Тем не менее в ходе краткого критического анализа нам удалось выявить, что, во-первых, все рассмотренные теории содержат некоторое количество недостоверных, мифологизированных элементов (в основном они проявляются в виде абсолютизации) и, во-вторых, по причине однородности предмета теорий политогенеза эти мифологизированные элементы можно отделить от самой теории с целью последующей интеграции оставшегося достоверного материала с иными достоверными фактами.

³⁵ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 24.

³⁶ Спицын Е. Ю. Древняя и средневековая Русь, IX–XVII вв. : полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. М. : Концептуал, 2019. Кн. I. С. 20.

Недостовверные элементы появились в строгих и обоснованных теориях по нескольким причинам. В первую очередь потому, что все рассмотренные нами теории — плоды науки своего времени. Ученые, авторы теорий политогенеза, исходили из фактов своего времени, которыми располагала современная им наука; они ставили перед собой цели своего времени, опирались на опыт своего времени. Например, органическая теория создавалась во времена расцвета естествознания; мысль о процессе политогенеза никогда не приняла бы форму органической теории (или не прижилась бы, оставшись лишь сравнением на страницах книг нескольких десятков ученых разных столетий) без совокупности окружающих эту мысль научных и социально-исторических условий. Об этой особенности научного развития писал еще Г. В. Ф. Гегель: «Что уж касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них сын своего времени; и философия есть также время, постигнутое в мысли. Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос...»³⁷. Кроме исторического фактора, существует не менее важный психологический фактор; все великие люди суть люди, а одним из главных свойств человеческой деятельности является имманентность ошибки. Не бывает полностью непредвзятой, полностью безошибочной концепции, даже если приходится иметь дело с поистине гениальным автором; сущность науки заключается, собственно, не в безошибочности, но в постепенном, последовательном развитии и исправлении неточностей. Наконец, важно помнить и о самом известном факторе, который практически всегда упоминается в современной научной литературе: древность туманна, наука не может (и тем более не могла раньше) однозначно установить ход событий прошлого, чтобы отталкиваться от этого прочного базиса. Пробелы в знаниях о прошлом порождают «необходимость» в их заполнении научным мифом.

В большинстве случаев современный исследователь примиряется с недостовверным элементом теорий происхождения государства, де-факто завершая научную работу (иногда очень содержательную) лишь указанием на невозможность описания многогранного процесса государствообразования с помощью одной теории и на необходимость абстрактной «интеграции». Принципы и методы этой интеграции, казалось бы являющейся базисом одного из самых актуальных вопросов современной теории государства и права, нечасто рассматриваются подробно, несмотря на то что научное знание проделало за последние годы значительный теоретический путь и способно предоставить исследователю существенное количество новых достоверных фактов; зачастую «интеграция» не идет дальше классификации факторов политогенеза. Мы, в свою очередь, полагаем, что, принимая во внимание уровень науки XXI в., можно и должно выработать новый, системный подход к вопросу происхождения государства, основанный на переосмыслении и последовательном и упорядоченном объединении тщательно отобранных достоверных элементов существующих теорий политогенеза. Для успешного достижения поставленной задачи необходимо в первую очередь предпринять попытку практико-ориентированной классификации теорий происхождения государства.

3. Классификация теорий происхождения государства

Вне всякого сомнения, целью качественного переосмысления подходов к образованию первичного государства должно быть создание наиболее универсальной, полной и последовательной концепции, соответствующей уровню современного научного знания. Данный факт будет точкой отсчета для нижеследующей классификации.

Если исключить из теорий политогенеза мифологический элемент (попытка осуществить это для классических теорий была предпринята

³⁷ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 55.

в первой части настоящего исследования), становится очевидным, что в своей достоверной части каждая из них описывает процесс политогенеза лишь фрагментарно. Некоторые демифологизированные теории могут описать лишь роль определенного, ограниченного во времени процесса в общественном развитии (например, теория внешнего насилия), некоторые, напротив, отражают процесс исторического развития полноценно во временном отношении, но описывают лишь некоторую часть задействованных в нем сил (например, психологическая теория) и/или отражают этот процесс только для некоторых видов обществ, локально, что с точки зрения стремления к универсальной теории является недостатком и зачастую порождает на практике коллизию общего и частного (например, ирригационная теория). Вполне обычным явлением представляется присутствие в одной теории нескольких таких недочетов: ирригационная теория верно характеризует процессы, ограниченные не только в пространстве, но и во времени. Иными словами, каждая теория достоверно описывает лишь определенную часть общественных отношений политического развития общества во времени, в пространстве и в совокупности действующих социальных сил этого развития; именно это наблюдение может стать основой для начала классификации, ориентированной на систематизацию всех достоверных знаний о процессе появления государства.

Назовем *идеальными* те теории, которые выделяют и изучают преимущественно психологические, личностные, разумные социальные отношения данного общества в процессе формирования государства, то есть выражают разумную сущность общества в этом процессе.

Безусловно, к идеальным теориям в первую очередь относится психологическая теория, поскольку ее сущностью является указание на роль психической жизни человека в многостороннем процессе формирования государства; главный ее недостаток — абсолютизация этого фактора. К идеальным теориям можно также отнести патриархальную теорию: она справедливо указывает на роль семейно-властных отношений в образовании отношений государственно-властных³⁸. Теория общественного договора (в тех случаях, когда общественный договор действительно существует) также может считаться идеальной теорией, поскольку в большинстве случаев акцент в ней делается именно на соглашении людей как выражении их воли.

Теории, фокусирующиеся, напротив, на материальном, объективном факторе, на вызове, данном духу материей в процессе политогенеза у данного общества, мы назовем *материальными*. Наиболее полно и последовательно процесс поэтапного развития общества посредством столкновения с материальными вызовами описывает, разумеется, классовая теория³⁹. Представляется важным напомнить о том, что общество, сталкивающееся с материальными вызовами, движимо всё же своей психической энергией, своим разумным *physis*, описанным психологической теорией (с наличием в обществе подобного потенциала к развитию соглашались в целом и классики марксизма, однако он не был предметом их изучения). Классовая теория в некотором смысле включает в себя теорию внешнего насилия⁴⁰.

Мы можем видеть, что разумный фактор и материальный фактор неотделимы друг от друга и представляют собой, если можно так выра-

³⁸ Так как семейно-властные отношения — часть психической жизни человека, мы можем условно считать патриархальную теорию частью психологической. Более подробное рассмотрение этой связи выходит за рамки настоящего исследования.

³⁹ Подчеркнуть материальное начало классовой теории относительно происхождения государства поможет понимание того факта, что, так или иначе, в начале зарождения экономических противоречий лежит известный принцип ограниченности ресурсов и неравномерного их распределения. Однако в настоящем исследовании мы не будем подробно рассматривать данный вопрос.

⁴⁰ Внешнее насилие может быть вызвано психологическими причинами, но они не имеют отношения к данному обществу, потому мы рассматриваем внешнее насилие именно как внешний материальный фактор.

зиться, диалектическое единство. Невозможно представить обособленное от материальных факторов историческое развитие политических отношений, но точно так же невозможно представить его без личности и ее разума. К рассмотрению данного вопроса мы вернемся немного позднее.

И в идеальных, и в материальных теориях можно встретить описание факторов различного вида: в одних случаях теория рассматривает в качестве основной движущей силы возникновения государства какую-либо постоянную, имманентную обществу и окружающему миру причину; в иных случаях основной причиной происхождения государства выступает нечто ограниченное во времени, приводящее к одномоментному (или почти одномоментному) появлению государственно-властных отношений. Первые теории мы назовем *перманентными* теориями, а вторые — *каталитическими*. Перманентными теориями являются прежде всего такие теории, как психологическая и классовая. Они не ограничиваются конкретным событием, но рассматривают образование государственных институтов как последовательный, длительный и сложный объективный исторический процесс развития. К перманентным теориям можно отнести также всякую теорию, рассматривающую в качестве основного фактора географические, природно-климатические условия или иные непреходящие материальные или социально-психологические особенности развития общества. Ярким примером каталитической теории является теория внешнего насилия.

Далее, история показывает, что процесс формирования государств в разных частях земного шара может существенно различаться. Фридрих Энгельс выделял несколько типов развития государств, но сегодня этого явно недостаточно. Назовем *глобальной* такую теорию, которая описывает общие факторы, присущие всем процессам политогенеза без исключения. Назовем *локальной* такую теорию, которая, напротив, описывает факторы, присущие процессу форми-

рования лишь отдельных государств. Очевидно, что психический мир людей в нашем контексте присутствует во всех мировых процессах политогенеза. Соответственно, психологическую теорию можно отнести к группе глобальных теорий⁴¹. Точно так же дело обстоит и с классовой теорией, по своей сути материальной. Именно по причине своей глобальности даже в демифологизированном виде указанные теории становятся фундаментом для построения комплексной теории политогенеза.

4. Формирование теоретической основы метатеории политогенеза

Противоречие между перманентными материальными и перманентными идеальными глобальными теориями (классовая и психологическая) в их исходной форме снимается путем их демифологизации и объединения. В основе данного объединения лежит понимание того факта, что эти теории (разумеется, уже после исключения мифологического элемента) описывают лишь разные двумерные «проекции» одного и того же многогранного процесса. Поскольку рассматриваемые концепции содержат наиболее полное отражение глобальных и перманентных законов государствообразования, данное противоречие имеет ключевое значение для понимания общей картины происхождения государства и может стать прочным фундаментом для дальнейшей системной интеграции, предполагающей впоследствии и интеграцию частных (локальных) элементов.

Таким образом, отправной точкой для объединения достоверных данных становится тот факт, что с точки зрения современного исследователя наиболее полно описать весь процесс возникновения государства возможно лишь путем совокупного изучения идеальной (сознательно-волевой) и материальной сферы политического развития общества, духа и материи, т.е. пользуясь вышеупомянутым высказыванием

⁴¹ Многие исследователи, рассматривая теории происхождения государства, указывали, что конкретная теория применима только локально, однако системное деление как таковое на локальные и глобальные теории в литературе употребляется достаточно редко.

Э. Берна, изучением и «столкновением» того, что происходит внутри черепа с тем, что происходит вне черепа.

Важно сразу упомянуть, что описываемая интеграция вовсе не является эклектическим *mixtum compositum*, не является «двоемыслием»; она предполагает лишь объединение отдельных достоверных частей нескольких теорий таким способом, чтобы недостоверный пробел одной концепции заполнялся достоверными фактами другой. В самом начале «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегель писал: «Общее мнение не столько понимает различие философских систем как прогрессирующее развитие истины, сколько усматривает в различии только противоречие... <...> Постигающее сознание сплошь и рядом не умеет освободить его от односторонности или сохранить его свободным от последней и признать взаимно необходимые моменты в том, что кажется борющимся и противоречащим себе»⁴². Причина данного явления, на наш взгляд, психологическая: человеку неприятна всякая неопределенность, а особенной неопределенностью выступает взаимодействие двух внешне противоречащих концепций. Мы же считаем, что без попыток объединения и переосмысления лучших идей прошлого, без попыток разрешить накопившиеся противоречия на качественно новом уровне, определяемом современным развитием знания, невозможно уверенное движение вперед в сложных и туманных вопросах, поставленных наукой нашего времени, таких как происхождение государства.

Продолжая интеграцию, включим в образующую систему каталитические и локальные теории. Рассмотрим это объединение на ярком примере теории внешнего насилия. К совокуп-

ности представлений о перманентной психической и материальной составляющей процесса происхождения государства мы добавляем представление о некотором ограниченном во времени и пространстве факторе, который может в некоторых государствах при определенных условиях катализировать или ингибировать постоянный процесс государствообразования, в нашем случае — представление о внешнем завоевании и о его влиянии на общественные отношения (уже достаточно развитые). Аналогичное простое объединение возможно производить с любыми сходными теориями, например с ирригационной, которая в принципе применима только для конкретного пространства и времени⁴³. Итак, к общему пониманию основополагающих законов политогенеза мы присоединяем понимание отдельных, частных его элементов во времени и пространстве.

Сходным образом интегрируются достоверные положения из всех теорий, описанных или не описанных в настоящей работе; теории, являющиеся описательными или практически не содержащие достоверного элемента, также могут включаться в систему, однако лишь в своих «описательных» рамках, исключительно для удобства комплексного восприятия процесса происхождения государства.

Важно обозначить также последовательность действий при возникновении противоречий между достоверными фактами интегрированных теорий; в такой ситуации необходимо описать данное объективное противоречие в качестве отдельного элемента — дискуссионного вопроса, не отвергая ни одну из рассматриваемых гипотез и ожидая момента, когда вопрос можно будет закрыть, т.е. когда новые

⁴² Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа : пер. с нем. М. : АСТ, 2021. С. 7.

⁴³ Более того, можно заметить, что ирригация частично интегрируется в классовую теорию уже в «Капитале» К. Маркса: «Тайна хозяйственного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в ирригации. Благоприятные естественные условия создают лишь возможность прибавочного труда...» и т.д. (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / предисл. Ф. Энгельса ; пер. с нем. И. И. Скворцова-Степанова. М. : Политиздат, 1973. Т. 1. С. 522–523). Там же цитируется Ж. Кювье: «Необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия» (Cuvier G. Discours sur les revolutions de la surface du globe / ed. Hoefer. Paris, 1863. P. 141). Карл Август Виттфогель намного позже основательно развил и расширил указанные идеи.

знания позволят однозначно решить возникшее затруднение. Новые факты добавляются в интегрированную концепцию по мере развития научного знания; каждый новый факт включается в нее, становясь на свое место соответственно раскрытому фрагменту общественно-политических отношений.

Для успешного расширения и применения вышеизложенного необходимо зафиксировать переход на новый уровень рассмотрения фактов. Назовем получающуюся концепцию метатеорией политогенеза.

Метатеорию политогенеза должно понимать не как статичный набор собранных вместе фактов, но как универсальный научный метод демифологизации, деабсолютизации и системной группировки знаний о политогенезе с целью их объективизации, разрешения противоречий в них, а также с целью консолидации и упорядочивания научных усилий по получению и систематизации новых знаний о происхождении государства. Из нашего описания можно заключить, что метатеория как метод обладает тремя важными свойствами: универсальностью, системностью и динамичностью.

Универсальность есть основная отличительная особенность метатеории политогенеза, предполагающая направленность научной деятельности на целостный подход к исследуемой проблеме, рассмотрение всего многообразия граней исследуемого процесса в совокупности, в неразрывном единстве, на отсутствие какой-либо необоснованной мифологической абсолютизации отдельных, частных предметов в общем предмете исследования. Метатеория ставит своей задачей научное отражение всех достоверных фактов, гипотез, представлений, содержащихся во всех теориях происхождения государства с точки зрения их единства относительно исследуемого вопроса (с учетом необходимости сохранения индивидуальности в рамках отдельного, обособленного развития конкретной теории с ее собственными уникальными методами).

Важно уточнить особенность настоящего исследования, связанную с выборочным рассмотрением теорий происхождения государства. Вероятно, на первый взгляд может показаться, что для формирования универсальной совокуп-

ности фактов в виде метатеории необходимо подробное рассмотрение всех без исключения данных, относящихся к государствообразованию. Это утверждение было бы абсолютно справедливым, если бы настоящее исследование полагало в качестве цели формирование полноценной исторической интерпретации метатеории; в этом случае отсутствие подробного рассмотрения даже одного факта действительно категорически недопустимо, поскольку противоречит принципу универсальности. Однако цель настоящего исследования состоит в первую очередь в нахождении системного *метода* демифологизации теорий политогенеза, деабсолютизации факторов, указанных в этих теориях, интеграции верифицируемых фактов, их динамического рассмотрения. Таким образом, демифологизированные классические теории выступают базисом теоретической основы метатеории как метода; в данный момент их критика не направлена на формирование полной исторической картины государствообразования. Более того, даже как совокупность фактов, формируемая нами метатеория, по существу, динамична, что придает процессу ее формирования относительно большую свободу.

Системность метатеории выражается в том, что демифологизированные теории занимают свое место в ней строго соответственно описываемой ими части общественных отношений происхождения государства. Всё многообразие фактов, гипотез, концепций, входящих в состав метатеории, рассматривается исключительно в качестве системы, компоненты которой взаимодействуют между собой в непрерывном процессе научного познания. Описанное выше деление теорий происхождения государства на группы есть основа для их систематизации в рамках метатеории. Системный подход особенно важен, поскольку он в некотором смысле упрощает научно-исследовательскую деятельность и консолидирует ее. Консолидированность — обычное преимущество любого интеграционного подхода в науке, однако в формируемой метатеории политогенеза она выражена особенно ярко по причине обоснованного сосуществования в ней на первый взгляд совершенно несовместимых научных школ.

Поскольку метатеория политогенеза в силу своей природы должна развиваться вместе с научным знанием, совершенно необходимым представляется наличие в ее системе особого динамического механизма, предусматривающего постепенное развитие и обновление, т.е. предполагающего динамичность содержания и формы в широком смысле. Динамичность метатеории заключается в первую очередь в том, что каждая область знания о процессе формирования государства, выраженная конкретной теорией или их совокупностью, может изменяться в ходе разрешения реальных фактических противоречий; т.е. любое положение и любая концепция могут быть в процессе научного познания дополнены (включение новых фактов наравне со старыми) и/или замещены (исключение новыми, достоверными фактами старых, признанных недостоверными). Таким образом, метатеория резко отличается от простого системного объединения теорий политогенеза своей способностью к обновлению, выражающемуся в снятии противоречий и последующем отрицании недостоверных фактов. Этот процесс, соответствующий развитию науки, позволяет сохранять метатеоретический подход к исследуемой области знания столько, сколько необходимо. Важно отметить, что изменяться могут не только факты в составе метатеории, но и сам ее метод, поскольку он с течением времени также неизбежно будет устаревать.

С практической точки зрения метатеория политогенеза обладает «теми же преимуществами перед своими предшественниками, как арабская цифровая система перед римской, и по той же самой причине: с такими элементами легче работать. Представьте себе римского строителя, который должен закупить для стройки материалы — MCMLXVIII строительных блоков по LXXXVIII оболгов за каждый. Современный строитель, используя более простые обозначения цифр, быстрее произведет подсчеты, а сэкономленное время использует для обдумывания архитектуры, — без излишних усилий, которые неизбежны у римского строителя»⁴⁴. Мы

полагаем, что тезисно сформированный нами в настоящей работе новый системный подход можно успешно развивать и использовать как методологическую основу при рассмотрении проблемы происхождения государства. Мы также выражаем надежду, что данный подход в связи со своей системностью, универсальностью и динамичностью может быть полезен для восприятия, интерпретации и консолидации фактов, а также для развития научного знания в рассматриваемой фундаментальной области.

5. Вариант интерпретации метатеоретического подхода к государствообразованию

При попытке дать универсальное определение понятию «государство» исследователь неизбежно сталкивается с той же проблемой, с какой сталкивается биолог при попытке детерминировать понятие «жизнь» или врач при попытке определить, когда именно появляется на свет ребенок. Релятивность содержания понятия здесь приобретает настолько явную форму, что становится видимым препятствием, которое можно преодолеть, лишь по необходимости договорившись о том, что такое «государство» или «начало жизни», записав это в законе, договоре, энциклопедии или научной статье.

Происхождение государства есть непрерывный объективный процесс последовательного развития человечества, которое, разумеется, происходит в ходе бесчисленных взаимодействий множества рассмотренных выше факторов⁴⁵. Для того чтобы дать определение государству (а значит, происхождению государства), обычно предпринимаются попытки выделить из этого процесса нечто особенное, переломное, причем это самое «нечто» чрезвычайно непостоянно и, как правило, недолго удерживается в общественном и научном сознании. Таким образом, при наличии известной изобретательности можно назвать государством практически всё что угодно, руководствуясь лишь рамками, поставленными здравым смыслом; так возникают

⁴⁴ Берн Э. Указ. соч. С. 518.

⁴⁵ Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Указ. соч. С. 35.

противоречия. Именно это породило ситуацию, описанную Л. А. Морозовой: «Недаром президент США В. Вильсон (1856–1924) признавался в 1889 г., что он “безуспешно пытался найти определение государства”. А французский юрист Ж. Ссель (1878–1961) утверждал, что не существует четкого правового критерия государства, а есть лишь фактические характерные его признаки...»⁴⁶.

Приведем пример для упрощения дальнейшего рассуждения: в настоящее время критерием государственности чаще всего называют наличие властного принуждения (у К. Маркса оно имеет классовую сущность). Однако на самом деле властное принуждение существовало всегда, оно лишь выражалось в разной форме. По какой причине именно смена одной формы принуждения другой должна создавать государство? Кто и когда абсолютно определил, что смена формы властного принуждения в обществе и есть искомая «точка бифуркации»? Х. Ортега-и-Гассет писал об этом: «Форма социального принуждения, каким является власть, есть в любом обществе, включая самые примитивные, где нет еще специальных институтов такого принуждения. Если подобный, специально выделенный институт именовать государством, можно сказать, что в иных обществах нет государственной власти, но говорить, что там нет власти вообще, нельзя. Может ли не быть ее там, где есть общественное мнение, если власть — всего лишь оружие, им заряженное?»⁴⁷.

Можно предполагать, что государство появляется тогда, когда политическая власть закрепляется письменно. Однако разница между устным и письменным закреплением не настолько значима; с точки зрения отношений между людьми она заключается лишь в форме существования информации. В лучшем случае письменное закрепление власти позволяет утверждать, что общественная система уже точно движется по государственному пути развития, но когда же начался этот путь? Таким

образом, мы приходим к выводу, что понятие «государство», а значит, и момент происхождения государства, — вещи весьма условные и субъективные.

Попытаемся с целью прояснения рассматриваемого понятия исследовать весь процесс происхождения первичного государства несколько подробнее, с использованием методов метатеории политогенеза. Необходимо заранее указать, что нижеследующая интерпретация является лишь первичной иллюстрацией комплексного метатеоретического подхода к происхождению государства. Данная иллюстрация призвана лишь наглядно продемонстрировать взаимодействие различных описанных выше теорий происхождения государства в динамике; ее ни в коем случае не следует воспринимать как законченный вариант метатеории.

Общественное развитие человечества началось с момента появления общества, то есть с момента первого взаимодействия людей, с момента первого шага Адама и Евы на Землю. Общество постепенно экстенсивно растет, будучи при этом движимо силой развивающейся человеческой души, преодолевающей материальные ограничения своего существования и стремящейся к достижению некоторой социальной упорядоченности, некоторого социального равновесия.

Вместе с социумом растет масштаб властных взаимодействий, происходит последовательное укрепление первичной социальной стратификации и иерархии. На данном этапе развития, несмотря на то что среди людей уже есть неравенство, первобытное единое общество не может всё же самоопределиться как государство, поскольку для того, чтобы мыслить себя на новом уровне, ему не достаточно, пользуясь выражением К. Маркса, фихтеанского «я есть я»; единственным на данный момент методом самоопределения для общества является его «обособление от земли, от “природы”, от геоботанического космоса»⁴⁸, но это предпосылка

⁴⁶ Морозова Л. А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. М. : Норма, 2003. С. 27.

⁴⁷ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 161.

⁴⁸ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 119.

лишь для появления гомогенного стратифицированного социума, не имеющего никакого представления о полноценных политических отношениях. Соответственно, рано или поздно, говоря *in abstracto*, должен был наступить момент, когда единое человечество вследствие своего экстенсивного развития разделилось и обе образовавшиеся противоречащие протогосударственные группы диалектически восприняли, «признали» друг друга (это могут быть всего лишь два рода, два племени).

Это разделение могло быть территориальным, имущественным, смешанным или же вызванным множеством иных материальных и психологических катализаторов, которые требуют подробного и конкретного исторического изучения, не входящего в рамки настоящей иллюстрации; для наших целей важен тот факт, что первоначальное (пусть и неоднородное) общество впервые истинно разделилось, нарушив прежнюю общность существования, достигнув, говоря условно, «точки бифуркации», от которой оно могло двинуться либо к появлению государства как качественно новой формы своего существования, либо к дальнейшему разделению.

В тот момент, когда два разделенных общества воспринимают друг друга, в человеческом обществе происходит особый процесс, аналогичный выделению клетки в субстрате: возникает некоторая самоопределенность, психологическая, экзистенциальная и политическая граница, следствием чего и является появление в среднем общественном сознании некоторого особого понятия, описывающего новые общественные взаимоотношения. Это абстрактное понятие и было первоначальной версией понятия «государство». В получившихся первичных протогосударствах (они могут существовать в разной форме) отныне начинают с большей определенностью протекать те внутренние процессы, которые мы называем последовательной сменой социально-экономических формаций, точно так же, как в клетке после деления начинают активно протекать разнообразные жизненные процессы.

Более того, поскольку человек стал субъектом новых общественных отношений, близких к политическим, его психика также перешла на качественно иной уровень, предполагающий восприятие более сложных взаимодействий. Внутригосударственные процессы разного рода могут в дальнейшем также катализироваться или ингибироваться некоторыми локально определенными условиями: территориальными особенностями, необходимостью ирригационных работ, изобретением спорта, завоеванием и пр.

Развитие государств на данном этапе начато, но получившаяся система всё еще неустойчива и требует закрепления, в том числе закрепления развивающихся классовых и психологических противоречий. У живой клетки наследственная информация передается молекулой ДНК, у живого государства — правом, культурой, письменностью, говоря обобщенно — книгой. Многие формы культуры будто бы вызывают к смотрящему: «Мы!»⁴⁹. В этом закреплении, собственно, и заключается функция настоящего «общественного договора», первичной правовой нормы. Когда из общественного сознания понятие «государство» переносится на бумагу — вечный носитель и передатчик социальной информации, — тогда государство закреплено окончательно; система общества отныне может *ceteris paribus* идти только к одному маяку, к одному «аттрактору».

Государства продолжают свое локально определенное развитие, в совокупности постепенно приобретая особую форму, условно говоря, аутопоэтической системы, в которой продолжают появляться и развиваться вторичные государства.

Таким образом, мы видим три основных принципа первичного политогенеза: принцип флага (диалектическое самоопределение, «отделение клетки от субстрата»), принцип короны (общественное (классовое и психологическое) развитие внутри общества и государства, «внутриклеточные процессы»), принцип книги (культура, граница, флаг, право, «генетическая информация»)⁵⁰.

⁴⁹ Интересную иллюстрацию описываемого нами положения дают законы вавилонского царя Хаммурапи.

⁵⁰ Главное преимущество органической теории — системность, которую иногда возможно в рамках мета-теории успешно применять в различных аналогиях.

Итак, государство появляется тогда, когда общество разделяется, когда среднее общественное сознание вследствие этого разделения начинает самоопределяться относительно других структурированных обществ, воспринимать свое окружение как коллективного субъекта в качественно новом виде отношений. Иными словами, государство появляется тогда, когда в среднем общественном сознании по необходимости формируется первичное понятие «государство», представляющее собой качественно новую ступень последовательного объективного общественного развития человечества на Земле. Перефразируем еще раз: государство для каждого конкретного общества появляется тогда, когда среднее общественное сознание начинает понимать, что существует другое, обособленное общество, с которым нужно вступать в новое высокоуровневое взаимодействие. Далее, государство постепенно закрепляется и развивается, приобретая свою окончательную форму. Остальные признаки государства, описанные в литературе, также имеют существенное значение, но это значение в большей степени прикладное, поскольку описывает важнейший процесс — приобретение государством своего привычного вида.

Данная выше иллюстрация процесса политогенеза лишена всей необходимой для полноценной теории конкретизации и является лишь предварительным, гипотетическим выражением одного из вариантов (!) нового метаподхода к происхождению государства с использованием концепции и методов метатеории политогенеза. Тем не менее мы выражаем надежду, что данное описание всё же окажет некоторую помощь познавательной деятельности в отношении исследуемого нами вопроса указанием на роль различных факторов в процессе государствообразования.

Хотелось бы еще раз отметить, что метатеория есть способ системной интеграции, но не эклектического смешивания. Соответственно, метатеория оперирует только теми причинами,

которые в данном случае необходимы и в рамках развития науки были рационально выделены и приведены в необходимую форму. Ведь «если считать причинами всё, без чего нельзя сделать того-то [без чего не появится на свет новое государство], — названо их слишком мало. Пусть тогда причислят к причинам и время: без времени ничто не будет сделано. Пусть причислят и место: ведь если делать негде, то и невозможно делать...»⁵¹. Иными словами, метатеория политогенеза может быть инструментом познания процесса политогенеза как абстрактно, так и более конкретно, в зависимости от необходимости; она не предполагает перечисления всех известных достоверных фактов.

Заключение

Концепция метатеории выступает научной альтернативой несистематизированной интеграции государственно-правовых доктрин происхождения государства; это попытка движения в сторону их методологической и структурной консолидации. Историческая действительность, на наш взгляд, требует такой консолидации в рамках многих гуманитарных наук; человечеству на данном сложном этапе необходим несколько обновленный подход к знанию, предполагающий как более строгую научную выборку достоверных фактов в условиях перманентного информационного шума, так и консолидированное рассмотрение этих фактов, не допускающее необоснованной абсолютизации, неконструктивного «расслоения» аспектов проблемы, а также других неточностей. Применение метатеоретического подхода в теории государства и права представляется особенно важным, поскольку с его помощью данная наука сможет с еще большим успехом послужить прояснению сущности государственно-политических отношений как с исторической точки зрения, так и с точки зрения современности.

⁵¹ Сенека Луций Анней. Указ. соч. С. 182.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры : пер. с англ. — М. : Эксмо, 2008. — 576 с.
2. Вострокнутов В. А. О мифологическом элементе концепций происхождения государства и права // Право и образование. — 2014. — № 7. — С. 167–172.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа : пер. с нем. — М. : АСТ, 2021. — 750 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. — М. : Мысль, 2001. — 478 с.
6. Жуков В. Н. Общество как источник государства и права // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 10. — С. 31–34.
7. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права : учеб. пособие — 4-е изд., перераб. и доп.: — М. : Проспект, 2022. — 304 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс: пер. с фр. — М. : АСТ, 2016. — 340 с.
9. Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. — М. : Прогресс, 1982. — 45 с.
10. Локк Дж. Два трактата о правлении. — М. : Социум, 2019. — 420 с.
11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». — М. : Мысль, 2001. — 559 с.
12. Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. — СПб. : Юридический центр, 2006. — 206 с.
13. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : пер. с нем. / предисл. Ф. Энгельса. Т. 1. — М. : Политиздат, 1973. — 907 с.
14. Морозова Л. А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. — М. : Норма, 2003. — 300 с.
15. Нагих С. И. О различных вариантах происхождения государства и права в марксистской (классовой) теории происхождения государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2017. — № 2. — С. 71–75.
16. Нагих С. И. О классификации теорий происхождения государства и права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — 2016. — № 9. — С. 68–72.
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : пер. с исп. — М. : АСТ, 2016. — 200 с.
18. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. — М. : Проспект, 2023. — 568 с.
19. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию : пер. с лат. — М. : АСТ, 2018. — 680 с.
20. Спицын Е. Ю. Древняя и средневековая Русь, IX–XVII вв. : полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. I — М. : Концептуал, 2019. — 440 с.
21. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — М., 1917. — 227 с.
22. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М. : АСТ, 2019. — 250 с.
23. Berne E. What Do You Say After You Say Hello: Gain control of your conversations and relationships. — L. : Transworld, 2010. — 512 p.

Материал поступил в редакцию 10 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bern E. Igrы, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igrы : per. s angl. — M.: Eksmo, 2008. — 576 s.
2. Vostroknutov V. A. O mifologicheskom elemente kontseptsiy proiskhozhdeniya gosudarstva i prava // Pravo i obrazovanie. — 2014. — № 7. — S. 167–172.

3. Gegel G. V. F. Fenomenologiya dukha: per. s nem. — M.: AST, 2021. — 750 s.
4. Gegel G. V. F. Filosofiya prava: per. s nem. / red. i sost. D. A. Kerimov, V. S. Nersesyants. — M.: Mysl, 1990. — 524 s.
5. Gobbs T. Levafan. — M.: Mysl, 2001. — 478 s.
6. Zhukov V. N. Obshchestvo kak istochnik gosudarstva i prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2019. — № 10. — S. 31–34.
7. Kashanina T. V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava: ucheb. posobie — 4-e izd., pererab. i dop.: — M.: Prospekt, 2022. — 304 s.
8. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass: per. s fr. — M.: AST, 2016. — 340 s.
9. Lenin V. I. O gosudarstve. Lektsiya v Sverdlovskom universitete 11 iyulya 1919 g. — M.: Progress, 1982. — 45 s.
10. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii. — M.: Sotsium, 2019. — 420 s.
11. Losev A. F. Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa». — M.: Mysl, 2001. — 559 s.
12. Magaziner Ya. M. Izbrannyye trudy po obshchey teorii prava. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2006. — 206 s.
13. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii: per. s nem. / predisl. F. Engelsa. T. 1. — M.: Politizdat, 1973. — 907 s.
14. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava. Povtoritelnyy kurs v voprosakh i otvetakh. — M.: Norma, 2003. — 300 s.
15. Nagikh S. I. O razlichnykh variantakh proiskhozhdeniya gosudarstva i prava v marksistskoy (klassovoy) teorii proiskhozhdeniya gosudarstva // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2017. — № 2. — S. 71–75.
16. Nagikh S. I. O klassifikatsii teoriy proiskhozhdeniya gosudarstva i prava // Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. — 2016. — № 9. — S. 68–72.
17. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass: per. s isp. — M.: AST, 2016. — 200 s.
18. Radko T. N., Lazarev V. V., Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyy dlya bakalavrov. — M.: Prospekt, 2023. — 568 s.
19. Seneka Lutsiy Anney. Nравstvennyye pisma k Lutsiliyu: per. s lat. — M.: AST, 2018. — 680 s.
20. Spitsyn E. Yu. Drevnyaya i srednevekovaya Rus, IX–XVII vv.: polnyy kurs istorii Rossii dlya uchiteley, преподаvateley i studentov. Kn. I — M.: Kontseptual, 2019. — 440 s.
21. Trubetskoy E. N. Lektsii po entsiklopedii prava. — M., 1917. — 227 s.
22. Engels F. Proiskhozhdenie semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. — M.: AST, 2019. — 250 s.
23. Berne E. What Do You Say After You Say Hello: Gain control of your conversations and relationships. — L.: Transworld, 2010. — 512 p.

Правовые основы бюджетной системы и разграничения доходов и расходов в Китайской Республике

Аннотация. Китайская Республика была образована в 1912 г. После поражения в гражданской войне, в декабре 1949 г., органы государственной власти были эвакуированы на остров Тайвань, который к тому времени имел статус провинции. Концептуально, как и в случае с налоговым правом, бюджетное право Китайской Республики во многом идентично аналогам других государств, но фактически находящаяся под контролем властей территория повлияла на состав бюджетной системы и системы налогов Китайской Республики. В 1994–1999 гг. в Китайской Республике была проведена реформа местного самоуправления, сокращены функции органов власти провинций и понижен их уровень. Сами провинции не были упразднены и указания о них по-прежнему содержатся в законодательстве. Однако органы власти этой административной территориальной единицы не принимают бюджеты и налогов провинций нет. Изучение права Китайской Республики показывает, в частности, что положения Основного закона (конституции) государства не всегда позволяют прийти к достоверным выводам, например, о бюджетном устройстве.

Ключевые слова: бюджетная система; распределение доходов правительства; налоговые доходы; местные налоги; субсидии; провинции; законы; толкования; Конституционный суд; Тайвань.

Для цитирования: Шепенко Р. А. Правовые основы бюджетной системы и разграничения доходов и расходов в Китайской Республике // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 52–64. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.052-064.

The Legal Foundations of the Budget System and the Differentiation of Revenues and Expenses in the Republic of China

Roman A. Shepenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, MGIMO University under the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
r.shepenko@inno.mgimo.ru

Abstract. The Republic of China was established in 1912. After the defeat in the Civil War, in December 1949, the state authorities were evacuated to the island of Taiwan that by that time had the status of a province. Conceptually, as in the case of tax law, the budget law of the Republic of China is in many ways identical to the analogues of other

© Шепенко Р. А., 2024

* Шепенко Роман Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права МГИМО МИД России
пр. Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454
r.shepenko@inno.mgimo.ru

states, but the territory actually under the control of the authorities influenced the composition of the budget system and the tax system of the Republic of China. In 1994–1999, in the Republic of China, the local government reform was carried out, the functions of provincial governments were reduced and their level was lowered. The provinces themselves were not abolished and instructions about them are still contained in the legislation. However, the authorities of this administrative territorial unit do not accept budgets and there are no provincial taxes. The study of law of the Republic of China shows, in particular, that the provisions of the Basic Law (Constitution) of the State do not always allow us to come to reliable conclusions, for example, about the budgetary structure.

Keywords: budget system; government revenue distribution; tax revenues; local taxes; subsidies; provinces; laws; interpretations; Constitutional Court; Taiwan.

Cite as: Shepenko RA. The Legal Foundations of the Budget System and the Differentiation of Revenues and Expenses in the Republic of China. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):52-64. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.052-064.

Бюджетное право — это совокупность финансово-правовых норм, регулирующих отношения по организации бюджетной системы, определению состава и порядка разграничения доходов и расходов в бюджетной системе, бюджетную компетенцию государства и муниципальных образований, а также бюджетный процесс¹.

У России богатая история и доктринальная основа бюджетного права. Значимость бюджетного права для экономики государства предопределила его достаточно динамичный характер. Соответствующие изменения, в том числе отдельных категорий бюджетного права, находятся под пристальным вниманием отечественных ученых², регулярно включаются в повестку дня конференций (примером является заседание секции кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), проведенное в апреле 2024 г. в рамках XI Московского международного юридического форума³).

Совершенствование правовых основ бюджетной системы и порядка разграничения доходов и расходов предполагает в том числе изучение законодательства и практики других государств и территорий.

Для российской школы сравнительного правоведения характерно обращение к законода-

тельству и практике основных торговых партнеров, прежде всего некоторых государств группы G7. Вместе с тем есть не менее интересные примеры, которые пока не привлекли к себе большего внимания ученых, занимающихся публичными финансами.

Одним из таких примеров является бюджетное право Китайской Республики, более известной по названию острова, составляющего основную часть контролируемой территории; на английском языке используются различные названия (исторически — Formosa, политически — Chinese Taipei и др.).

Концептуально, как и в случае с налоговым правом, бюджетное право Китайской Республики идентично аналогам других государств и территорий. Вместе с тем административно-территориальное устройство повлияло на наличие некоторых особенностей бюджетной системы и порядка разграничения доходов и расходов.

Китайская Республика была образована в 1912 г. После поражения в гражданской войне, в декабре 1949 г., органы государственной власти были эвакуированы на остров Тайвань, который к тому времени имел статус провинции. Там продолжилось развитие бюджетного права, формирование правовых основ которого было начато еще на материке.

¹ См.: Химичева Н. И., Покачлова Е. В. Финансовое право : учеб.-метод. комплекс / отв. ред. Н. И. Химичева. М. : Норма, 2005. С. 173.

² См.: Болтинова О. В. Эволюция бюджетного процесса Российской Федерации в условиях трансформации бюджетного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11. С. 65–72.

³ URL: <https://msal.ru/events/xi-moskovskiy-yuridicheskiy-forum-formirovanie-mnogopolyarnogo-mira-vyzovy-i-perspektivy/?ysclid=lutgmc0f8i644049472> (дата обращения: 05.04.2024).

Структура управления, основанная на Конституции 1947 г., изначально не была изменена из-за претензий на территорию материкового Китая. Возникшее в результате этого некоторое административное наложение имело различные проявления.

С одной стороны, при составлении бюджета 1950 г. было достигнуто соглашение с правительством провинции Тайвань о передаче налоговых доходов центральному правительству. Эти финансовые средства были дополнены золотыми слитками, вывезенными с материка и заимствованиями у коммерческих банков⁴. Считается, что фактическая реализация управления государством осуществлялась через различные институты правительства провинции⁵.

С другой стороны, из-за тесных (часто коррупционных) связей с местными бизнесменами правительство провинции в некотором смысле даже препятствовало усилиям центра по стимулированию экономического развития⁶; отмечается, что после того, как в 1994 г. состоялись первые прямые выборы губернатора провинции Тайвань, стали постоянно возникать разногласия с не избравшимся на тот момент президентом⁷.

Территория провинции Тайвань включает в себя 11 уездов и 3 города уездного подчинения. За исключением уезда Пэнху, территорию которого образует одноименный архипелаг в Тайваньском проливе, территория провинции занимает весь остров Тайвань (35,8 тыс. кв. км). С конца 1960-х гг. из территории провинции началось выделение территорий городов центрального подчинения, которых на сегодня шесть.

Номинально существует также провинция Фуцзянь, но под фактическим контролем Китай-

ской Республики находятся лишь прибрежные острова Мацзу и Цзиньмэнь, имеющие статус уездов Ляньцзян и Цзиньмэнь соответственно.

В 1996 г. прошли первые прямые выборы Президента Китайской Республики, и через два года были внесены изменения и дополнения в законодательство, в том числе было установлено, что с декабря 1998 г. выборы органов власти провинции Тайвань проводиться не будут, сокращены их функции и понижен уровень. Аналогично и в случае с провинцией Фуцзянь⁸. В результате на сегодня система органов управления Китайской Республики представлена двумя уровнями: центральным и местным.

Правовые основы бюджетной системы.

Бюджетная система — это совокупность бюджетов государства.

В Китайской Республике правовые основы бюджетной системы образованы положениями Конституции, Закона 1932 г. «О бюджете», Закона 1999 г. «О местной системе» и других нормативных актов⁹.

В Конституции положения о бюджете включены в три главы, которые посвящены управлению, законодательству и национальной политике.

В главе V определено, что Исполнительная палата представляет законопроекты о бюджете в Законодательную палату (ст. 58) и проект бюджета должен быть представлен за три месяца до начала финансового года (ст. 59). В статье 57 предусмотрено, что Исполнительная палата вправе обратиться в Законодательную палату с просьбой пересмотреть резолюцию по законопроекту о бюджете, если сочтет его неисполнимым. Это положение следует читать в редакции

⁴ См.: Kuo-ting Li. Evolution of Policy Behind Taiwan's Development Success. 2nd ed. Singapore : World Scientific, 1995. P. 231.

⁵ См.: Lü Peng. A History of China in the 20th Century / trans. by B. Doar. Singapore : Springer, 2023. P. 754.

⁶ См.: Roy D. Taiwan: A Political History. Ithaca : Cornell University Press, 2003. P. 209.

⁷ См.: Jiunn-rong Yeh. Evolving Central-local Relations in a Contested Constitutional Democracy: The Case of Taiwan // Central-Local Relations in Asian Constitutional Systems ; by A. Harding, M. Sidel. Oxford ; Portland : Hart Publishing, 2015. P. 49.

⁸ См.: 江大樹, 張力亞. 地方治理: 變革、創新與實踐 [Цзян Дашу, Чжан Лия. Местное самоуправление: изменения, инновации и практика]. 元照出版公司, 2016. 第 71 页.

⁹ Использованы тексты нормативных актов, размещенных на сайте Министерства юстиции [法務部]. 可于: URL: <https://www.moj.gov.tw> (дата обращения: 19.04.2024).

ст. 3 Дополнительных поправок к Конституции 1991 г.

В главе VI за Законодательной палатой закреплено право принимать решения по законопроектам о бюджете (ст. 63) и установлено, что она не может выступать с предложениями об увеличении расходов в законопроекте о бюджете (ст. 70).

В статье 164 гл. XIII закреплены минимальные проценты расходов бюджетов на образование, науку и культуру.

Закон «О бюджете» был принят еще на территории материкового Китая. В публикациях можно встретить упоминания о том, что в 1932 г. Законодательный юань одобрил новый закон о контроле над финансами, согласно которому местные финансы должны находиться под контролем министерства финансов, а местным властям запрещалось самочинно вводить новые налоги, увеличивать существующие налоги или выпускать займы¹⁰. Возможно, речь идет именно о рассматриваемом законе.

В Закон «О бюджете» внесено 18 изменений и дополнений, два из которых — до эвакуации на остров и 11 — с 1998 г.

Закон состоит из 100 статей, распределенных по семи главам. Планированию и составлению, рассмотрению и выполнению бюджета посвящены главы 2–4. В главе 5 регламентированы вопросы дополнительного и специального бюджета, а в гл. 6 — бюджета подчиненных подразделений.

В статье 51 Закона «О бюджете» предусмотрено, что общий бюджет утверждается Законодательной палатой за месяц и обнародуется президентом за 15 дней до начала финансового года. В статье 2 разъясняется, что бюджет, прошедший законодательную процедуру, называется юридическим (обязательным) бюджетом.

В законе нет указания на форму итогового документа и его юридическую силу. Данный вопрос был рассмотрен Конституционным судом. В толковании Судебной палаты 2001 г. № 520 разъясняется, что форма бюджета сопоставима с законом, но его содержание, объекты регулирования и методы рассмотрения отличаются от общеправовых законопроектов¹¹.

В статье 112 Конституции говорится об общих принципах самоуправления провинций и уездов, но никакой закон не был принят. С 1949 г. местное самоуправление функционировало на основе нескольких нормативных актов Исполнительной палаты и правительства провинции Тайвань. Первые законы о местном самоуправлении провинций и уездов и городов центрального подчинения были приняты лишь в 1994 г.¹² В том же году были проведены первые прямые выборы губернатора провинции Тайвань, а также мэров городов центрального подчинения Тайбэй и Гаосюн, которые признаны историческими¹³.

Через 5 лет был принят Закон «О местной системе». Из 88 его статей вопросам, связанным с бюджетами, посвящено свыше 20. С момента принятия в него было внесено уже 13 изменений и дополнений.

Согласно ст. 3 этого Закона места подразделяются на провинции и города центрального подчинения. Провинции делятся на уезды и города, а уезды — на волости, поселения, города уездного подчинения.

В статье 2 Закона «О местной системе» указано, что правительство провинции — это орган Исполнительной палаты и провинция не имеет местного автономного управления. В статье 8, определяющей вопросы, находящиеся в ведении провинции, нет указаний ни о нормотворческих, ни о бюджетных полномочиях.

¹⁰ См.: Кузнецов В. С. Гоминьдановский режим в Китае (1931–1937 гг.) // Информационный бюллетень. 1988. Ч. 2. С. 224.

¹¹ 司法院 [Судебная палата]. 可于: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/docdata.aspx?fid=100&id=310701> (дата обращения: 19.04.2024).

¹² См.: Гудошников Л., Кокарев К. Регламентация местного самоуправления на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 3. С. 50.

¹³ См.: 黃炎東. 新世紀台灣憲政體制與政黨政治發展趨勢 [Хуан Яньдун. Тенденции развития конституционной системы Тайваня и партийной политики в новом столетии]. 墨文堂文化, 2004. 第 233 页.

В статье 12 того же закона предусмотрено, что Исполнительная палата включает бюджеты правительств провинции в общий бюджет центрального правительства. Нормами ст. 35–37 к обязанностям советов городов центрального подчинения, уездов (городов), волостей (сельских и городских поселений) отнесено принятие решений по бюджетам. Эти статьи вместе с положениями Закона «О бюджете» иллюстрируют состав бюджетной системы.

В статье Закона «О местной системе» об обязанностях мест указанию о принятии решений о бюджетах предшествует указание о принятии правил, причем используются 3 разных сочетания иероглифов (法規, 規章, 規約). Некоторые из них имеют значение узаконения, но в исследованиях отмечается, что региональные правила, изданные правительствами или советами, не рассматриваются как законодательство¹⁴. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

Перечень правовых основ бюджетов не ограничен только названными ранее документами. К числу других нормативных актов относится Закон 1996 г. «О государственном долге».

Этот Закон был принят в целях поддержания устойчивости национальных финансов, поддержки потребностей национального развития и регулирования государственного долга. В него было внесено всего 4 изменения, в том числе в 1998 г. новая редакция ст. 4. В этой статье названы субъекты, у которых возникает государственный долг, и провинции в этом перечне не фигурируют.

В Законе «О государственном долге» предусмотрено, в частности, что в целях управления государственным долгом центр и города центрального подчинения должны выделить не менее 5–6 % налоговых поступлений текущего финансового года на погашение основной

суммы долга, а уезды (города) и волости (сельские и городские поселения) — не менее 1 % от суммы непогашенного государственного долга за предыдущий финансовый год (ст. 12). Таким образом, правительства всех уровней должны не только покрыть расходы по выплате процентов по долгу, но и предпринять меры по уменьшению долга.

Порядок разграничения доходов и расходов. Доходы бюджетов всех уровней правительств поступают из двух источников: текущие операции и операции с капиталом¹⁵.

Доходы текущих операций включают налоговые и неналоговые доходы. Последние формируются за счет имущества правительства, дохода публичных предприятий, административных сборов, штрафов и других доходов. Доходы операций с капиталом генерируются за счет правительственного финансирования, такого как выпуск государственных облигаций и предоставление займов.

Начиная с первого общего бюджета центрального правительства основным источником доходов являются налоги. В бюджете на 1950 финансовый год доходы от налогов и монополии на соль составили 47,5 %, поступления от сборов и штрафов — 1,3 %¹⁶. В бюджете на 2024 финансовый год налоговые доходы должны составить 84,9 %, поступления от сборов и штрафов — 2,9 %¹⁷.

Вопросы распределения налоговых доходов регламентированы Конституцией, Законом 1951 г. «О распределении государственных доходов и расходов», Методами Министерства финансов 1999 г. «О распределении централизованных налоговых доходов» и налоговым законодательством.

Разграничение национальных доходов, доходов провинций и уездов в соответствии со

¹⁴ См.: *Chang-fa Lo*. The Legal Culture and System of Taiwan. The Netherlands : Kluwer Law International, 2006. P. 40.

¹⁵ См.: *Cheng-mount Cheng*. Chinese Taipei / Fiscal Deficits in the Pacific Region / by A. Kohsaka. London ; New York : Routledge, 2004. P. 341.

¹⁶ 行政院主計總處 [Директорат по учету Исполнительной палаты]. 可于: URL: <https://ws.dgbas.gov.tw/001/Upload/462/refile/10310/2376/11.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁷ 行政院主計總處 [Директорат по учету Исполнительной палаты]. 可于: URL: <https://ws.dgbas.gov.tw/001/Upload/462/refile/10310/2289/1.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).

ст. 107 Конституции осуществляется центральным законодательством.

В приложении 1 к Закону «О распределении государственных доходов и расходов» перечислены в том числе государственные налоги, налоги городов центрального подчинения, уездов (городов), волостей (сельских и городских поселений), указан процент и определены правила распределения доходов от отдельных налогов.

После принятия этого Закона в него 10 раз вносились изменения, 9 из которых затронули и это приложение. В ходе реформы местного самоуправления в 1999 г. в Закон «О распределении государственных доходов и расходов» были добавлены статьи 16-1, 35-1, 37-1, 38-1 и 38-2, исключены статьи 16, 17 и 32, изменены статьи 3, 4, 6–8, 12, 18, 19, 30, 31.

Еще недавно в публикациях можно было встретить указания о доходах и налогах, собранных в провинции Тайвань¹⁸. Из содержания названного Закона следует, что в Китайской Республике нет налогов провинций, но провинции Тайвань и Фуцзянь упоминаются в этом Законе.

В статье 8, посвященной национальным налогам, отдельно оговаривается, что 18 % от общего объема поступлений от налога на табак и алкоголь распределяются между городами центрального подчинения, уездами и городами уездного подчинения провинции Тайвань пропорционально численности их населения; 2 % распределяются между уездами Цзиньмэнь и Ляньцзян провинции Фуцзянь.

В статье 16-1 также предусмотрено, что уезды Цзиньмэнь и Ляньцзян провинции Фуцзянь рассматриваются отдельно для целей расчета так называемых налоговых возможностей.

Методы «О распределении централизованных налоговых доходов» приняты на основании упомянутой статьи 16-1 Закона «О распределении государственных доходов и расходов», которая предусматривает, что налогообложение координируется центром с целью выделения средств городам центрального подчинения, уез-

дам (городам) и волостям (сельским и городским поселениям).

В налоговом законодательстве вопросы распределения доходов регламентированы в части потери налоговых доходов. Так, в ст. 33, 34 Закона 1977 г. «О налоге на землю» и ст. 58-1 Закона 1973 г. «О налоге на наследование и дарение» содержатся похожие нормы о том, что потери налоговых доходов (местной власти) правительствами города центрального подчинения, уезда (города) подлежат возмещению центральным правительством и не подпадают под ограничение ст. 23 Закона «О бюджете», которая запрещает использование доходов от государственных облигаций для покрытия текущих расходов.

Некоторые вопросы распределения доходов были предметом рассмотрения Конституционного суда. В толковании Судебной палаты 1989 г. № 234 указано, что на основании п. 7 ст. 107 Конституции центральное правительство обладает законодательными и административными полномочиями в отношении разграничения национальных, провинциальных и уездных налогов; положения ст. 12 Закона «О распределении государственных доходов и расходов», касающиеся распределения налога на предпринимательскую деятельность и гербового сбора, соответствуют цели ст. 147 Конституции, направленной на сбалансированное развитие местной экономики, и не противоречат Конституции¹⁹.

Положения названных нормативных актов и правовая позиция Конституционного суда указывают на то, что финансовая система Китайской Республики централизована. Это перманентно подвергается критике.

Причем, исходя из хронологии публикаций, отрицательные оценки сохраняются на протяжении многих лет и не изменяются, несмотря на новые инициативы. К числу последних можно отнести принятие закона, названного Общими принципами местного налогового законодательства 2002 г. В статье 3 этих принципов предусмотрено, что города центрального подчинения,

¹⁸ См.: *Steve Waicho Tsui. Local Government Finance and Bond Markets / by Yun-hwan Kim. Manila : Asian Development Bank, 2003. P. 507.*

¹⁹ 司法院 [Судебная палата]. 可于: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/docdata.aspx?fid=100&id=310415> (дата обращения: 19.04.2024).

уезды (города), волости (сельские и городские поселения) в зависимости от финансовых потребностей могут взимать специальные, временные и дополнительные налоги.

Комментаторы отмечают, что этого недостаточно и права местных правительств всё ещё ограничены; необходимо пересмотреть Закон «О распределении государственных доходов и расходов» для улучшения вертикального и горизонтального равенства в налоговой децентрализации²⁰.

Сбалансированные оценки встречаются значительно реже. Серия институциональных реформ, начатых в 1999 г., включала в себя наделение местных правительств правом установления новых налогов. Это не привело к существенному росту доходов местных органов власти. Тем не менее в 2013 г. увеличились налоговые доходы городов. Максимальный рост был у Синьбэя (на 18,89 %) и минимальный у Тайбэя (на 5,17 %). По уровню ресурсов самоуправления отставал город Тайнань²¹.

Рассматривая отрицательные оценки централизованной системы, следует напомнить, что у Китая многовековая сложная история отношений центра и мест. Она начинается с объединения Китая и основания в 221 г. до н. э. империи Цинь.

Известно, что при династии Тан в 780 г. для округов и провинций были установлены налоговые квоты, а сбор налогов фактически возлагался на местные власти²². В XVII в. получила распространение практика надбавок к

земельному налогу, составлявших основной источник средств местной администрации²³. Характерная особенность финансовой системы императорского Китая состояла в том, что все налоги были национальными и не существовало дифференциации в пользу провинций и городов. После Синьхайской революции 1911 г. усилившаяся политическая раздробленность Китая привела к дальнейшей децентрализации финансов²⁴.

С 1914 г. сбор всех главных налогов, за исключением морского таможенного налога и соляных сборов, захватили в свои руки власти отдельных провинций, которые, видя беспомощность центра, активно устанавливали различные налоги. Иностранные наблюдатели даже стали использовать такое понятие, как *orgy of taxation* (англ. — налоговая оргия). Именно так была охарактеризована ситуация, сложившаяся в Кантоне в 1923 и 1924 гг.²⁵

Сформированное в 1927 г. в Нанкине правительство, преодолевая сопротивление местных военачальников, пытавшихся сохранить за собой власть и сбор налогов на местах, за 10 лет сумело обеспечить фискальное единство. Система косвенных налогов постепенно становилась более рациональной и централизованной. Предпринимались сравнительно успешные попытки исполнения годовых бюджетов²⁶. Одним из аспектов реорганизации системы налогов Китая в указанные годы стала отмена некоторых из них, в том числе в 1931 г. лицензия (транзитной пошлины)²⁷.

²⁰ См.: *Ichimura Sh., Bahl R. W.* Decentralization Policies in Asian Development. Hackensack : World Scientific, 2009. P. 282.

²¹ См.: *Hsin-Fang Tsai.* Municipal Financial Strategy Responses to Fiscal Austerity: The Case of Taiwan // Value for Money: Budget and financial management reform in the People's Republic of China, Taiwan and Australia / by A. Podger, Tsai-tsu Su, J. Wanna [et al.]. Acton : Australian National University Press, 2018. P. 251–252.

²² См.: *Chang K. C.* Art, Myth and Ritual. The Path to Political Authority in Ancient China. Cambridge : Harvard University Press, 1983. P. 41.

²³ См.: *Тяпкина Н. И.* Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — начало XX в.). М. : Наука, 1984. С. 68.

²⁴ См.: *Болдырев Б. Г.* Финансы Китайской Народной Республики. М. : Госфиниздат, 1953. С. 122.

²⁵ См.: *The China Year Book : 1925–1926* / by H. G. W. Woodhead. New York : Brentanos, 1925. P. 880.

²⁶ См.: *Сухарчук Г. Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. Сравнительный анализ. М. : Наука, 1983. С. 30–32.

²⁷ См.: *Beal E. G.* The Origin of Likin. Cambridge : Harvard University, 1958. P. 1.

В том же году появляются неподконтрольные центру так называемые Советские районы²⁸. В 1937 г. началась война с Японией, в которую правительство Китайской Республики вступило с системой налогов, не дававшей значительного дохода²⁹. В 1945 г., стремясь получить поддержку со стороны землевладельцев, правительство на год отказалось от сбора земельного налога в освобожденных от японской оккупации районах, а также предложило в дельнейшем передать 70 % сборов от этого налога местным властям³⁰.

Новая история правоотношений центра и мест началась после эвакуации правительства на остров Тайвань; если вначале ресурсы острова использовались для военных целей против коммунистов на материке, то в последующем отношение изменилось и усилия лидеров партии Гоминьдан были сконцентрированы на экономическом развитии³¹.

Предоставление субсидий. Покрытие дефицитов бюджетов местных органов власти, в том числе из-за недостатка налоговых доходов, осуществляется в Китайской Республике в том числе за счет субсидий.

По некоторым данным, до 1987 г. субсидии национального и провинциального правительств составляли 52,3 % поступлений в бюджеты местных органов власти³². В период с 2005 по 2013 г. города Синьбэй, Тайбэй, Тайчжун, Тайнань и Гаосюн имели самую высокую степень финансовой зависимости, получая за счет грантов 38,88 % от их средних годовых расходов³³. Большое значение субсидирование имеет для

уезда Наньтоу, единственного из уездов провинции Тайвань, не имеющего выхода к морю; в 2017 г. субсидии составили 52,03 % доходов общего годового бюджета правительства этого уезда³⁴.

Как и в случае с налоговыми правами местных органов власти, система субсидирования подвергается критике. Отмечается, что субсидии не всегда распределяются справедливо и получаемые местными правительствами суммы зависят как от политики и предпочтений, так и от заслуг и потребностей³⁵.

Субсидии местным органам власти подразделяются на общие и проектные гранты. Системе субсидирования присущи некоторые недостатки.

Доступность субсидий не стимулирует местные правительства работать над сбалансированным бюджетом и эффективно использовать собственные ресурсы.

Широкая практика использования, точнее — популярность у местных органов власти, субсидий обусловлена и политической динамикой. Руководители городов и уездов избираются на должность, и им не нужны альтернативные голоса. Повышение налогов приведет к потере голосов на следующих выборах. Соответственно, местные правительства придерживаются менее рискованной стратегии, требуя больше субсидий от центрального правительства или даже получения займов от банков. Более того, исследователи обращают внимание на то, что местные политики дают гражданам финансово невыполнимые обещания, лишь бы получить

²⁸ См.: Губайдулин В. М. Революционная власть в освобожденных районах Китая (1937–1945 гг.) / отв. ред. Л. М. Гудошников. Новосибирск : Наука, 1981. С. 6.

²⁹ См.: Young A. N. China's Wartime Finance and Inflation. Cambridge : Harvard University Press, 1965. P. 22–23.

³⁰ См.: Меликсетов А. В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М. : Наука, 1977. С. 216.

³¹ См.: Wei-bin Zhang. Taiwan's Modernization: Americanization and Modernizing Confucian Manifestations. Singapore ; New Jersey : World Scientific, 2003. P. 38.

³² См.: Hess S. Authoritarian Landscapes: Popular Mobilization and the Institutional Sources of Resilience in Nondemocracies. New York : Springer, 2013. P. 56.

³³ См.: Hsin-Fang Tsai. Op. cit. P. 252–253.

³⁴ См.: Yaguang Hao. Grassroots Governance in Taiwan. Singapore : Springer, 2023. P. 95.

³⁵ См.: Rigger S. Politics in Taiwan: Voting for Reform. London : Routledge, 2002. P. 48.

их поддержку³⁶. Это ведет к росту ежегодных расходов без достаточных доходов.

В общем бюджете центрального правительства на 1950 финансовый год основной статьей расходов были расходы на национальную оборону — 89,9 %; расходы на субсидии и другие расходы — 1,7 %³⁷. На 2024 финансовый год основной статьей расходов заявлены расходы на социальное обеспечение — 27,7 %; расходы на субсидии и другие расходы — 3,5 %³⁸.

Правовые основы предоставления субсидий местам определяются положениями Конституции, Закона «О бюджете», Закона «О местной системе» и Закона «О распределении государственных доходов и расходов».

В статье 147 Конституции сказано, что с целью достижения сбалансированного экономического развития центр должен оказывать помощь провинциям, а они — уездам.

Это положение получило развитие в законах. В статье 69 Закона «О местной системе» предусмотрено, в частности, что если местное самоуправление любого уровня не получает доходов, на получение которых оно имеет право по закону, то вышестоящие органы власти могут уменьшить размер субсидии по своему усмотрению. В статье 30 Закона «О распределении государственных доходов и расходов» охарактеризованы программы и проекты, на которые могут быть выделены субсидии. В приложении 1 к Закону «О распределении государственных доходов и расходов» субсидии названы в качестве одного из источников доходов городов центрального подчинения, уездов (городов),

волостей (сельских и городских поселений). Согласно ст. 38 Закона «О бюджете» ассигнования, субсидируемые каждым подразделением государственного учреждения местному самоуправлению, должны быть обобщены в таблице в общем бюджетном предложении.

Как и в случае с распределением доходов, вопросы предоставления субсидий местным органам власти были рассмотрены Конституционным судом.

В толковании Судебной палаты 1999 г. № 498 констатируется, что Законодательная палата не может уменьшить или отменить субсидию просто потому, что должностные лица местного органа самоуправления отказываются присутствовать на заседаниях Законодательной палаты³⁹.

В толковании Судебной палаты 2002 г. № 550 указано, что в тех случаях, когда органы местного самоуправления обязаны нести часть расходов по исполнению какого-либо закона, например положения о соотношении субсидий и страховых взносов, как это предусмотрено в ст. 27 Закона 1994 г. «О национальном медицинском страховании», им должна быть предоставлена возможность для участия в процессе разработки закона⁴⁰.

Комментаторы отмечают, что оба толкования следует понимать как средства пассивной защиты местных правительств и они должны быть определены вместе как основа, на которой может изначально развиваться сотрудничество центра и мест⁴¹.

Итак, следует констатировать, что в отсутствие кодифицированного акта правовые осно-

³⁶ См.: Tsuey-ping Lee, Clark C. The Limits of Budget Reform in Taiwan // Comparative Public Budgeting: A Global Perspective / by C. Menifield. Sudbury : Jones and Bartlett Publishers, 2011. P. 96, 99.

³⁷ 行政院主計總處 [Директорат по учету Исполнительной палаты]. 可于: URL: <https://ws.dgbas.gov.tw/001/Upload/462/refile/10310/2376/11.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).

³⁸ 行政院主計總處 [Директорат по учету Исполнительной палаты]. 可于: URL: <https://ws.dgbas.gov.tw/001/Upload/462/refile/10310/2289/1.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).

³⁹ 司法院 [Судебная палата]. 可于: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/en/docdata.aspx?fid=100&id=310679> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴⁰ 司法院 [Судебная палата]. 可于: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/en/docdata.aspx?fid=100&id=310731> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴¹ См.: Milan Tung-Wen Sun. A Preliminary Assessment of Public Management Reform in Taiwan's Local Government // Comparative Governance Reform in Asia: Democracy, Corruption, and Government Trust / by C. Wescott, B. Bowornwathana. Bingley : Emerald Group Publishing, 2008. P. 142.

вы бюджетной системы и порядка разграничения доходов и расходов в Китайской Республике образованы значительным массивом нормативных актов. Основные вопросы регламентированы законами, в которые регулярно вносятся изменения.

Понятийный аппарат бюджетного права Китайской Республики имеет некоторые особенности. В законодательстве используются термины «центр» (中央) и «места» (地方) часто без сочетания с иероглифами «政府», имеющими значение правительства. Производные от терминов «центр» и «места» (в качестве прилагательных) вместе с английским словом *government* (правительство), которые можно встретить и на страницах официальных сайтов министерств в сети Интернет, являются больше литературным переводом; примером «дополнизма» в публикациях на английском языке является также устоявшаяся идентификация Закона «О местной системе» как *Local Government Act*.

Фактически находящаяся под контролем властей территория повлияла на состав бюджетной системы и системы налогов Китайской Республики. Несмотря на наличие провинций, налогов этой территориальной единицы нет. Таким образом, указания основного закона (конституции) государства не всегда позволяют прийти к достоверным выводам, например, о системе налогов.

Толкования Конституционного суда Китайской Республики сыграли заметную роль в реформе местного самоуправления. При этом из толкования Судебной палаты 1999 г. № 477 следует, что сами толкования могут быть применены напрямую различными уровнями судов⁴², т.е. они являются источниками права.

Несмотря на унитарную форму государственного устройства, в академическом сообществе превалирует отрицательная оценка централизованной финансовой системы, что в случае с исследованиями тайваньских ученых, по всей

видимости, обусловлено длительным периодом действия в Китайской Республике военного положения (1949–1987) с сопутствующими ограничениями и сильным иностранным влиянием на правовую систему и юридическую культуру, в том числе из-за широко распространенной практики обучения и получения ученых степеней за границей.

Вопросы, обусловленные отрицательными оценками существующей финансовой системы Китайской Республики, могут стать предметом отдельного исследования, но стоит учитывать и уроки истории, которая показывает, в частности, что широкие налоговые права мест не всегда и не во всех случаях приводят к положительным результатам.

Кроме того, возможно, опровергают многие доводы против централизованной финансовой системы общеизвестные успехи экономического развития, получившего название «Тайваньское чудо» (англ. *Taiwan Miracle*). С 1953 по 1990 г. среднегодовые темпы роста составили 8 %, а в последующем — 4 %⁴³. Международным валютным фондом «провинция Китая Тайвань» классифицируется как одно из 42 государств с развитой экономикой⁴⁴. Этот перечень показателей можно продолжить.

Одновременно данные о достижениях Китайской Республики могут быть использованы в качестве аргумента о необходимости изучения права небольших по площади государств, а не только завсегдатаев сравнительного правоведения.

С точки зрения восприятия положительного опыта нельзя сказать, что правовые основы бюджетной системы и порядка разграничения доходов и расходов в Китайской Республике могут выступать в качестве ориентира для бюджетного права России. Вместе с тем некоторые рассмотренные положения заслуживают внимания в контексте совершенствования нормативных актов.

⁴² 司法院 [Судебная палата]. 可于: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/docdata.aspx?fid=100&id=310658> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴³ См.: *Fu-Lai Tony Yu. Taiwan's Economic Transformation in Evolutionary Perspective: Entrepreneurship, Innovation Systems and Government*. New York : Nova Publishers, 2007. P. 26.

⁴⁴ IMF. Country Composition of WEO Groups // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April/groups-and-aggregates> (дата обращения: 19.04.2024).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Болдырев Б. Г.* Финансы Китайской Народной Республики. — М. : Госфиниздат, 1953. — 198 с.
2. *Болтинова О. В.* Эволюция бюджетного процесса Российской Федерации в условиях трансформации бюджетного законодательства // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 11. — С. 65–72.
3. *Губайдулин В. М.* Революционная власть в освобожденных районах Китая (1937–1945 гг.) / отв. ред. Л. М. Гудошников. — Новосибирск : Наука, 1981. — 271 с.
4. *Гудошников Л., Кокарев К.* Регламентация местного самоуправления на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. — 1996. — № 3. — С. 50–59.
5. *Кузнецов В. С.* Гоминьдановский режим в Китае (1931–1937 гг.) // Информационный бюллетень. — 1988. — Ч. 2. — 242 с.
6. *Меликсетов А. В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). — М. : Наука, 1977. — 317 с.
7. *Сухарчук Г. Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. Сравнительный анализ. — М. : Наука, 1983. — 227 с.
8. *Тяпкина Н. И.* Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — начало XX в.). — М. : Наука, 1984. — 223 с.
9. *Химичева Н. И., Покачалова Е. В.* Финансовое право : уч.-метод. комплекс / отв. ред. Н. И. Химичева. — М. : Норма, 2005. — 464 с.
10. *Beal E. G.* The Origin of Likin. — Cambridge : Harvard University, 1958. — 201 p.
11. *Chang K. C.* Art, Myth and Ritual. The Path to Political Authority in Ancient China. — Cambridge : Harvard University Press, 1983. — 142 p.
12. *Chang-fa Lo.* The Legal Culture and System of Taiwan. — The Netherlands : Kluwer Law International, 2006. — 241 p.
13. *Cheng-mont Cheng.* Chinese Taipei / Fiscal Deficits in the Pacific Region / by Akira Kohsaka. — London ; New York : Routledge, 2004. — P. 340–357.
14. *Fu-Lai Tony Yu.* Taiwan's Economic Transformation in Evolutionary Perspective: Entrepreneurship, Innovation Systems and Government. — New York : Nova Publishers, 2007. — 282 p.
15. *Hess S.* Authoritarian Landscapes: Popular Mobilization and the Institutional Sources of Resilience in Nondemocracies. — New York : Springer, 2013. — 244 p.
16. *Hsin-Fang Tsai.* Municipal Financial Strategy Responses to Fiscal Austerity: The Case of Taiwan // Value for Money: Budget and financial management reform in the People's Republic of China, Taiwan and Australia / by A. Podger, Tsai-tsu Su, J. Wanna [et al.]. — Acton : Australian National University Press, 2018. — P. 251–276.
17. *Jiunn-rong Yeh.* Evolving Central-local Relations in a Contested Constitutional Democracy: The Case of Taiwan // Central-Local Relations in Asian Constitutional Systems / by A. Harding, M. Sidel. — Oxford ; Portland : Hart Publishing, 2015. — P. 37–56.
18. *Kuo-ting Li.* Evolution of Policy Behind Taiwan's Development Success. — 2nd ed. — Singapore : World Scientific, 1995. — 301 p.
19. *Lü Peng.* A History of China in the 20th Century / trans. by B. Doar. — Singapore: Springer, 2023. — 1734 p.
20. *Milan Tung-Wen Sun.* A Preliminary Assessment of Public Management Reform in Taiwan's Local Government / Comparative Governance Reform in Asia: Democracy, Corruption, and Government Trust / by C. Wescott, B. Bowornwathana. Bingley: Emerald Group Publishing, 2008. — P. 135–154.
21. *Rigger S.* Politics in Taiwan: Voting for Reform. — London : Routledge, 2002. — 240 p.
22. *Roy D.* Taiwan: A Political History. — Ithaca: Cornell University Press, 2003. — 255 p.
23. *Shinichi Ichimura, Roy W. Bahl.* Decentralization Policies in Asian Development. — Hackensack: World Scientific, 2009. — 414 p.

24. *Steve Waicho Tsui*. Taipei, China / Local Government Finance and Bond Markets / by Yun-hwan Kim. — Manila: Asian Development Bank, 2003. — P. 487–520.
25. *The China Year Book : 1925–1926* / by H. G. W. Woodhead. — New York : Brentanos, 1925. — 1349 p.
26. *Tsuey-ping Lee, Clark C.* The Limits of Budget Reform in Taiwan / Comparative Public Budgeting: A Global Perspective / by C. Menifield. — Sudbury : Jones and Bartlett Publishers, 2011. — P. 91–106.
27. *Wei-bin Zhang*. Taiwan's Modernization: Americanization And Modernizing Confucian Manifestations. — Singapore ; New Jersey : World Scientific, 2003. — 224 p.
28. *Yaguang Hao*. Grassroots Governance in Taiwan. — Singapore : Springer, 2023. — 263 p.
29. *Young A. N.* China's Wartime Finance and Inflation. — Cambridge : Harvard University Press, 1965. — 421 p.
30. 江大樹, 張力亞. 地方治理: 變革、創新與實踐 [Цзян Дашу, Чжан Лия. Местное самоуправление: изменения, инновации и практика]. — 元照出版公司, 2016. — 594页.
31. 黃炎東. 新世紀台灣憲政體制與政黨政治發展趨勢 [Хуан Яньдун. Тенденции развития конституционной системы Тайваня и партийной политики в новом столетии]. — 墨文堂文化, 2004. — 596 页.

Материал поступил в редакцию 19 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boldyrev B. G. *Finansy Kitayskoy Narodnoy Respubliki*. — M.: Gosfinizdat, 1953. — 198 s.
2. Boltinova O. V. Evolyutsiya byudzhethnogo protsessa Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh transformatsii byudzhethnogo zakonodatelstva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — T. 18. — № 11. — S. 65–72.
3. Gubaydulin V. M. *Revolutsionnaya vlast v osvobodivshiesya rayonakh Kitaya (1937–1945 gg.)* / otv. red. L. M. Gudoshnikov. — Novosibirsk: Nauka, 1981. — 271 s.
4. Gudoshnikov L. Kokarev K. *Reglamentatsiya mestnogo samoupravleniya na Tayvane* // Problemy Dalnego Vostoka. — 1996. — № 3. — S. 50–59.
5. Kuznetsov V. S. *Gomindanovskiy rezhim v Kitae (1931–1937 gg.)* // Informatsionnyy byulleten. — 1988. — Ch. 2. — 242 s.
6. Meliksetov A. V. *Sotsialno-ekonomicheskaya politika Gomindana v Kitae (1927–1949)*. — M.: Nauka, 1977. — 317 s.
7. Sukharchuk G. D. *Sotsialno-ekonomicheskie vzglyady politicheskikh liderov Kitaya pervoy poloviny XX v. Sravnitelnyy analiz*. — M.: Nauka, 1983. — 227 s.
8. Tyapkina N. I. *Derevnya i krestyanstvo v sotsialno-politicheskoy sisteme Kitaya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)*. — M.: Nauka, 1984. — 223 s.
9. Khimicheva N. I., Pokachalova E. V. *Finansovoe pravo: uch.-metod. kompleks* / otv. red. N. I. Khimicheva. — M.: Norma, 2005. — 464 s.
10. Beal E. G. *The Origin of Likin*. — Cambridge: Harvard University, 1958. — 201 p.
11. Chang K. C. *Art, Myth and Ritual. The Path to Political Authority in Ancient China*. — Cambridge: Harvard University Press, 1983. — 142 p.
12. Chang-fa Lo. *The Legal Culture and System of Taiwan*. — The Netherlands: Kluwer Law International, 2006. — 241 p.
13. Cheng-mont Cheng. *Chinese Taipei / Fiscal Deficits in the Pacific Region* / by Akira Kohsaka. — London; New York: Routledge, 2004. — P. 340–357.
14. Fu-Lai Tony Yu. *Taiwan's Economic Transformation in Evolutionary Perspective: Entrepreneurship, Innovation Systems and Government*. — New York: Nova Publishers, 2007. — 282 p.
15. Hess S. *Authoritarian Landscapes: Popular Mobilization and the Institutional Sources of Resilience in Nondemocracies*. — New York: Springer, 2013. — 244 p.

16. Hsin-Fang Tsai. Municipal Financial Strategy Responses to Fiscal Austerity: The Case of Taiwan // *Value for Money: Budget and financial management reform in the People's Republic of China, Taiwan and Australia* / by A. Podger, Tsai-tsu Su, J. Wanna [et al.]. — Acton: Australian National University Press, 2018. — P. 251–276.
17. Jiunn-rong Yeh. *Evolving Central-local Relations in a Contested Constitutional Democracy: The Case of Taiwan* // *Central-Local Relations in Asian Constitutional Systems* / by A. Harding, M. Sidel. — Oxford; Portland: Hart Publishing, 2015. — P. 37–56.
18. Kuo-ting Li. *Evolution of Policy Behind Taiwan's Development Success*. — 2nd ed. — Singapore: World Scientific, 1995. — 301 p.
19. Lü Peng. *A History of China in the 20th Century* / trans. by B. Doar. — Singapore: Springer, 2023. — 1734 p.
20. Milan Tung-Wen Sun. *A Preliminary Assessment of Public Management Reform in Taiwan's Local Government / Comparative Governance Reform in Asia: Democracy, Corruption, and Government Trust* / by C. Wescott, B. Bowornwathana. Bingley: Emerald Group Publishing, 2008. — P. 135–154.
21. Rigger S. *Politics in Taiwan: Voting for Reform*. — London: Routledge, 2002. — 240 p.
22. Roy D. *Taiwan: A Political History*. — Ithaca: Cornell University Press, 2003. — 255 p.
23. Shinichi Ichimura, Roy W. Bahl. *Decentralization Policies in Asian Development*. — Hackensack: World Scientific, 2009. — 414 p.
24. Steve Waicho Tsui. *Taipei, China / Local Government Finance and Bond Markets* / by Yun-hwan Kim. — Manila: Asian Development Bank, 2003. — P. 487–520.
25. *The China Year Book: 1925–1926* / by H. G. W. Woodhead. — New York: Brentanos, 1925. — 1349 p.
26. Tsuey-ping Lee, Clark C. *The Limits of Budget Reform in Taiwan / Comparative Public Budgeting: A Global Perspective* / by C. Menifield. — Sudbury: Jones and Bartlett Publishers, 2011. — P. 91–106.
27. Wei-bin Zhang. *Taiwan's Modernization: Americanization And Modernizing Confucian Manifestations*. — Singapore; New Jersey: World Scientific, 2003. — 224 p.
28. Yaguang Hao. *Grassroots Governance in Taiwan*. — Singapore: Springer, 2023. — 263 p.
29. Young A. N. *China's Wartime Finance and Inflation*. — Cambridge: Harvard University Press, 1965. — 421 p.
30. 江大樹, 張力亞. 地方治理: 變革、創新與實踐 [Tszyan Dashu, Chzhan Liya. *Mestnoe samoupravlenie: izmeneniya, innovatsii i praktika*]. — 元照出版公司, 2016. — 594 页.
31. 黃炎東. 新世紀台灣憲政體制與政黨政治發展趨勢 [Khuan Yandun. *Tendentsii razvitiya konstitutsionnoy sistemy Tayvanya i partiynoy politiki v novom stoletii*]. — 墨文堂文化, 2004. — 596 页.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.065-072

А. А. Ситник*

Объекты валютных правоотношений в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств

Аннотация. В статье анализируется процесс расширения перечня объектов валютных правоотношений, связанный в том числе с проводимой Российской Федерацией политикой противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны США и примкнувших к ним недружественных государств и международных организаций. Автором анализируется категория «валютные ценности». Делается вывод о том, что ее появление в валютном законодательстве обуславливается юридико-техническими причинами: использование термина «валютные ценности» позволяет сделать текст документа более лаконичным, исключив ненужное перечисление объектов валютных правоотношений. Отмечается, что текущая концепция отнесения объектов валютных правоотношений к валютным ценностям приводит к скрытому обесцениванию национальной валюты Российской Федерации. Подчеркивается, что признание цифровых финансовых активов и основанных на них гибридных цифровых прав объектами валютных правоотношений размывает грань между указанными цифровыми правами и цифровой валютой. При этом в рамках валютных отношений цифровые финансовые активы следует рассматривать в большей степени как аналог ценных бумаг, чем как валюту. Причина, по которой цифровые финансовые активы признаются объектом валютных правоотношений, а цифровые валюты — нет, заключается в том, что у последних отсутствует обязанное по ним лицо. Прогнозируется, что в связи с имеющимся запросом и при условии принятия необходимой нормативной базы цифровые валюты могут стать объектом валютных правоотношений и ограниченно использоваться для проведения трансграничных расчетов.

Ключевые слова: валютные ценности; цифровые права; цифровые финансовые активы; цифровая валюта; криптовалюта; внешнеэкономическая деятельность; расчеты; валютное регулирование; валютный контроль; объекты валютных правоотношений.

Для цитирования: Ситник А. А. Объекты валютных правоотношений в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 65–72. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.065-072.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

© Ситник А. А., 2024

* Ситник Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aasitnik@msal.ru

Objects of Currency Legal Relationships in the context of Countering Restrictive Measures Imposed by Unfriendly States

Alexander A. Sitnik, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aasitnik@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the process of expanding the list of objects of currency legal relations, including related to the policy pursued by the Russian Federation to counter restrictive measures imposed by the United States and unfriendly states and international organizations that have joined them. The author analyzes the category of «currency values». The author concludes that the category of currency values appeared due to legal and technical reasons: the use of the term «currency values» makes it possible to make the text of the document more concise, eliminating unnecessary enumeration of objects of currency legal relations. The author highlights that the current concept of attributing objects of currency legal relations to currency values leads to a hidden depreciation of the national currency of the Russian Federation. It is emphasized that the recognition of digital financial assets and hybrid digital rights based on them as objects of currency legal relations blurs the line between these digital rights and digital currency. At the same time, within the framework of currency relations, digital financial assets should be considered as an analogue of securities rather than as a currency. The reason why digital financial assets are recognized as an object of currency legal relations, but digital currencies are not, is that the latter do not have a person bound by them. The prognosis is made that due to the existing request and subject to the adoption of the necessary regulatory framework, digital currencies may become the object of currency legal relations and be used to a limited extent for cross-border settlements.

Keywords: currency values; digital rights; digital financial assets; digital currency; cryptocurrency; foreign economic activity; settlements; currency regulation; currency control; objects of currency legal relations.

Cite as: Sitnik AA. Objects of Currency Legal Relationships in the context of Countering Restrictive Measures Imposed by Unfriendly States. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):65-72. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.065-072.

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number: 1022040700002-6-5.5.1.

В целях подрыва финансового суверенитета Российской Федерации, начиная с февраля 2022 г., со стороны США и примкнувших к ним недружественных стран и международных организаций были приняты ограничительные меры, затрудняющие или полностью исключающие проведение платежей российских лиц как непосредственно на территории России, так и трансграничных переводов в рамках внешне-экономических отношений. В частности, шесть системно значимых банков были отключены от международной системы передачи финансовых сообщений SWIFT, ряду российских кредитных организаций было отказано в доступе к амери-

канской системе обработки платежей в долларах США, а 20 кредитных организаций включили в перечень SDN, что повлекло за собой замораживание их активов в недружественных странах. Заморожены также золотовалютные резервы Российской Федерации, введены ограничения по обслуживанию государственного внешнего долга в долларах США, установлен запрет на поставку в нашу страну наличных долларов и евро, а операторы ряда платежных систем (в частности, VISA и MasterCard) и поставщики платежных приложений (ApplePay, GooglePay и SamsungPay) прекратили свою деятельность в России и т.д. Многие иностранные банки начали

отказываться от обслуживания российских клиентов, что значительным образом затруднило проведение ими платежей¹.

Перечисленные меры направлены на изоляцию России в международном платежном пространстве, что, по мысли авторов перечисленных ограничений, должно подорвать отечественную экономику. Невозможность проведения платежей автоматически означает невозможность обслуживания имеющегося государственного и корпоративного долга, привлечения новых заемных средств, приобретения важных для российских предприятий товаров, работ, услуг и результатов интеллектуальной деятельности. Не следует списывать со счетов и репутационный фактор — соответствующие запреты направлены на подрыв доверия к российским контрагентам и создание впечатления слабости российской экономики. Решение же возникших проблем в платежной сфере играет на руку российской власти, показывая ее способность эффективно справляться с острыми кризисными ситуациями, тем самым демонстрируя превосходство над недружественными странами.

Следует признать, что страны коллективного Запада если и не обладают монополией на рынке международных платежных технологий, то занимают подавляющую часть данного рынка. Таким образом, это ставит две основные задачи: во-первых, нивелировать проблемы в рамках «стандартных» технологических решений и, во-вторых, развивать альтернативные платежные технологии, в отношении которых недружественные страны еще не закрепили свой приоритет.

Первое направление связано с созданием отечественного аналога SWIFT — Системы передачи финансовых сообщений, развитием национальных платежных инструментов (в частности, платежных карт «МИР»), установлением прямых корреспондентских отношений с банками дру-

жественных стран, а также переходом на расчеты в национальных валютах с контрагентами из соответствующих государств.

Второе направление является более сложным, но именно реализация инновационных проектов в сфере расчетов обещает наибольшие выгоды — это дает возможность выйти за пределы существующей парадигмы, обеспечить независимость от западных платежных институтов, а также рождает потенциал для последующего экспорта российских платежных технологий.

В целях расширения возможностей по осуществлению расчетов для субъектов внешнеэкономических отношений Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее — Закон № 259-ФЗ) и Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»³ (далее — Закон № 173-ФЗ) были дополнены нормами, разрешающими использовать ряд цифровых прав в качестве средства платежа⁴. Указанные правила касаются цифровых финансовых активов (ЦФА) и так называемых гибридных цифровых прав, которые сочетают свойства ЦФА и утилитарных цифровых прав.

По общему правилу, закрепленному в ч. 10 ст. 4 Закона № 259-ФЗ, ЦФА запрещено использовать в качестве средства платежа или встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги, а также иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровым финансовым активом товаров (работ, услуг). Вместе с тем часть 11 указанной статьи теперь разрешает использовать ЦФА в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам (контрактам), заключенным между резидентами и нерезидентами, которые предусматривают передачу товаров, выполнение работ, оказание услуг,

¹ См. подробнее: Право в условиях санкций : монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2023. С. 239–256.

² СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

³ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

⁴ Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 12. Ст. 1569.

передачу информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них.

В свою очередь, Закон № 173-ФЗ выделяет цифровые права, которые относятся к валютным ценностям, и цифровые права, не являющиеся таковыми. Здесь можно сказать, что цифровые права следуют за своим базовым активом: если они выражают денежные требования в иностранной валюте, возможность осуществления прав по внешним эмиссионным ценным бумагам и (или) право требовать передачи внешних эмиссионных ценных бумаг, т.е. активов, являющихся валютными ценностями, то и производные от них цифровые права становятся валютными ценностями. В то же время следует обратить внимание на не вполне корректное новое определение валютных ценностей в п. 5 ч. 1 ст. 1 Закона № 173-ФЗ; в нем содержится логическая ошибка: валютными ценностями признаются в том числе цифровые права, являющиеся валютными ценностями, таким образом, определение дано через определяемое словосочетание.

Термин «валютные ценности» сам по себе не вполне удачен, поскольку содержит скрытую тавтологию. Так, слово «валюта» происходит от итальянского *valuta* — «стоимость», которое находит корень в латинском слове *valeo* — «стою». В свою очередь, согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова одно из значений слова «ценность» — стоимость⁵.

Рассматриваемый термин употребляется в отечественных нормативных правовых актах уже более 100 лет. При этом, например, в Де-

крете СНК РСФСР от 19.09.1921 «О приписных кассах Народного комиссариата финансов при заграничных представительствах Народного комиссариата внешней торговли»⁶ понятия «ценности» и «валюта» разграничивались. В указанном документе состав ценностей, однако, не раскрывался. Между тем статья 54 ГК РСФСР 1922 г. в числе предметов частной собственности называла «деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотую и серебряную монеты и иностранную валюту»⁷. Словосочетание «валютные ценности» употребляется в ст. 9 Декрета СНК РСФСР от 06.07.1922 «О государственном страховании»⁸, однако пояснения о том, что входило в данную категорию, документ не содержал. Впервые полноценно термин был закреплён в Декрете ВЦИК, СНК РСФСР от 19.04.1923 «О порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей»⁹, исходя из толкования ст. 1 которого к валютным ценностям относились иностранная валюта, переводы, векселя и чеки, выписанные в иностранной валюте, благородные металлы в слитках и изделиях и драгоценные камни. Для целей обеспечения предусмотренных в данном Декрете правил постановлением ВЦИК от 10.07.1923¹⁰ в ст. 97 УК РСФСР 1922 г. были внесены изменения, установившие ответственность за «нарушение законов и обязательных постановлений о вывозе за границу и ввозе из-за границы товаров и валютных ценностей».

Параллельно с этим в правовом поле появляется близкий термин — «фондовые ценности». Так, в ст. 24 ГК РСФСР 1922 г. содержалось упо-

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1986. С. 759.

⁶ СУ РСФСР. 1921. № 67. Ст. 523.

⁷ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

⁸ СУ РСФСР. 1922. № 44. Ст. 536.

В соответствии со ст. 9 данного Декрета свободные денежные средства, в том числе в основной капитал [так в оригинале] государственного страхования, должны находиться на текущем счету Главного управления государственного страхования и его местных органов в государственном банке, его конторах и отделениях, а также могут быть с разрешения Народного комиссара финансов помещаемы в другие банки и обращаемы в валютные ценности.

⁹ СУ РСФСР. 1923. № 32. Ст. 360.

¹⁰ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 48. Ст. 479.

минание об «иностранных фондовых ценностях (акциях, облигациях, купонах к ним и т.п.)». Более четко валютные и фондовые ценности были разграничены в постановлении ЦИК СССР, СНК СССР от 17.07.1925¹¹, согласно которому:

— к фондовым ценностям относились допущенные к обращению в Союзе ССР государственные и частные бумаги, в том числе иностранные;

— валютными ценностями являлись золото и серебро в слитках, иностранная валюта и выписанные в иностранной валюте чеки, векселя и другие платежные документы.

В дальнейшем указанные термины зачастую использовались в связке, неотрывно друг от друга¹². Несмотря на то что термин «фондовые ценности» до сих пор используется в различного рода классификациях экономической деятельности¹³, в целом можно сделать вывод, что он утратил свое прежнее значение и по большей части был поглощен понятием «валютные ценности».

В дальнейшем состав валютных ценностей претерпел изменения. Например, постановлением СНК СССР от 29.05.1928¹⁴ в них включили жемчуг, а также изделия из него. Особо огова-

ривалось, что к валютным ценностям относятся также золотая и серебряная монета дореволюционной чеканки.

Анализируемый термин сохранялся и в период полной государственной валютной монополии, в первую очередь для целей уголовного законодательства, устанавливавшего ответственность за спекуляцию валютой и валютными ценностями.

С переходом на рыночные рельсы возникает потребность в валютном законодательстве, обеспечивающем реализацию прав резидентов и нерезидентов на объекты валютных правоотношений. Закон СССР от 01.03.1991 № 1982-1 «О валютном регулировании»¹⁵, а затем и заменивший его Закон РФ от 09.10.1992 № 3615-1 «О валютном регулировании и валютном контроле»¹⁶ выделяли четыре группы объектов, относившихся к валютным ценностям:

- иностранную валюту;
- ценные бумаги в иностранной валюте;
- драгоценные металлы¹⁷;
- природные драгоценные камни¹⁸.

В последующем драгоценные металлы и драгоценные камни были исключены из состава валютных ценностей, поскольку, как отмечает

¹¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17.07.1925 «О торговле фондовыми и валютными ценностями» // СЗ СССР. 1925. № 45. Ст. 330.

¹² Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23.01.1930 «Об изменении таможенного кодекса Союза ССР» // СЗ СССР. 1930. № 4. Ст. 45 ; постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 26.01.1930 «Об ответственности за нарушение правил о вывозе, ввозе, пересылке и переводе за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей» // СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 103 ; постановление СНК СССР от 06.02.1930 «Об организации при Государственном банке Союза ССР котирующих комиссий» // СЗ СССР. 1930. № 10. Ст. 125.

¹³ См., например: ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) ; приказ Генпрокуратуры России от 09.12.2022 № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре».

¹⁴ Постановление СНК СССР от 29.05.1928 «О порядке реализации невостребованных от органов Народного комиссариата почт и телеграфов почтовых отправок и конфискованных недозволенных вложений в почтовых отправлениях» // СЗ СССР. 1928. № 35. Ст. 323.

¹⁵ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 12. Ст. 316.

¹⁶ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 45. Ст. 2542.

¹⁷ Золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий) в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий, а также лома таких изделий.

¹⁸ Алмазы, рубины, изумруды, сапфиры и александриты в сыром и обработанном виде, а также жемчуг, за исключением ювелирных и других бытовых изделий из этих камней и лома таких изделий.

Н. М. Артемов, они «в условиях рыночных отношений стали всё больше приобретать свойства товара, в связи с чем отношение к ним как к валютным ценностям, требующим валютного регулирования, утратило свою актуальность»¹⁹. Соответствующий шаг позволил снять валютные ограничения с операций с драгоценными металлами и камнями, повысив, таким образом, их ликвидность. Кроме того, он в целом находится в логике процесса демонетизации драгоценных металлов. В то же время, по замечанию И. В. Хаменушко, «демонетизацию золота и серебра, вероятно, преждевременно считать окончательным явлением»²⁰. Автор, анализируя мировой финансовый кризис 2008 г., делает вывод о негативных последствиях бесконтрольной эмиссии денег для мировой денежной системы и указывает на перспективу возврата к деньгам, «количество которых будет механически ограничено каким-либо товарным “якорем” (“обеспечением”) — золотом, нефтью или чем-то подобным»²¹. Последние геополитические события и связанные с ними тенденции по формированию новой международной финансовой системы в полной мере подтверждают справедливость данной позиции.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что валютные ценности — это собирательное понятие, объединяющее несколько разрозненных объектов правового регулирования. Его введение в оборот носит чисто утилитарные цели, поскольку позволяет сделать текст документа более лаконичным, исключив ненужное перечисление соответствующих объектов. Таким образом, появление термина «валютные ценности» обуславливается потребностями юридической техники.

Следует обратить внимание еще на один скрытый недостаток валютных ценностей. Словом «ценность» обозначаются объекты, которые имеют важность, значимость, высокую стоимость. Получается, что всё, что не включается в

понятие «валютные ценности», а это, например, национальная валюта и внутренние ценные бумаги, подспудно воспринимается как нечто, что ценности не имеет.

В контексте обозначенной проблемы можно привести опыт Республики Беларусь. В силу общего исторического прошлого валютное законодательство данного государства восприняло модель, заложенную в последние годы существования СССР, в связи с чем во многом соответствует российскому валютному законодательству. Вместе с тем белорусский законодатель предложил иной подход к определению валютных ценностей. Основным нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере является Закон РБ от 22.07.2003 № 226-З «О валютном регулировании и валютном контроле», согласно п. 1.4 ст. 1 которого к валютным ценностям, помимо иностранной валюты и ценных бумаг, номинированных в ней, также относятся белорусские рубли, ценные бумаги в белорусских рублях в случае проведения с ними валютных операций между резидентами и нерезидентами, между нерезидентами, а также в случае их ввоза, пересылки в Республику Беларусь или вывоза, пересылки из Республики Беларусь. Таким образом, в Беларуси термин «валютные ценности» показывает вовлеченность соответствующих объектов в отношения, сопряженные с иностранным элементом.

Полагаем, что в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств, когда Российская Федерация борется за расширение практики проведения внешнеэкономических расчетов в национальных валютах и признание российского рубля в качестве значимого инструмента для международных трансакций, необходимо либо изменить подход к определению валютных ценностей, либо полностью отказаться от данного устаревшего термина. Это позволит избежать скрытого обесценива-

¹⁹ Артемов Н. М. Валютное регулирование в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 280.

²⁰ Хаменушко И. В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность : учеб.-практ. пособие. М. : Норма, 2013.

²¹ Хаменушко И. В. Указ. соч. С. 30.

ния национальной валюты и внутренних ценных бумаг в российском валютном законодательстве. Подобный шаг, безусловно, будет иметь чисто символическое значение (и на сегодняшний день точно не относится к числу первоочередных), однако можно выразить надежду, что он позволит заложить основу для принципиально нового подхода к восприятию российского рубля и его перспектив на международной арене.

Проведенный анализ позволяет заключить, что состав валютных ценностей и в целом объектов валютных правоотношений на каждом историческом этапе зависит от многих факторов: вида экономической системы, потребностей государства в валютных ресурсах, политической обстановки (в частности, проводимой политики по противодействию ограничительным мерам, принятым со стороны недружественных стран и международных организаций) и т.д.

Немаловажным фактором, влияющим на расширение состава объектов валютных правоотношений, стала цифровизация, которая привела к появлению электронных денежных средств, цифровых финансовых активов, цифровых валют и цифрового рубля. Так, несмотря на то, что электронные денежные средства не упоминаются в ст. 1 Закона № 173-ФЗ, на основании ч. 24 ст. 7 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» на переводы, проводимые с указанными инструментами, распространяются требования валютного законодательства. Отсутствует в ст. 1 Закона № 173-ФЗ и отдельное упоминание и о цифровых рублях, поскольку они включаются в категорию «средства на банковских счетах и в банковских вкладах». Таким образом, состав объектов валютных правоотношений шире, чем это может показаться на первый взгляд.

Следует отметить, что признание ЦФА и основанных на них гибридных цифровых прав объектами валютных правоотношений размыкает грань между указанными цифровыми правами и цифровой валютой. При этом согласно определению, закрепленному в ч. 3 ст. 1 Закона № 259-ФЗ, цифровые валюты могут приниматься в качестве средства платежа, но на основании ч. 5 ст. 14 данного Закона российские юри-

дические лица и физические лица-резиденты не могут принимать или предлагать цифровые валюты в качестве встречного предоставления. В противоположность этому в определении ЦФА отсутствует указание на возможность их использования в качестве средства платежа (более того, изначально их в таком качестве и не предполагалось использовать), но такая возможность, как уже указано выше, предусмотрена.

В то же время в рамках валютных отношений ЦФА следует рассматривать в большей степени как аналог ценных бумаг, нежели как валюту. Как отмечалось выше, цифровые финансовые активы могут выражать денежные требования, например по выплате процентов, получению части прибыли и т.д. Кроме того, цифровые финансовые активы могут предоставлять их владельцам право на осуществление прав по другим ценным бумагам. В данном случае цифровые финансовые активы, по сути, становятся цифровым выражением ценной бумаги. Главное, что записи о возникновении или переходе права по цифровым финансовым активам отражаются в особой информационной системе. Цифровые финансовые активы также могут выражать право участия в капитале непубличного акционерного общества, т.е. являются аналогами акций.

Причина, по которой ЦФА признаются объектом валютных правоотношений, а цифровые валюты — нет, заключается в том, что у последних отсутствует обязанное по ним лицо. В отношении ЦФА, напротив, известны как непосредственно лицо, выпускающее цифровые финансовые активы, так и профессиональные участники финансового рынка, опосредующие их обращение. Следовательно, обладатели цифровых финансовых активов наделены большим объемом гарантий защиты своих прав и законных интересов, нежели обладатели цифровых валют (криптовалют).

Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что на сегодня законодательство не допускает использование цифровых валют для расчетов по внешнеэкономическим контрактам. Тем не менее имеются свидетельства того, что российские лица прибегают к платежам в

криптовалюте для обхода ограничительных мер, наложенных США и иными недружественными государствами²².

В конце февраля 2024 г. FATF снизила рейтинг России по показателю «методы контроля и противодействия подозрительным операциям с виртуальными активами» до уровня «частично соответствует» в связи с недостаточным регулированием криптовалют²³. Это еще раз указывает на необходимость принятия закона, который более детально регламентировал бы вопросы оборота цифровых валют (криптовалют) на территории России.

Полагаем, что имеющийся запрос у субъектов внешнеэкономической деятельности рано или поздно приведет к легализации расчетов между резидентами и нерезидентами в цифровых (крипто-) валютах. В то же время это будет возможно только при условии обеспечения контроля (в первую очередь валютного контроля и финансового мониторинга) за соответствующими операциями. Цифровые (крипто-) валюты могут выступать в качестве эффективного инструмента для противодействия ограничительным мерам со стороны недружественных государств, но они же могут служить средством вывода капитала из России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемов Н. М.* Валютное регулирование в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 347 с.
2. *Право в условиях санкций : монография / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова.* — М. : Проспект, 2023. — 464 с.
3. *Хаменушко И. В.* Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность : учеб.-практ. пособие. — М. : Норма, 2013. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemov N. M. Valyutnoe regulirovanie v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2002. — 347 s.
2. Pravo v usloviyakh sanktsiy: monografiya / pod obshch. red. M. V. Mazhorinoy, B. A. Shakhnazarova. — M.: Prospekt, 2023. — 464 s.
3. Khamenushko I. V. Valyutnoe regulirovanie v Rossiyskoy Federatsii: pravila, kontrol, otvetstvennost: ucheb.-prakt. posobie. — M.: Norma, 2013. — 352 s.

²² Inside the Russian Shadow Trade for Weapons Parts, Fueled by Crypto // URL: https://www.wsj.com/finance/currencies/crypto-fuels-russian-shadow-trade-for-weapons-parts-1bfdc1a1?mod=hp_listb_pos3 (дата обращения: 02.04.2024).

²³ России понизили рейтинг FATF из-за недостатков в регулировании криптовалют // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2024/02/28/1022646-Rossii-ponizili-reiting-fatf> (дата обращения: 02.04.2024).

Правовая природа договора выкупного лизинга: вопросы применения заемной конструкции и судебного толкования

Аннотация. Сущностно-субстанциональный подход к субинституту выкупного лизинга в гражданском праве заключается в изучении сущности данного договора аренды через его особенности и существенные условия. Сущностью первого порядка являются особенности самого договора аренды, а сущностью второго порядка — рассмотрение выкупного лизинга как подынститута. Такой методологический подход позволяет определить место рассматриваемого договора в гражданском обороте. Утверждается, что исследование договора выкупного лизинга через его сущность является самым эффективным методом изучения договора аренды в системе гражданско-правовых договоров. На примере судебной практики выявлены особенности договора лизинга и причины его непопулярности в России. Установлено, что судебная практика идет по пути приравнивания лизинга к кредитным и заемным правоотношениям. Данная позиция судов авторами оспаривается. Разграничиваются заемные и лизинговые правоотношения, что, по мнению авторов, позволит избежать судебных ошибок при определении правовой природы выкупного лизинга. Обосновано, что выкупной лизинг является разновидностью договора аренды, а не договора займа или кредита. В кредитном договоре собственником предмета договора всегда становится заемщик, а в договоре лизинга статус собственника имущества до окончания договора сохраняется за лизингодателем. Доказано, что применение толкования *contra legem* негативно сказывается на развитии договорного права, в частности лизинговых правоотношений.

Ключевые слова: финансовая аренда; лизинг; договор выкупного лизинга; инвестиции; договор аренды; договор займа; кредитный договор; потребительский кредит; ипотечный кредит; товарный кредит; коммерческий кредит; кредит для бизнеса; заемные правоотношения; лизинговые правоотношения.

© Иншакова А. О., Квициния Н. В., 2024

* *Иншакова Агнесса Олеговна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Волгоградского государственного университета

Университетский пр-т, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062
ainshakova@list.ru

** *Квициния Наталья Вячеславовна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН) Волгоградского государственного университета
Университетский пр-т, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062
maksim20777@yandex.ru

Для цитирования: Иншакова А. О., Квициния Н. В. Правовая природа договора выкупного лизинга: вопросы применения заемной конструкции и судебного толкования // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 73–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.073-085.

The Legal Nature of the Lease Purchase Agreement: Issues of Application of the Loan Structure and Judicial Interpretation

Agnessa O. Inshakova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
ainshakova@list.ru

Natalia V. Kvitsinia, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and International Private Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
maksim20777@yandex.ru

Abstract. The essential-substantive approach to the substitute of the lease purchase in civil law is to study the essence of this lease agreement through its features and essential conditions. The essence of the first order is the specifics of the lease agreement itself, and the essence of the second order is the consideration of lease purchase as a substitute. This methodological approach makes it possible to determine the place of the contract in question in civil circulation. It is argued that the study of the lease purchase agreement through its essence is the most effective method of studying a lease agreement in the system of civil law contracts. Using the example of judicial practice, the features of the leasing agreement and the reasons for its unpopularity in Russia are revealed. It has been established that judicial practice follows the path of equating leasing with credit and loan relations. This position of the courts is disputed by the authors. Legal relations under loan and leasing are distinguished, which, according to the authors, will avoid judicial errors in determining the legal nature of the lease purchase. It is proved that the lease purchase is a type of lease agreement, and not a loan or loan agreement. In a loan agreement, the borrower always becomes the owner of the subject of the agreement, and in a leasing agreement, the title of the owner of the property remains with the lessor until the end of the agreement. It is proved that the application of the interpretation of *contra legem* has a negative impact on the development of contract law, in particular leasing legal relations.

Keywords: financial lease; leasing; lease purchase agreement; investments; lease agreement; loan agreement; consumer loan; mortgage loan; commodity loan; commercial loan; business loan; loan legal relations; leasing legal relations.

Cite as: Inshakova AO, Kvitsinia NV. The Legal Nature of the Lease Purchase Agreement: Issues of Application of the Loan Structure and Judicial Interpretation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):73-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.073-085.

Введение

Осуществляя хозяйственную деятельность, многие компании прибегают к кредитованию. Между тем сегодня имеется удобная альтернатива привлечения средств — лизинг.

История лизинга начинается в 2000-х гг. до н. э., когда племена шумеров арендовали

предметы обихода. Позже римляне разработали свод правил, относящихся к аренде движимого и недвижимого имущества. Современная концепция лизинга появилась в 1877 г. После холодной войны Американские авиалинии арендовали реактивные двигатели для самолетов и вертолетов, в связи с чем спрос на лизинг многократно вырос.

Невозможно однозначно определить положительное влияние лизинговых операций на экономику. В то же время нельзя и утверждать обратное, поскольку лизинг имеет как неоспоримые преимущества, так и недостатки. Основным плюсом лизинга является то, что по договору лизинга отсутствует необходимость в обеспечении залога, а главным недостатком является довольно высокая стоимость даже в сравнении с кредитами.

Обязательными условиями договора лизинга являются:

- 1) субъектный состав (договор должен содержать сведения о лицах, которые выступают в качестве лизингодателя, лизингополучателя и продавца предмета лизинга);
- 2) предмет лизинга;
- 3) права и обязанности каждого из трех вышеуказанных субъектов сделки;
- 4) ответственность сторон;
- 5) порядок, размер и сроки уплаты лизинговых платежей;
- 6) условие о выкупе предмета лизинга (если таковое предусмотрено);
- 7) условие о страховании (кто является страхователем и выгодополучателем, а также период страхования).

В соответствии со ст. 665 ГК РФ¹ договор лизинга является двусторонней сделкой, однако любая из сторон (в зависимости от их договоренности) имеет право выбора конкретного продавца, у которого будет приобретен предмет лизинга. В связи с этим мы считаем, что в данном соглашении необходимо указывать и данные о продавце (изготовителе) предмета лизинга.

В настоящее время на рынке имеется большое количество компаний, которые занимаются исключительно лизинговыми операциями. Они имеют различную форму, создаются в виде корпораций, объединений предприятий, финансовых и промышленных групп, но имеют одну цель — обеспечить производственные и торго-

вые предприятия необходимым для процесса производства оборудованием и техникой.

Лизинг — это способ приобретения оборудования, техники или другого имущества без необходимости предварительной оплаты всей суммы.

Ассортимент предметов лизинга стремительно расширяется: от офисных компьютеров или служебных автомобилей до специализированной техники. Отчасти это связано с тем, что количество компаний, предоставляющих эту услугу, быстро растет. Эту услугу предлагают не только большинство банков и ряд специализированных финансовых организаций, но и всё большее число производителей оборудования. Сегодня лизинговые сделки наиболее распространены в сельскохозяйственной, строительной и дорожной сфере, также в авиации, в нефтяной и газовой промышленности.

Аренда считается именно финансовой арендой, если лизингодатель намерен возместить свои капитальные затраты плюс требуемую норму прибыли на денежные средства в течение срока аренды. При этом предполагается, что арендатор будет оплачивать содержание и техническое обслуживание объекта. Существенным моментом данного вида договора аренды является то, что он содержит условие, при котором арендодатель соглашается передать право собственности на имущество в конце срока аренды по номинальной стоимости.

Прямого определения дефиниции «договор выкупного лизинга» законодательство РФ не содержит. Несмотря на то что нормативно-правовая база, регулирующая договор лизинга, достаточно обширна — от Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» до общих положений ГК РФ (ст. 665–670), — суды приравнивают лизинговые правоотношения к кредитным и заемным. Д. А. Иванов считает, что именно нормы ГК РФ имеют приоритет над другими федеральными законами при регулировании лизинговых правоотношений². Однако ранее автор при-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² Иванов Д. А. О противоречиях законодательства о лизинге в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 93–95.

держивался противоположной точки зрения и отдавал верховенство при решении вопросов лизинга Федеральному закону № 164-ФЗ³.

Заемная конструкция в кредитном договоре

По смыслу ст. 819 ГК РФ под кредитным договором понимается договор, по которому кредитор предоставляет заемщику денежные средства (кредит), а заемщик обязуется возвратить на условиях договора кредит кредитору, а также произвести оплату процентов и иных платежей, предусмотренных договором.

Из указанного определения можно сделать вывод о том, что законодатель понимает под кредитом исключительно денежные средства. То есть по кредитному договору не могут быть переданы вещи, здания, товар или услуги (единственным исключением является товарный кредит, который в России не распространен). Помимо этого, законодатель подчеркивает, что оплата процентов также является неотъемлемой частью кредита.

В случае отсутствия условия о выплате процентов по кредитному договору данный договор, по существу, будет разновидностью займа. При этом предоставление кредита предполагает, что у кредитора — финансовой организации, банка — имеется лицензия на право предоставления кредита. Таким образом, как верно подчеркивает Е. Е. Богданова, «передача денег от одного юридического лица (кредитора) другому юридическому лицу под проценты является договором займа, в случае если у кредитора отсутствует специальная лицензия»⁴. Таким образом, одним из различий кредитного договора

и займа является субъектный состав. В кредитном договоре кредитором выступает банк или финансовая организация, которая имеет соответствующую лицензию, выданную Центральным банком России.

Не менее интересно, что законодатель включает в понятие кредитного договора выплату заемщиком неких иных платежей, которые могут быть связаны как с выдачей кредита, так и с иными условиями. При этом норма ст. 819 ГК РФ не уточняет, о каких именно платежах идет речь.

«Иные платежи» появились в ст. 819 ГК РФ лишь в 2017 г. в связи с принятием поправок к ГК РФ. Первоначальный законопроект № 47538-6/10 понимал под «иными платежами» любые комиссии, взимаемые банком (включая комиссию за открытие кредитной линии)⁵. Тем самым законодатель позволил банку выходить за пределы условий, связанных исключительно с кредитом. То есть у банка появилось право включать в кредитный договор всевозможные обязанности по оплате тех или иных комиссий.

Следует отметить, что часть 1 ст. 819 ГК РФ выделяет один из видов кредитного договора, связанный с тем, что заемщиком является гражданин РФ. При этом речь идет о гражданине, который берет кредит не в целях предпринимательской деятельности. Законодатель уточняет, что речь идет о потребительском кредите, при котором не допускается залог. По мнению А. П. Сергеева, «фактически законодатель выделяет несколько видов кредитов для потребителей: потребительский (без залога имущества) и ипотечный»⁶.

Более точным представляется мнение А. Л. Кайля, который указывает на то, что «ипотечный кредит, по существу, представляет собой

³ Эриашвили Н. Д., Иванов Д. А. Проблемы правового регулирования лизинга в Российской Федерации // Образование и право. 2017. № 11. С. 73–77.

⁴ Богданова Е. Е., Богданов Д. Е., Василевская Л. Ю. Гражданское право : учебник : в 2 т. М. : Проспект, 2020. Т. 2. С. 148.

⁵ Проект федерального закона № 47538-6/10 «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен Президентом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2020. Т. 1. С. 40.

отдельный вид договора, который включает в себя залог имущества»⁷.

Между тем законодатель не уточняет, вправе ли взять потребительский кредит не только гражданин, но и иностранное лицо.

Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О потребительском кредите (займе)»⁸ конкретизирует, что потребительский кредит может быть выдан любому физическому лицу (ст. 1). То есть речь идет не только о гражданах РФ, но и об иных категориях физических лиц.

Остается актуальным вопрос и о том, каким образом банк может выяснить цели (истинные мотивы) получения кредита у потенциального заемщика. Законодатель об этом не упоминает. По всей видимости, законодатель руководствовался тем, что потребительский кредит, как правило, не превышает 1 млн руб., т.е. банк не несет существенных рисков при нецелевом использовании денежных средств. В то же время кредит для бизнеса может составлять до 100 млн руб. (а иногда и более), т.е. риски при нецелевом использовании существенно выше.

Необходимо также отметить, что кредитный договор в силу прямого указания в ст. 820 ГК РФ не может быть заключен в устной форме. Отсутствие письменной формы влечет недействительность договора. То есть, если, например, банк при устном договоре обратится в суд с иском о взыскании с должника суммы долга, суд откажет ему в удовлетворении иска. При этом необходимость во встречном иске должника о признании договора ничтожным в данном случае отсутствует.

Помимо потребительского и ипотечного кредитов, законодатель выделяет еще несколько видов кредитных договоров:

1) товарный кредит — кредитор обязуется предоставить конкретный товар, определяемый родовыми признаками (ст. 822 ГК РФ);

2) коммерческий кредит (кредит для бизнеса).

Резюмируя, можно сделать ряд выводов.

Кредитный договор — это соглашение, по которому заемщик получает денежный заем от кредитора (банка или финансовой организации, которая имеет лицензию) под проценты и на условиях, которые закреплены в договоре. Кредитный договор является разновидностью договора займа. Характерными чертами кредитного договора выступают: срочность, возмездность, целевой характер, обязанность должника уплатить проценты, размер которых установлен соглашением сторон. Для кредитного договора обязательна письменная форма заключения (ст. 820 ГК РФ). Выделяются следующие виды кредитного договора: потребительский, ипотечный, товарный и коммерческий.

Применение заемной концепции к регулированию лизинговых отношений в судебной практике

Полагаем, полезным будет обратить внимание на два сходных дела, рассмотренных отечественными арбитражными судами, в которых судьями были даны весьма «своеобразные» оценки лизинговым правоотношениям.

Первое дело дошло до Верховного Суда РФ (определение ВС РФ от 02.02.2023 по делу № 305-ЭС22-17428⁹). Лизинговая компания (ООО «Регион Групп Лизинг») предоставила финансирование индивидуальному предпринимателю Ю. Н. Агееву путем закупки для него автотранспортного средства (автобуса) для предпринимательской деятельности по пассажирским перевозкам. Цена предмета лизинга составила чуть менее 4,9 млн руб., при этом с января 2019 г. по сентябрь 2021 г. лизингополучатель выплатил лизинговые платежи на сумму более 5 млн 337 тыс. руб. при их общем разме-

⁷ Кайль А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СПС «Гарант», 2020. С. 133.

⁸ СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

⁹ URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/00b9b0f1-2d39-4afa-afec-aecf8a612b1e/2c21b905-8b9c-487e-ab1d40c7db4b07d85/A40-235540-2021_20230202_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

ре за весь срок действия договора 6 144 404 руб. 70 коп.

Нижестоящими судами было установлено, что лизингополучателем были допущены нарушения договора лизинга, а именно период просрочки платежей составил более 3 месяцев, а сумма неисполненных обязательств превышала 5 % от стоимости предмета лизинга.

Согласно ст. 665 ГК РФ и ст. 11 Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ¹⁰ собственником приобретаемого по договору лизинга имущества является лизингодатель, который передает это имущество в аренду лизингополучателю. При этом статья 665 ГК РФ содержит бланкетную отсылку к Федеральному закону № 164-ФЗ, указывая, что именно этим законом регулируются все особенности финансовой аренды (лизинга) на территории России. Кроме того, договор лизинга может быть выкупным и невыкупным, т.е. может быть предусмотрена либо не предусмотрена обязанность лизингодателя передать лизингополучателю предмет лизинга в собственность по окончании договора (ч. 5 ст. 15 Федерального закона № 164-ФЗ).

Согласно ч. 2 ст. 348 ГК РФ¹¹ нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества, если одновременно соблюдены следующие условия:

- 1) сумма неисполненного обязательства составляет менее 5 % от размера стоимости заложенного имущества;
- 2) период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее 3 месяцев.

В то же время данная норма прямо предоставляет сторонам спора право доказывать иные критерии несоразмерности, а судам, соответственно, возможность не применять положения данной нормы к конкретному делу с учетом всех его обстоятельств. В рассматриваемом деле данный фактор важен, поскольку в

гражданском обороте и судебной практике при разрешении вопроса о необходимости изъятия предмета лизинга практически всегда применяются правила, установленные ГК РФ для вещей, обремененных правами залога.

Как было указано ранее, предприниматель уплатил лизингодателю сумму, значительно превышающую прямые затраты ООО «регион Групп Лизинг» на покупку предмета лизинга, т.е. им фактически были допущены нарушения только в части платежей, относящихся к прибыли лизингодателя (его имущественного интереса в сделке). Как следует из определения ВС РФ, по состоянию на 24 сентября 2021 г. общий размер задолженности лизингополучателя с учетом пеней и процентов составлял 326 282 руб. 80 коп., а к 4 октября 2021 г. снизился до 192 348 руб. 80 коп.

Однако, несмотря на то, что размер нарушения по отношению к уже исполненным ИП Ю. Н. Агеевым обязательствам был явно не велик, лизингодатель воспользовался своим формальным правом на расторжение договора лизинга и истребование его предмета у лизингополучателя.

Все нижестоящие суды поддержали в этом споре лизингодателя со ссылкой на ст. 348 ГК РФ, указав, что размер неисполненной обязанности предпринимателя превышает 5 %, а период просрочки составляет свыше 3 месяцев. Однако ВС РФ указал на недопустимость формального подхода и важность реального соблюдения баланса прав и интересов сторон. На наш взгляд, в данном случае нижестоящие суды не учли не только малый размер неисполненных обязательств, который в конкретном деле должен был быть признан незначительным по смыслу ст. 348 ГК РФ, но и прочие обстоятельства дела. В частности, суды не учли поведение лизингополучателя в период действия договора, а также после получения им требования о его расторжении. Так, согласно судебным актам проблемы с выплатой лизинговых платежей

¹⁰ Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О финансовой аренде (лизинге)» // СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

возникли только во второй половине 2021 г., а до этого времени все обязательства исполнялись предпринимателем надлежащим образом и в полном соответствии с условиями договора лизинга. Кроме того, даже после предъявления требований о расторжении договора и возврате предмета лизинга ИП Ю. Н. Агеев продолжил исполнять обязательства по договору и снизил общий размер задолженности до менее чем 200 тыс. руб.

Суды не стали учитывать и другие пояснения лизингополучателя, например, о том, что если бы предмет лизинга остался в его пользовании, то он смог бы продолжить предпринимательскую деятельность (пассажирские перевозки), за счет которой смог бы в полном объеме покрыть оставшуюся задолженность. Следовательно, изъятие предмета лизинга привело к блокировке его предпринимательской деятельности и, соответственно, к невозможности исполнения как обязательств из этой сделки, так и других его обязательств. При этом, как следует из определения ВС РФ, лизингополучатель ссылался также на то, что у третьих лиц имеются перед ним подтвержденные обязательства, размер которых значительно превышает его обязательства перед лизингодателем (точные суммы в судебных актах не указаны).

В соответствии с общими теоретическими положениями, право одного лица заканчивается там, где начинается право другого лица. Данный базовый принцип в отечественном законодательстве закреплён в ст. 10 ГК РФ, согласно которой не допускается любое злоупотребление правом, а если судом будет выявлено такое злоупотребление, то он вправе даже в полном объеме отказать в защите прав нарушителя.

Однако в современной судебной практике данная норма применяется редко, что проявилось и в рассматриваемом деле. Это обусловлено, на наш взгляд, несколькими факторами. Национальные суды предпочитают использовать только буквальное толкование каждой нормы и уже устоявшуюся судебную практику

ее применения, даже когда такой подход будет явно нарушать баланс прав и законных интересов сторон конкретного правоотношения.

В связи с этим мы безусловно поддерживаем подход ВС РФ, изложенный им в рассмотренном определении, о необходимости учета всех обстоятельств конкретного дела и важности реального соблюдения такого баланса. В данном деле формальный подход судов привел, с одной стороны, к необоснованной выгоде лизингодателя, которая сформировалась за счет получения практически полного объема лизинговых платежей и одновременного изъятия предмета лизинга в его пользу. А с другой стороны, к явному ущемлению прав и законных интересов лизингополучателя, который не только лишился имущества, за которое почти полностью расплатился, но и утратил возможность продолжить предпринимательскую деятельность, за счет которой мог бы полностью удовлетворить требования ООО «Регион Групп Лизинг».

Последствия применения толкования *contra legem* норм о лизинге

Однако указанное выше правило имеет и обратную сторону: некоторые суды в стремлении соблюсти этот баланс явно выходят за пределы дозволенного толкования закона и начинают «подгонять» закон к конкретному делу, а не применять его для разрешения спора. Так случилось в деле, рассмотренном Арбитражным судом Московского округа в порядке кассации¹². Согласно имеющимся в решениях судов сведениям между Leisler Holdings Limited (лизинговая компания зарегистрирована в Республике Кипр) и ООО «Группа компаний «Д-Транс»» в 2007 г. был заключен договор международного лизинга, по условиям которого лизингодатель приобрел для передачи в аренду лизингополучателю ряд транспортных средств (в общей сложности 120 единиц специальной техники: тягачи и рефрижераторы).

¹² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.01.2023 по делу № А40-20242/22 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58937ea6-405b-4180-ab70-324f76beedbe/9dc5e654-5b4f-4e60-839d421504cb51895/A40-20242-2022_20230123_Postanovlenie_kassacii.pdf?isAddStamp=True.

Согласно договору лизинга последние лизинговые платежи должны были быть внесены лизингополучателем в сентябре 2014 г., однако уже с декабря 2010 г. им была полностью прекращена уплата лизинговых платежей. Из судебных актов неясно, в связи с чем, но лизингодатель потребовал расторжения договора и возврата предметов лизинга только после выхода в процедуру своего банкротства (соответствующая претензия была направлена 16 декабря 2021 г.). Таким образом, с момента, когда должен был быть внесен последний лизинговый платеж по всем предметам лизинга, до момента направления претензии прошло более 7 лет. Поскольку лизингополучатель проигнорировал претензию, лизингодатель обратился в суд с иском об изъятии у ответчика предметов лизинга.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению принятого судом решения, мы полагаем необходимым дополнительно привести правовое регулирование лизинговых отношений по отечественному гражданскому законодательству. Так, как указывалось ранее, в соответствии со ст. 665 ГК РФ и ст. 11 Федерального закона № 164-ФЗ лизингодатель, оставаясь собственником предмета лизинга, предоставляет его во владение и пользование лизингополучателя, который, в свою очередь, обязан вносить за это лизинговые платежи. Кроме того, часть 5 ст. 15 и ст. 19 Федерального закона № 164-ФЗ предусматривают, что договор лизинга может быть как выкупным, так и не выкупным. Следует отметить, что в абсолютном большинстве случаев договор лизинга является именно выкупным, т.е. по его окончании лизингодатель обязан передать предмет лизинга в собственность лизингополучателя, безусловно — при надлежащем встречном исполнении с его стороны. Тем не менее ключевым моментом с точки зрения настоящего дела является то, что собственником предмета лизинга является именно лизингодатель.

Важно также отметить, что в соответствии с ч. 1, 2 ст. 610 и ч. 2 ст. 621 ГК РФ, если договором не предусмотрен срок аренды либо если

арендатор продолжает пользоваться арендованным имуществом после истечения этого срока, то договор аренды считается заключенным на неопределенный срок. В таком случае к правоотношениям подлежат применению положения ст. 619 и 620 ГК РФ о досрочном расторжении договора по требованию одной из его сторон. Такое право возникает у арендодателя (применительно к рассматриваемому делу — лизингодателя) в случае двукратного невнесения арендной платы подряд. Таким образом, действующее правовое регулирование исходит из того, что лизинг является именно разновидностью договора аренды. Данный факт прямо подтверждается положениями ст. 625 ГК РФ, в которой финансовая аренда прямо поименована в качестве разновидности именно договора аренды.

Тем не менее по иску компании Leisler Holdings Limited к ООО «Группа компаний “Д-транс”» о расторжении договора и изъятии имущества Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 23.01.2023 по делу № А40-20242/22 указал следующее: «В правоприменительной практике судов Российской Федерации господствующей точкой зрения относительно правовой природы договора выкупного лизинга является не “арендная”, а “заемная” концепция, согласно которой лизинг рассматривается как предоставление финансовой услуги определенного рода с титульным обеспечением в виде права собственности лизингодателя на предмет лизинга до уплаты лизингополучателем всех лизинговых платежей». При этом суд сослался на постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П¹³, определение Конституционного Суда РФ от 04.02.2014 № 222-О¹⁴, п. 2, 3.4 и 3.5 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»¹⁵. Более того, суд прямо указал, что в данном деле им было применено толкование *contra legem*, т.е. толкование, противоположное буквальному смыслу закона.

¹³ Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 6.

¹⁴ URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision153554.pdf>.

¹⁵ Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). № 16. 25.04.2014.

Мы ни в коем случае не можем согласиться с позицией АС Московского округа о наличии у судов самой возможности применения такого вида толкования, как *contra legem*, поскольку обратное означало бы полное нивелирование закона в пользу квазинормотворчества судебных органов. Как обоснованно указывают цивилисты, многочисленное прочтение каждого законопроекта обеспечивает возможность рассмотреть его с множества точек зрения многих людей, а значит, максимально «подстроить» его под реалии гражданского оборота (в том числе и с точки зрения необходимости его принятия вообще) и соблюсти юридическую технику, чтобы он наиболее точно регулировал именно ту сферу, для которой предназначен¹⁶. В связи с этим недопустимо создание квазинорм судебными органами и, соответственно, применение толкования *contra legem*. Применение такого толкования в конечном итоге приведет к полной анархии и утрате всякого доверия к судебной защите в России, поскольку судья по своему усмотрению может принять судебный акт не на основе закона, а просто «по настроению». Соответственно, участники гражданского оборота не смогут ожидать предсказуемых последствий своих действий (бездействия).

В вышеуказанном деле суд, применив толкование *contra legem* к лизинговым правоотношениям, положениям гражданского законодательства о кредите, ссылаясь на пропуск истцом исковой давности по требованиям о взыскании задолженности, отказал в удовлетворении требований об истребовании из чужого владения имущества, принадлежащего лизингодателю на праве собственности.

В рассматриваемом деле, на наш взгляд, можно было бы применить ст. 234 ГК РФ о приобретательской давности, однако лизингополучателем подобные требования не заявлялись, т.е. лизингополучатель не просил признать за ним право собственности, а только возражал против удовлетворения требований об истребовании у него чужого имущества. Приняв

такое решение, АС Московского округа создал парадоксальную правовую ситуацию: с одной стороны, фактический владелец имущества не признан его собственником, а с другой стороны, собственнику этого имущества отказано в передаче ему его же имущества.

Кроме того, АС Московского округа сослался на постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П, указав, что в нем якобы присутствует упомянутая им «заемная концепция», однако в данном постановлении КС РФ рассматривается вопрос о допустимости установления государством законодательных привилегий по срокам исковой давности к требованиям, вытекающим из правоотношений при предоставлении государством бюджетных средств в форме лизинга на развитие агропромышленного комплекса. Какие бы то ни было вопросы относительно правовой природы лизинга, т.е. отнесения его к арендным или заемным обязательствам, не рассматривались. Напротив, в данном постановлении КС РФ вновь подчеркнул важность защиты права собственности любыми не запрещенными законом способами, отметив, что государство вправе в определенных границах устанавливать в свою пользу некоторые привилегии при реализации общепользовательных целей (в данном случае относительно сроков исковой давности, установленной действовавшей на тот момент редакцией ст. 93.4 БК РФ¹⁷), поскольку основная цель государства — не получение прибыли, а устранение дисбаланса в развитии той или иной отрасли экономики.

Вопреки утверждению АС Московского округа, КС РФ не только не признал лизинг разновидностью заемных отношений, но напротив, в определении от 04.02.2014 № 222-О прямо указал на применение законодателем «арендной концепции» в связи с тем, что нормы о лизинге помещены им именно в § 6 гл. 34 «Аренда» ГК РФ, поскольку обратное регулирование приводило бы в значительной степени к дублированию норм об аренде.

¹⁶ Гончаров А. И., Квициния Н. В. Квазинормы Верховного Суда РФ как «потенциальный» источник гражданского права // Цивилист. 2022. № 4 (40). С. 62–68.

¹⁷ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

Единственным документом, из которого только косвенно можно вывести заемный характер лизинговых отношений, является постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17, в п. 2 которого указано на то, что по общему правилу в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается не в собственно приобретении права собственности на имущество, а именно в возврате с процентами затраченных на его покупку денег. При этом ВАС РФ отметил, что приобретение права собственности лизингодателем служит для него обеспечительной мерой, т.е. гарантией возвратности затраченных средств. Причем в данном постановлении ВАС РФ не указывает на возможность применения положений гражданского законодательства о займе (кредите) к лизинговым правоотношениям, а лишь призывает учитывать действительный интерес сторон договора конкретно выкупного лизинга при разрешении споров между ними.

Данный акт судебного толкования в полной мере отражает позицию ВС РФ, описанную в первом приведенном нами примере, когда лизингодатель, воспользовавшись формальным правом, попытался (и почти добился) получения сверхприбыли за счет незначительного нарушения со стороны лизингополучателя. Мы полагаем очевидным, что постановление Пленума ВАС РФ № 17 направлено именно на пресечение такого рода поведения участников лизинговых правоотношений, а не на искусственный перевод их из арендных в заемные, имеющие абсолютно иное правовое регулирование.

Ошибочность принятого АС Московского округа решения подтверждает также его указание на то, что «сохранение за лизингодателем права собственности на предмет лизинга... является самостоятельным не поименованным в законе способом обеспечения исполнения обязательств, именуемым титульным обеспечением». Фактически суд произвольно низвел прямо поименованный в законе вид договора в ранг «непоименованных способов обеспечения обязательств». Руководствуясь такой логикой, любой гражданско-правовой договор можно признать не договором (соглашением), а способом обеспечения какого-то обязательства.

Невыясненным останется вопрос об источнике этого обязательства. Ведь если договор лизинга является не источником конкретного обязательства, а только способом его обеспечения, то откуда возникает обязательство?

Популярность лизинга и его выгодность заключаются именно в том, что лизингодатель остается собственником имущества, а не просто залогодержателем, как в классических заемных отношениях. Данный факт позволяет ему истребовать собственное имущество из чужого владения по аналогии с положениями ГК РФ о виндикации (ст. 301, 302), в связи с чем существенно снижаются его риски, связанные с невозвратностью уплаченных лизингодателем за предмет лизинга денежных средств и, как следствие, снижается размер уплачиваемых процентов для лизингополучателя.

Отличие заемных отношений с залоговым обеспечением от лизинга

В отличие от заемных отношений с залоговым обеспечением, в лизинге кредитору не нужно предъявлять требования об «обращении взыскания на залог», которые могут быть еще и не удовлетворены судом по множеству причин (залог является единственным жильем, орудием труда и источником средств к существованию и т.д.). В выкупных лизинговых отношениях предмет лизинга является безусловной собственностью лизингодателя до момента полного погашения лизингополучателем всех платежей, и это право собственности должно быть обеспечено государством в полном объеме в соответствии со ст. 8, 35 Конституции РФ. В отличие от займа, единственным основанием для неполучения лизингодателем своего имущества (предмета лизинга) от лизингополучателя является нарушение им самим требований ст. 310, 450–453 ГК РФ об одностороннем отказе от исполнения обязательства (договора).

Во втором примере АС Московского округа нивелировал не только прямые положения ГК РФ о лизинге и нормы Федерального закона № 164-ФЗ, но также и положения Конституции РФ о неприкосновенности собственности

и ее защите государством. На наш взгляд, это крайне опасный и дестабилизирующий гражданский оборот фактор, который может привести к непредсказуемым последствиям, причем не только к атрофии лизинга в России как такового, но и к гораздо более серьезным, например к полной утрате доверия к отечественной судебной системе со стороны участников гражданского оборота.

Тем не менее с сожалением мы вынуждены отметить, что по состоянию на дату написания настоящей статьи данное, на наш взгляд полностью незаконное, решение АС Московского округа оставлено в силе Верховным Судом РФ, отказавшимся передать кассационную жалобу Leisler Holdings Limited и третьего лица, ПАО «ВТБ», на рассмотрение судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ¹⁸. К данному моменту информации о дальнейшем обжаловании рассматриваемого решения в ГАС «Электронное правосудие» нам обнаружить не удалось. Однако мы выражаем надежду, что подобные решения, особенно на уровне ВС РФ, останутся лишь единичными случаями судебных ошибок, а не «новым веянием» во всей судебной системе России, когда закон перестанет что-либо значить для отечественных судей.

При этом мы надеемся, что в данном деле лизингополучатель все-таки обжалует постановление АС Московского округа в вышестоящих инстанциях, которые примут решение на основании закона, а не на основе его «противоположного толкования». Полагаем, что судебные акты, основанные на толкования *contra legem*, нивелируют само содержание закона и важнейшие принципы права законности и справедливости.

Рассмотренный пример, в свою очередь, показывает недопустимость создания судебной системой каких-либо квазинорм, поскольку

такая тенденция приводит к принятию подобного рода неадекватных судебных актов.

Выводы

Нами рассмотрены два примера из судебной практики, которые отражают совершенно разное отношение отечественных судей к своим обязанностям. В первом случае судьи даже не пытаются принимать сбалансированное решение, руководствуясь формальным подходом, который можно выразить следующей формулой: «Раз нарушение имело место, его размер не имеет значения — на нарушителя в любом случае ложатся все неблагоприятные последствия несоблюдения соглашения». В другом случае суды начинают нивелировать положения закона и даже прямо указывать, что толковать закон можно в смысле, прямо противоположном его содержанию. «Ошибки в судебной деятельности, отсутствие единообразного понимания, подмена понятий, безусловно, сказывается на возможности полного и объективного рассмотрения и разрешения дел»¹⁹.

И тот и другой подходы мы считаем равно недопустимыми, однако разрешение этой проблемы возможно только при официальном введении в отечественный гражданский оборот судебного прецедента в качестве источника права. Внедрение судебного прецедента позволит в безусловном порядке отменять судебные решения, которые противоречат общепринятым судебным стандартам по той или иной категории дел, в том числе тем, где судьи принимают решения, прямо противоположные содержанию правовой нормы (толкование *contra legem*).

Кроме того, полагаем необходимым внести некоторые коррективы в действующее правовое регулирование лизинговых правоотношений.

¹⁸ Определение судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/58937ea6-405b-4180-ab70-324f76beedbe/36eab314-58dd4b01-a11a-90fe23193958/A40-20242-2022_20230428_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

¹⁹ Дерюгина Т. В., Квициния Н. В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частно-правовых отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 3. С. 79–87. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11>.

В первую очередь требуется скорректировать ст. 348 ГК РФ следующим образом: из второго предложения ч. 2 исключить слова «если не доказано иное», после чего дополнить норму предложением о том, что суд при рассмотрении конкретного дела вправе с учетом совокупности его обстоятельств применять иные критерии несоразмерности нарушенного обязательства, причем как в большую, так и в меньшую сторону, чем указано в ней.

Во-вторых, аналогичные положения, на наш взгляд, должны быть внесены и в ч. 2 ст. 13 Федерального закона № 164-ФЗ, поскольку в настоящий момент право на досрочное расторжение принадлежит лизингодателю при любых обстоятельствах, если лизингополучатель два раза подряд не внес положенных по договору платежей.

В-третьих, считаем важным более жестко отделить лизинговые отношения от заемных, для чего необходимо дополнить часть II ГК РФ статьей 670.1 о том, что к лизинговым правоотношениям могут применяться положения гл. 42 ГК РФ только в той части, которая не противоречит правовому регулированию, установленному главой 34 ГК РФ, и специальному отраслевому законодательству (Федеральный закон № 164-ФЗ).

Исключение слов о необходимости доказывать иное (ч. 2 ст. 348 ГК РФ) предоставит судам значительно большие возможности для оценки фактических обстоятельств дела. Применительно к первому примеру данное изменение не позволит лизингодателям получать «двойную» выгоду за счет явно незначительных, но формально подпадающих под указанные в законе

критерии нарушений со стороны лизингополучателя. В то же время применительно ко второму случаю, с учетом предложения о более жестком разграничении правового регулирования лизинга, не позволит судам «придумывать», какие именно нормы применить к данным правоотношениям, сохранив за ними право оценивать только значительность нарушения в каждом конкретном случае.

Таким образом, нами был проведен анализ действующего законодательства в части определения требований, касающихся лизинговых операций, а также субъектного состава отношений финансовой аренды. Без рассмотрения остались проблемные вопросы качества юридической техники правовых актов с точки зрения экономического содержания лизинговых правоотношений (наличие пробелов и противоречий в действующих нормах), а также влияния современной системы налогообложения на финансовый оборот в рассматриваемой сфере, преимуществ и недостатков отдельных видов и форм лизинга, что может и должно стать предметом дальнейших исследований.

В целом необходимо отметить, что термин «финансовая аренда» подразумевает сосредоточение в одной категории как законодательного, так налогового и финансового аспектов. И Россия адаптируется к названному инвестиционному инструменту, который имеет длительную мировую историю развития и благодаря которому, например, Японии понадобилось всего лишь 10 лет, чтобы обновить свою экономику и занять лидирующие позиции в макроэкономическом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданова Е. Е., Богданов Д. Е., Василевская Л. Ю. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 2. — М. : Проспект, 2020. — 448 с.
2. Гончаров А. И., Квициния Н. В. Квазинормы Верховного Суда РФ как «потенциальный» источник гражданского права // Цивилист № 4 (40). — 2022. — С. 62–68.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. — М. : Проспект, 2020. — 1041 с.
4. Дерюгина Т. В., Квициния Н. В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частных правовых отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2023. — Т. 22. — № 3. — С. 79–87. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11>.

5. Иванов Д. А. О противоречиях законодательства о лизинге в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. — 2019. — № 4. — С. 93–95.
6. Кайль А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СПС «Гарант», 2020.
7. Коршунов Р. А., Сараев А. А., Советкина З. Российский лизинг: перспективы и вызовы 2020 // Рейтинговое агентство «Эксперт РА» — рейтинги, исследования, обзоры, конференции. — URL: https://leasing.expertbusiness.ru/files/Lizing_Perspekt.pdf.
8. Эриашвили Н. Д., Иванов Д. А. Проблемы правового регулирования лизинга в Российской Федерации // Образование и право. — 2017. — № 11. — С. 73–77.

Материал поступил в редакцию 2 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogdanova E. E., Bogdanov D. E., Vasilevskaya L. Yu. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 2. — M.: Prospekt, 2020. — 448 s.
2. Goncharov A. I., Kvitsiniya N. V. Kvazinormy Verkhovnogo Suda RF kak «potentsialnyy» istochnik grazhdanskogo prava // Tsivilist № 4 (40). — 2022. — S. 62–68.
3. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1 / pod red. Sergeeva A. P. — M.: Prospekt, 2020. — 1041 s.
4. Deryugina T. V., Kvitsiniya N. V. Primenenie kategorii «publichnyy interes» v regulirovanii chastnopravovykh otnosheniy // Legal Concept = Pravovaya paradigma. — 2023. — T. 22. — № 3. — S. 79–87. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11>.
5. Ivanov D. A. O protivorechiyakh zakonodatelstva o lizinge v Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. — 2019. — № 4. — S. 93–95.
6. Kayl A. N. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 16 iyulya 1998 g. № 102-FZ «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» // SPS «Garant», 2020.
7. Korshunov R. A., Saraev A. A., Sovetkina Z. Rossiyskiy lizing: perspektivy i vyzovy 2020 // Reytingovoe agentstvo «Ekspert RA» — reytingi, issledovaniya, obzory, konferentsii. — URL: https://leasing.expertbusiness.ru/files/Lizing_Perspekt.pdf.
8. Eriashvili N. D., Ivanov D. A. Problemy pravovogo regulirovaniya lizinga v Rossiyskoy Federatsii // Obrazovanie i pravo. — 2017. — № 11. — S. 73–77.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.086-100

Т. А. Литвинова*

Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами проверочных инстанций

Аннотация. В статье автором сделан вывод о нецелесообразности процессуально-правовой регламентации служебной компетенции разных должностных лиц органов прокуратуры по инициированию пересмотра судебных актов судами проверочных инстанций. Рассмотрен также вопрос о возможности выделения участия прокурора в рассмотрении гражданских дел судами проверочных инстанций в самостоятельную, третью форму участия прокурора в гражданском (арбитражном) процессе в свете как законодательного расширения процессуальных полномочий прокурора, так и тенденций в судебной практике. Автор обращает внимание на необходимость уточнения в законе юридической формы, посредством которой реализуется инициатива прокурора, направленная на пересмотр судебных актов. В результате анализа судебной практики, в которой суды и прокурор по-разному оценивали необходимость участия прокурора в конкретных делах, автором сделан вывод о том, что правильность разрешения вопроса о привлечении (непривлечении) прокурора к участию в рассмотрении гражданского дела предопределяется сущностным, а не формальным подходом к юридической квалификации судом рассматриваемых материально-правовых требований.

Ключевые слова: прокурор; участие прокурора в рассмотрении гражданских дел; участие прокурора в гражданском процессе; участие прокурора в арбитражном процессе; представление прокурора; жалоба прокурора; производство в суде апелляционной инстанции; производство в суде кассационной инстанции; иск прокурора; заключение прокурора.

Для цитирования: Литвинова Т. А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами проверочных инстанций // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 86–100. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.086-100.

© Литвинова Т. А., 2024

* Литвинова Татьяна Анатольевна, аспирант, ассистент кафедры гражданского и административного судопроизводства, заместитель начальника правового управления Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lit.tat.anat@yandex.ru

Participation of the Prosecutor in the Civil Cases Dealt with by the Courts of Controlling Authority

Tatiana A. Litvinova, Postgraduate Student, Lecturer, Department of Civil and Administrative Procedure, Deputy Head of the Legal Department of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
lit.tat.anat@yandex.ru

Abstract. In the paper, the author concludes that it is inappropriate to regulate the procedural and legal competence of various officials of the prosecutor's office to initiate a review of judicial acts by the courts of controlling authority. The author examines the issue of the possibility of allocating the prosecutor's participation in the consideration of civil cases by the courts of controlling authority into an independent, third form of the prosecutor's participation in civil (arbitrazh) proceedings in the light of both the legislative expansion of the prosecutor's procedural powers and trends in judicial practice. The author draws attention to the need to clarify in the law the legal form by which the prosecutor's initiative aimed at reviewing judicial acts is implemented. As a result of the analysis of judicial practice where the courts and the prosecutor assessed the need for the prosecutor's participation in specific cases in different ways, the author concluded that the correctness of resolving the issue of involving (not involving) the prosecutor to participate in the consideration of a civil case is predetermined by an essential rather than a formal approach to the legal qualification by the court of the substantive requirements under consideration.

Keywords: prosecutor; prosecutor's participation in civil cases; prosecutor's participation in civil proceedings; prosecutor's participation in arbitrazh; prosecutor's representation; prosecutor's complaint; proceedings in the court of appeal; proceedings in the court of cassation; prosecutor's claim; prosecutor's opinion.

Cite as: Litvinova TA. Participation of the Prosecutor in the Civil Cases Dealt with by the Courts of Controlling Authority. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):86-100. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.086-100.

Проблемные вопросы, связанные с инициированием прокурором пересмотра судебных актов судами проверочных инстанций, довольно редко обсуждаются в литературе, хотя, в отличие от исковой работы, показатель эффективности которой составлял по стране 96,7 % в 2020 г. и 96,1 % в 2021 г., эффективность принесения представлений несколько ниже — около 83 % в 2020 и 2021 гг. и 81,7 % в 2022 г.¹ Несмотря на довольно высокие показатели результативности принесения представлений в суды проверочных инстанций, судебная практика обнаруживает ряд проблем, которые снижают эту результативность; при этом комплексного исследования проблематики участия прокурора в рассмотрении дел судами проверочных инстанций не проведено. В научных публикациях по рассматриваемому вопросу обсуждается,

в частности, следующее: проблемы системно-организационного характера; процессуальная деятельность при рассмотрении дел судами проверочных инстанций как самостоятельная форма участия прокурора в цивилистическом процессе; объем процессуальных полномочий; неопределенность процессуальной регламентации формы реализации прокурором права на обращение в суды проверочных инстанций; правовая природа представления прокурора как процессуального средства инициирования пересмотра судебных актов и как акта прокурорского реагирования; определение дел, по которым прокурор вправе инициировать пересмотр судебных актов.

Проблемы системно-организационного характера в основном не носят характер процессуальных и не являются специфическими для прокурора, однако влияют на результатив-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2021 г. и за январь — декабрь 2022 г. // Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 06.06.2023).

ность его процессуальной деятельности по инициированию пересмотра судебных актов. Так, сложности обусловлены реформированной в 2019 г. системой судебных инстанций — появлением апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, которые в ряде случаев для большинства участников процесса, в том числе прокурора, находятся в другом субъекте. В связи с этим возрастают сроки пересылки процессуальных документов, извещений; прокурор не всегда может своевременно подготовить и направить мотивированную позицию либо соответствующее представление, а также реально обеспечить участие в судебном заседании.

К группе системно-организационных можно отнести также вопрос о *целесообразности процессуального закрепления соответствия компетенции прокуроров по инициированию пересмотра судебных актов с судами определенного уровня судебной системы.*

В процессуальном законодательстве закреплена служебная иерархия прокуроров, имеющих право на обращение в суды проверочных инстанций: так, АПК РФ в ч. 2 ст. 52 устанавливает, что обращение в Верховный Суд РФ направляет Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель, в арбитражный суд субъекта Российской Федерации направляют также прокурор субъекта Российской Федерации или его заместитель и приравненные к ним прокуроры или их заместители. То есть из положений закона усматривается, что не любой про-

курор вправе инициировать производство по пересмотру судебного акта, а лишь прокуроры определенного уровня.

АПК РФ также указывает на возможность участия *должностного лица органов прокуратуры* при рассмотрении дела в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда РФ по поручению Генерального прокурора РФ (ч. 5 ст. 291.12). На практике в судебных заседаниях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ участвуют как прокуроры субъектов² (или специализированных прокуратур³), так и прокуроры подразделений Генеральной прокуратуры⁴.

В судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ такая возможность не предусмотрена — участвовать вправе только Генеральный прокурор и его заместители (ч. 7 ст. 308.9 АПК РФ); в судебной практике исключений выявить не удалось.

АПК РФ не определяет, какой именно прокурор вправе инициировать апелляционный и кассационный пересмотр в арбитражном суде округа.

Судебная практика показывает, что апелляционный пересмотр инициируют заместитель прокурора субъекта⁵, прокурор субъекта⁶; участие в заседании суда апелляционной инстанции обеспечивают прокуроры подразделений прокуратуры субъекта⁷, прокуроры субъектов, прокуроры подразделений Генеральной прокуратуры⁸, помощники прокурора района⁹, прокуроры подразделений прокуратуры субъекта

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.10.2020 № 301-ЭС18-24404 по делу № А31-8392/2017 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 308-ЭС22-25486 по делу № А53-37781/2021.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.10.2022 № 304-ЭС22-12333 по делу № А02-3/2021.

⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.09.2023 № 11АП-12108/2023, 11АП-12478/2023 по делу № А72-2435/2023.

⁶ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2022 № 01АП-3233/2022 по делу № А39-12221/2021.

⁷ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.09.2023 № 11АП-12108/2023, 11АП-12478/2023 по делу № А72-2435/2023.

⁸ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.05.2023 № 12АП-1909/2023, 12АП-1910/2023 по делу № А12-17840/2022.

по месту нахождения суда, рассматривающего дело (по поручению)¹⁰. По некоторым делам встречается одновременное участие прокуроров нескольких прокуратур¹¹.

Исходя из судебной практики кассационный пересмотр в арбитражном суде округа инициируют заместитель прокурора субъекта¹², районный прокурор¹³; участие в судебном заседании арбитражного суда округа обеспечивают заместители прокурора субъекта¹⁴, иные прокуроры без указания на должность¹⁵.

В ГПК РФ существует неопределенность понимания ч. 2 ст. 320. Эта норма указывает, что право принесения апелляционного представления принадлежит *прокурору, участвующему в деле*. Однако возможны вариативные толкования: дословное — апелляционное представление должен подать непосредственно тот прокурор, который фактически участвовал в деле; более широкое — предлагается понимать таким образом, что в этой фразе указывается на процессуальный статус прокурора как лица, участвующего в деле, вне связи со служебной иерархией и фактическим участием в рассмотрении дела.

Этот вопрос обсуждается в литературе, и по нему высказаны следующие точки зрения:

1) прокурором, участвующим в деле, является в том числе помощник прокурора, не наделенный какими-либо организационно-управленческими полномочиями в органах прокуратуры, однако обладающий общими процессуальными правами в соответствии со ст. 45 ГПК РФ, среди которых названо право на обжалование судебного постановления; апелляционное представление может быть подписано любым должностным лицом районной (городской) прокуратуры, равным по статусу и полномочиям руководителю прокуратуры, например заместителем прокурора¹⁶;

2) этот подход критикуется в связи с непоследовательностью и смешением понятий; правом на подписание искового заявления обладает прокурор, который инициирует производство по делу, то есть на уровне районных судов это полномочие принадлежит районному прокурору, в то время как прокурором, участвующим в деле, является обычно помощник прокурора района (города), не обладающий правом на использование распорядительных процессуальных полномочий¹⁷.

В разъяснениях Пленум Верховного Суда РФ¹⁸ придерживается максимально широкого под-

⁹ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2022 № 12АП-5698/2022 по делу № А57-28437/2021.

¹⁰ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.04.2023 № 19АП-1366/2023 по делу № А35-9871/2022.

¹¹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2023 № 11АП-4474/2023 по делу № А55-34072/2021.

¹² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.08.2023 № Ф02-3450/2023 по делу № А78-5932/2022.

¹³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.07.2023 № Ф08-6989/2023 по делу № А22-1506/2022.

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.08.2023 № Ф08-6897/2023 по делу № А32-22264/2022.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.05.2023 № Ф09-2191/23 по делу № А07-29196/2021.

¹⁶ *Залюкова Г. И.* Полномочия прокуроров различных уровней на обжалование незаконных судебных актов в апелляционном порядке // *Законность*. 2013. № 9. С. 26–27.

¹⁷ *Воробьев Т. Н.* Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 165.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 9).

хода к определению понятия «прокурор, участвующий в деле». Так, с отсылкой к системе и структуре органов прокуратуры, установленной Законом о прокуратуре, Пленум определяет его либо как прокурора, который участвовал при рассмотрении дела в суде первой инстанции (как в форме предъявления иска, так и в форме дачи заключения), либо как иного вышестоящего должностного лица в служебной иерархии.

Целесообразно поставить вопрос, насколько относительно определение служебной иерархии прокурорских работников к предмету процессуально-правового регулирования. Отмечается также, что установление в ГПК РФ служебной иерархии уполномоченных на подписание представлений прокуроров также снижает эффективность обжалования вследствие пропуска процессуального срока по причине длительного внутриведомственного взаимодействия с вышестоящими прокурорами¹⁹.

Исследователи указывают также на возникновение организационных противоречий в связи с установлением служебной иерархии участвующих на разных стадиях процесса прокуроров: например, кассационное представление готовится одним прокурором, а поддерживается в суде другим, из вышестоящей прокуратуры. Позиции должностных лиц могут не совпадать,

мотивация к поддержанию представления, не вызывающего согласия, отсутствует. Последний аргумент вряд ли может быть принят во внимание как правовой, он указывает на наличие в работе прокуратуры «человеческого фактора», субъективного подхода, который в деятельности служащих государственного органа недопустим.

Судебная практика, надо отметить, не сформировала ограничительных подходов к определению компетенции прокуроров для обращения в апелляционные арбитражные суды, арбитражные суды округов и обеспечения участия в заседаниях этих судов.

Более теоретический характер *носит дискуссия об участии прокурора в проверочных инстанциях как самостоятельной форме участия прокурора в гражданском процессе.*

Традиционным подходом к обозначенному вопросу является позиция о двух формах участия прокурора в гражданском процессе, к числу которых участие в проверочных инстанциях не относится²⁰.

Однако отдельные исследователи высказывают мысль о том, что, вопреки конструкции ст. 45 ГПК РФ (по аналогии и ст. 52 АПК РФ, ст. 39 КАС РФ), обращение прокурора в суды проверочных инстанций является самостоятельной

¹⁹ Ларионова О. Г. Процессуальные вопросы участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве (на примере судебной практики районных судов г. Москвы и Московского городского суда) // Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе : сборник материалов круглого стола (г. Москва, 26 октября 2018 г.) / под общ. ред. д-ра юрид. наук Н. В. Субановой ; сост. и науч. ред.: М. В. Маматов, О. В. Боброва. М. : Ун-т прокуратуры РФ, 2018. С. 54–59.

²⁰ Например: Туманова Л. В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002 ; Токарева Е. В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015 ; Сайфудинова А. А. К вопросу об участвующих в деле лицах как субъектах гражданских процессуальных отношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 17–21 ; Казарина Т. Н. Прокурор как субъект гражданских процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации // Российский судья. 2021. № 2. С. 3–6 ; № 3. С. 6–10 ; Смагина Е. С. Участие государства в современном гражданском процессе : монография. М. : Статут, 2021.

²¹ См.: Прокурор в гражданском процессе : пособие для район. прокуроров / сост. С. М. Загорье и А. Б. Фриденштейн. М. : Юриздат, 1941. С. 5 ; Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор : учебник. М. : Проспект, 2006. С. 362, 390 ; Арсанукаева М. С. Некоторые проблемы унификации законодательства, регулирующего участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Юстиция. 2016. № 1. С. 78–87 ; Ковалев А. А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами апелляционной инстанции //

формой участия в процессе²¹. Отдельные авторы исходят из еще более дифференцированного подхода к формам участия прокурора и в рамках участия в проверочных инстанциях отдельно выделяют такие формы, как подача представления, возражений, дача заключения²², с чем весьма сложно согласиться.

Автор разделяет наиболее согласованный подход, заключающийся в выделении двух форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Не вызывает вопросов понимание полномочия по обжалованию судебных актов как производного от полномочия по участию в той или иной форме в суде первой инстанции.

Однако некоторые исследователи ставят вопрос о расширении полномочий прокурора в части наделения его полномочиями по обжалованию не только судебных решений по делам, в которых прокурор участвовал или должен был участвовать, но и по другим делам, когда основания для участия прокурора в первой инстанции отсутствовали, но впоследствии возникли обстоятельства, обусловившие необходимость такого участия с целью инициирования соответствующего пересмотра. В частности, такие предложения высказываются в контексте использования судебных решений для прикрытия незаконных финансовых операций и легализации серых схем²³, а также для случаев обращения к прокурору граждан с просьбой о защите их прав путем инициирования пересмотра вынесенных в отношении них судебных актов²⁴.

Учитывая вектор развития законодательства и правоприменительной практики, представляется весьма вероятным становление, включая законодательное закрепление, третьей формы участия прокурора в процессе. Причем если прокурор будет наделен правом на инициирование пересмотра каких-либо судебных актов, независимо от его участия или необходимости участия в суде первой инстанции, то такой подход станет обоснованным.

В свете продолжающегося реформирования актуальность приобрел и **вопрос об объеме процессуальных полномочий прокурора в гражданском процессе вообще и в проверочных инстанциях в частности**.

Е. С. Смагина указывает на необходимость определения новых границ процессуальной активности прокурора в процессе в целях сохранения принципов состязательности и независимости суда²⁵.

Учитывая, что с появлением в ГПК РФ и АПК РФ новых поводов для участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел прокурор в порядке ч. 4 ст. 45 ГПК РФ и ч. 5 ст. 52 АПК РФ может быть вовлечен в процесс по своей инициативе или по инициативе суда на любой стадии процесса, опасения свободного расширения границ его процессуальной активности видятся весьма обоснованными, в том числе применительно к реализации полномочий по инициированию пересмотра состоявшихся судебных актов. Неопределенность условий

Право и политика. 2021. № 4. С. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.4.35399. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35399; Воробьев Т. Н. Указ. соч. С. 165.

²² Кострова Н. М., Гаджиалиева Н. Ш. Участие прокурора в проверочных судебных инстанциях гражданского процесса // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 4. С. 128–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-prokurora-v-proverochnyh-sudebnyh-instantsiyah-tsivilisticheskogo-protssessa> (дата обращения: 15.10.2022).

²³ См.: Маматов М. В., Кремнева Е. В. Расширение процессуальных полномочий прокуроров по противодействию незаконным финансовым операциям // Законность. 2017. № 12. С. 13–17.

²⁴ См.: Симонова И. С., Соколов М. С. Правовые и организационные основы участия прокуроров в рассмотрении гражданских и административных дел апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2. С. 59–66.

²⁵ Смагина Е. С. Проблемы расширения полномочий прокурора в гражданском процессе // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее : сборник докладов на II Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова, Москва, 9 февраля 2023 г. / под ред. В. В. Молчанова. М., 2023. С. 276–280.

вступления в процесс на стадии пересмотра позволяет более свободно и отчасти субъективно подходить к решению вопроса о праве на соответствующее обжалование, а значит, есть риск безосновательной дестабилизации принятых судебных актов.

Таким образом, следует согласиться с точкой зрения о необходимости конкретизации условий вступления в процесс на стадии пересмотра путем обязания прокурора обосновывать, а суда — проверять как минимум характер и содержание защищаемого таким способом интереса применительно к конкретному делу, а не абстрактной возможности обратиться в соответствующую проверочную инстанцию.

Еще одним положением, по которому в процессуальных кодексах имеются разночтения, является процессуальная форма реализации права прокурора на обращение в суды проверочных инстанций: апелляционное представление (гл. 39 ГПК РФ; гл. 34 КАС РФ) и апелляционная жалоба (ч. 4 ст. 4, гл. 34 АПК РФ); кассационное представление (гл. 41 ГПК РФ; гл. 35 КАС РФ) и кассационная жалоба (ч. 4 ст. 4, гл. 35 АПК РФ), хотя в тексте упоминается представление (ч. 3 ст. 291.1 АПК РФ); надзорное представление (гл. 41.1 ГПК РФ; ч. 4 ст. 4, гл. 36.1 АПК РФ; гл. 36 КАС РФ). Инициатива прокурора, направленная на возбуждение производства по пересмотру по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, выражается в представлении (гл. 42 ГПК РФ; гл. 37 КАС РФ) либо заявлении (гл. 37 АПК РФ).

На отсутствие терминологического единства в процессуальном законодательстве было обращено внимание в литературе. Отмечалось, что термин «жалоба» не подходит для обозначения формы обращения прокурора в суд проверочной инстанции, поскольку противоречит целям и сущности прокурорской деятельности²⁶.

Дополнительную неясность в вопрос о средствах инициирования прокурором производства по пересмотру судебных актов вносит Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О про-

куратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре), в котором имеются, помимо терминологических, сущностные противоречия нормам процессуального законодательства: относительно регулирования полномочий прокурора по обжалованию судебных решений Закон о прокуратуре отстает от развивающегося процессуального законодательства и ряд его норм сохраняются в первозданном виде. Например, отдельные положения ст. 36 Закона о прокуратуре явно противоречат нормам ГПК, АПК и КАС РФ.

Так, частью 1 ст. 36 Закона о прокуратуре, именуемой «*Опротестование* судебных решений», предусмотрено принесение прокурором кассационного или частного *протеста*, *протеста* в порядке надзора (в судах общей юрисдикции) либо апелляционной, кассационной жалобы либо *протеста* в порядке надзора (в арбитражных судах). Протест прокурора как средство возбуждения процедуры обжалования судебного акта на сегодня урегулирован лишь Кодексом об административных правонарушениях (ст. 30.10). Однако КоАП РФ предоставляет прокурору полномочие приносить протест лишь на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и (или) последующие решения вышестоящих инстанций по жалобам на это постановление и никак не дифференцирует протесты прокурора. Что касается процессуального законодательства (ГПК, АПК, КАС), то оно вообще не упоминает прокурорский протест в числе его процессуальных полномочий ни в одной из судебных инстанций.

Некорректно и наименование ст. 36 Закона о прокуратуре, поскольку оно уже по смыслу, чем содержание указанной статьи, предусматривающей полномочия прокурора по инициированию пересмотра судебных актов во всех видах судебных производств.

Создает правовую неопределенность и часть 2 рассматриваемой статьи, наделяющая

²⁶ *Ергашев Е. Р., Панкова А. А.* Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 2. С. 53–60; *Шобухин В. Ю.* Полномочия прокурора: актуальные проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. № 11. С. 35–38.

прокурора правом независимо от участия в судебном разбирательстве истребовать из суда любое дело или категорию дел, по которым решение, приговор, определение или постановление вступили в законную силу, и приносить по этим делам протест в порядке надзора. Усматривается принадлежность упомянутой нормы к системе ранее действовавшего (до введения ГПК РФ 2002 г.) правового регулирования, когда имел место прокурорский надзор за законностью и обоснованностью приговоров, определений и постановлений судов.

Некоторые авторы приводят доводы о том, что существование этой нормы может грозить негативными последствиями вплоть до установления (восстановления) прокурорского надзора за судебной властью, что вовсе не бесспорно, поскольку ранее существовавший прокурорский надзор, связанный с осуществлением судами правосудия, надзором за судом по своей сути не являлся²⁷.

Т. Ю. Кулик полагает, что протест предусмотрен в том числе и для обращения в суд²⁸, а Н. И. Безрукавая отмечает, что такая жалоба, по сути, является протестом²⁹.

Неточности в использовании законодателем терминологии делают целесообразным внесение изменений в рассмотренную норму, что позволит унифицировать положения материального и процессуального законодательства и актуализировать нормы Закона о прокуратуре.

Небрежное использование наименований форм прокурорской деятельности на практике порождает нечеткость в понимании объема полномочий прокурора. Указанная проблема законодательного регулирования отнюдь не нова. На нее обращалось внимание еще в 2002 г.³⁰, равно как и на упоминание в рассмотренной статье «жалобы прокурора», о чем также высказывались критические замечания в литературе³¹. Но тем не менее норма остается неизменной уже около 20 лет, поэтому прокурорам приходится нивелировать неточность законодателя разъяснениями, что реально такое полномочие у них отсутствует³².

Еще одним предметом для дискуссии является **разграничение представления прокурора как процессуального средства инициирования пересмотра судебных актов и как акта прокурорского реагирования**. Является ли представление прокурора, с которым он обращается в суды проверочных инстанций, актом прокурорского реагирования, или оно имеет иную природу?

Приказами Генеральной прокуратуры прокурорам предписано своевременно *реагировать* на незаконные и необоснованные судебные постановления принесением апелляционных, кассационных и надзорных представлений (жалоб) (абз. 2 п. 7 приказа Генпрокуратуры РФ от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном

²⁷ См.: Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1968. С. 7.

²⁸ Кулик Т. Ю. К вопросу о единстве терминологии, определяющей участие прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 11. С. 12–15.

²⁹ Безрукавая Н. И. Предмет деятельности прокурора по участию в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 18–25.

³⁰ Вайпан В. А., Гладких С. Р. Новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Право и экономика. 2002. № 12. С. 3–13 ; Жуйков В. М. ГПК РФ: порядок введения в действие // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 2–6 ; Женетль С. З. Несогласованность некоторых норм в новых законах // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 9. С. 42–44.

³¹ Панченко В. Ю., Макачук И. Ю. Представление как правовое средство // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 36–47 ; Кулик Т. Ю. Указ. соч. С. 12–15.

³² Информационное письмо Прокуратуры г. Москвы от 19.11.2018 № 22-32-2018/201503 «Вправе ли прокурор истребовать из суда любое гражданское дело и проверить законность судебных решений по нему?» ; Торговченков В. И. Институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Законность. 2015. № 7. С. 45–49.

судопроизводстве»; п. 10 приказа Генпрокуратуры РФ от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве»).

Представления прокурора, о которых речь идет в процессуальном законодательстве, часто в литературе именуются средствами или актами прокурорского реагирования³³. Например, Е. Р. Ергашев употребляет термин «процессуальные акты прокурорского реагирования»³⁴.

Встречается и употребление родового понятия «правовые средства», определяемого как юридические акты в форме актов-решений и внешних вербальных актов-действий прокурора, через которые он реализует свои полномочия³⁵, либо «правовые средства прокурорской деятельности»³⁶ без отождествления их с «актами прокурорского реагирования»³⁷.

Отмечается, что «реализация принципа единства в организации и осуществлении деятельности органов прокуратуры и соответствующий подход к исследованию основных понятий теории прокурорской деятельности настоятельно требует введения в научный оборот собирательного понятия “средства прокурорской деятельности”, объединяющего понятия средств, используемых прокурором при осуществлении функций как надзорного, так и ненадзорного характера, а также включающего, соответственно, понятия “средства прокурорского реагирования” (“средства реагирования прокурора”) и “меры прокурорского реагирования”». В литературе высказана и точка зрения о том, что «“средства реагирования (прокурора)” и “меры прокурорского реагирования” <...> яв-

ляются разновидностью или частным случаем средств прокурорского надзора, которые должны быть направлены прежде всего на выявление нарушений закона (средства выявления нарушений), а затем уже на их своевременное пресечение, а также привлечение к ответственности виновных (средства реагирования)»³⁸.

Заслуживает внимания точка зрения о том, что «представление по смыслу законодательства о прокуратуре — это не форма обращения в суд в целях пересмотра судебного акта, а требование об устранении нарушений закона, которое к тому же подлежит безотлагательному рассмотрению (а уже в течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме), тогда как представление, подаваемое в суд кассационной или надзорной инстанции, подлежит рассмотрению в порядке и сроки, которые установлены арбитражным процессуальным законодательством. <...> То есть опять роль представления не выражена явно как форма обращения в суд, а скорее подчеркивается его роль в устранении нарушений прав и законных интересов по результатам рассмотрения»³⁹.

Некоторый консенсус в дискуссию вносит точка зрения О. В. Смирновой, которая указывает, что обращение в суд с заявлением может являться *логическим продолжением мер прокурорского реагирования*, если они не возымели должного воздействия, а *может быть само-*

³³ Синельщикова Е. Ю., Ильяков А. Д. Меры прокурорского реагирования на нарушения законов о противодействии коррупции // Законность. 2019. № 8. С. 7–11.

³⁴ Ергашев Е. Р. Процессуальные и иные средства и акты прокурорского реагирования: правовая природа и проблемы правового регулирования // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 122–129.

³⁵ Амирбеков К. И., Магомедов М. А. Полномочия прокурора и их классификация // Юридический мир. 2016. № 2. С. 39.

³⁶ Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики : монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин [и др.]. М. : Русайнс, 2019.

³⁷ Прокурорский надзор : учебник : в 2 т. / под общ. ред. О. С. Капинус. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 155 (автор гл. 6 — А. Ю. Винокуров).

³⁸ Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики : монография.

³⁹ Кулик Т. Ю. Указ. соч. С. 12–15.

стоятельным средством устранения выявленного нарушения⁴⁰.

Необходимо отметить сущностную черту указанных правовых средств — непосредственность их воздействия на субъекта, который, по мнению прокурора, допустил нарушение. Это следует и из системного толкования норм гл. III Закона о прокуратуре, где различные акты прокурорского реагирования четко разграничены с правом на возбуждение прокурором судебного производства (например, ч. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре). Здесь можно говорить и о том, что при принятии акта прокурорского реагирования актором правоприменения является сам прокурор. При реализации им любых полномочий в рамках судебных производств единственным субъектом, применяющим нормы права, выступает суд, который может согласиться или не согласиться с позицией прокурора относительно применения нормы.

Таким образом, именовать процессуальные представления актами прокурорского реагирования неверно, поскольку представления, подаваемые прокурором в судопроизводстве, имеют иную правовую природу, чем представления об устранении нарушений законодательства, вносимые прокурором в рамках его надзорной деятельности в адрес поднадзорных субъектов.

В контексте различий между правовой природой актов прокурорского реагирования и процессуальных полномочий прокурора, реализуемых подачей соответствующих представлений, термином «акт прокурорского реагирования» целесообразнее именовать те правовые средства, которые закреплены в гл. III Закона о прокуратуре, посвященной надзорной деятельности прокуратуры, а применительно к правовым инструментам, закрепленным в разд. IV Закона о прокуратуре, регламентирующем вопросы участия прокурора в рассмотрении дел судами, такой термин является неподходящим. Участие прокурора в судопроизводстве не является надзорной деятельностью. Хотя имеют место ситуа-

ции, когда результаты надзорной деятельности становятся поводом для предъявления иска в суд, подача иска, равно как и инициирование судебной деятельности в иной процессуальной форме, включая подачу представления, не является актом прокурорского реагирования.

В контексте участия прокурора в рассмотрении дел судами проверочных инстанций значимым также является вопрос о том, **по каким делам прокурор вправе инициировать производство в судах проверочных инстанций.**

Не вызывает сомнений возможность прокурора инициировать пересмотр судебного акта по делу, в рассмотрении которого он участвовал в суде первой инстанции. Проблемы возникают по делам, в рассмотрении которых в суде первой инстанции прокурор не участвовал (не был привлечен к участию в деле). Причем это неучастие может быть обусловлено как тем, что участие прокурора не было предусмотрено — дело не относится к перечню тех, по которым участие прокурора в суде первой инстанции обязательно, оснований для вступления прокурора в процесс не было; так и тем, что в силу разных причин, в нарушение процессуального закона, прокурор не был привлечен к участию в деле, по которому его участие обязательно (так называемые дела обязательной категории).

В судебной практике существуют неоднозначные подходы к решению вопроса об отношении **конкретных дел к делам обязательной категории, то есть имеет место проблема квалификации требований.** Если прокурор не привлекается к участию в деле в связи с ошибочной квалификацией дела как не требующего его участия, ему бывает затруднительно инициировать пересмотр дела в тех случаях, когда он не был привлечен к участию в деле, не был извещен о возбуждении дела обязательной категории и дело было рассмотрено в его отсутствие, несмотря на п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, предполагающий безусловную отмену решения, постановленного в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в

⁴⁰ Смирнова О. В. Актуальные вопросы участия прокурора в суде по гражданским делам в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ // Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе. С. 136–140.

деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания⁴¹.

В данном случае речь идет не совсем о той ситуации, ясность в которую внес Пленум ВС РФ в абз. 3 п. 9 постановления от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» и в абз. 2 п. 5 постановления от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»⁴².

Проблема, о которой идет речь, касается не тех ситуаций, когда прокурор не был привлечен к участию в деле по оплошности, обусловленной стечением обстоятельств и человеческим фактором, а тех, где суд умышленно не привлек прокурора к участию в деле, поскольку не усмотрел законного повода. Нередко суды слишком формально квалифицируют исковые требования, руководствуясь лишь буквальным восприятием.

В судебной практике можно проследить частое непривлечение прокурора к участию в делах по искам о снятии с регистрационного учета, о прекращении права пользования жилым помещением и т.п., когда слово «выселение» напрямую не звучит, однако характер этих требований его предполагает. Так, в одном из определений Московского городского суда⁴³ отмечено, что указание в кассационной жалобе ответчика о том, что по делам о выселении обязательно участие прокурора, не является основанием для отмены обжалуемого судебного постановления. В апелляционном определении по другому делу⁴⁴ — по иску о прекращении права пользования и снятии с регистрационного

учета — суд указал, что «обязательное участие прокурора по данной категории спора законом не предусмотрено», тем самым отклонив довод о том, что решение было постановлено в отсутствие лица, подлежащего привлечению к участию в деле.

В целом судебная практика по этому вопросу складывается неоднозначно. Так, постановлением Президиума Оренбургского областного суда⁴⁵ дело возвращено на новое рассмотрение с указанием на необходимость привлечения прокурора к его рассмотрению; апелляционным определением Ленинградского областного суда⁴⁶ по представлению прокурора отменено определение суда первой инстанции, которым прокурору было отказано в восстановлении пропущенного ввиду неучастия в деле срока на подачу апелляционного представления.

При описанных разночтениях представляется актуальной постановка вопроса о том, чем должен руководствоваться суд — формой или содержанием. С точки зрения теории ответ кажется очевидным, однако пока судебная практика нуждается в унификации.

Вопрос о перечне дел обязательной категории обсуждается не только в контексте проблемы квалификации. В литературе высказываются предложения о расширении перечня дел, по которым требуется привлекать прокурора для дачи заключения по делу. Так, В. И. Торговченков указывает на практическую потребность дополнения перечня таких дел делами об установлении факта трудовых отношений⁴⁷.

Содержание перечня дел, по которым прокурор дает заключение (ст. 45 ГПК РФ), думается, может стать предметом самостоятельного исследования.

⁴¹ Ларионова О. Г. Указ. соч. С. 54–59.

⁴² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 8. С. 4–12.

⁴³ Определение Московского городского суда от 29.08.2019 № 4г-10913/2019 по делу № 2-10801/14.

⁴⁴ Определение Московского городского суда от 12.08.2019 по делу № 33-35259/2019.

⁴⁵ Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 02.04.2018 № 44г-33/2018.

⁴⁶ Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 13.03.2020 № 33-2162/2020.

⁴⁷ Торговченков В. И. Участие прокурора в делах об установлении факта трудовых отношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 10. С. 13–15 ; № 12. С. 3–5.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амирбеков К. И., Магомедов М. А. Полномочия прокурора и их классификация // Юридический мир. — 2016. — № 2. — С. 39–44.
2. Арсанукаева М. С. Некоторые проблемы унификации законодательства, регулирующего участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе // Юстиция. — 2016. — № 1. — С. 78–87.
3. Безрукавая Н. И. Предмет деятельности прокурора по участию в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. — 2018. — № 4. — С. 18–25.
4. Бессарабов В. Г. Прокурорский надзор : учебник. — М. : Проспект, 2006. — 535 с.
5. Вайпан В. А., Гладких С. Р. Новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Право и экономика. — 2002. — № 12. — С. 3–13.
6. Воробьев Т. Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2019. — 202 с.
7. Ергашев Е. Р. Процессуальные и иные средства и акты прокурорского реагирования: правовая природа и проблемы правового регулирования // Российский юридический журнал. — 2022. — № 2. — С. 122–129.
8. Ергашев Е. Р., Панкова А. А. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2020. — № 2. — С. 53–60.
9. Женетль С. З. Несогласованность некоторых норм в новых законах // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 9. — С. 42–44.
10. Жуйков В. М. ГПК РФ: порядок введения в действие // Российская юстиция. — 2003. — № 2. — С. 2–6.
11. Залюкова Г. И. Полномочия прокуроров различных уровней на обжалование незаконных судебных актов в апелляционном порядке // Законность. — 2013. — № 9. — С. 26–27.
12. Казарина Т. Н. Прокурор как субъект цивилистических процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации // Российский судья. — 2021. — № 2. — С. 3–6 ; № 3. — С. 6–10.
13. Ковалев А. А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами апелляционной инстанции // Право и политика. — 2021. — № 4. — С. 1–9. — DOI: 10.7256/2454-0706.2021.4.35399. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35399.
14. Кострова Н. М., Гаджиалиева Н. Ш. Участие прокурора в проверочных судебных инстанциях цивилистического процесса // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2018. — № 4. — С. 128–133.
15. Кулик Т. Ю. К вопросу о единстве терминологии, определяющей участие прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 11. — С. 12–15.
16. Ларионова О. Г. Процессуальные вопросы участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве (на примере судебной практики районных судов г. Москвы и Московского городского суда) // Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе : сборник материалов круглого стола (г. Москва, 26 октября 2018 г.) / под общ. ред. д-ра юрид. наук Н. В. Субановой ; сост. и науч. ред.: М. В. Маматов, О. В. Боброва. — М., 2018. — С. 54–59.
17. Маматов М. В., Кремнева Е. В. Расширение процессуальных полномочий прокуроров по противодействию незаконным финансовым операциям // Законность. — 2017. — № 12. — С. 13–17.
18. Панченко В. Ю., Макачук И. Ю. Представление как правовое средство // Законодательство и экономика. — 2014. — № 6. — С. 36–47.
19. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. — М. : Юрид. лит., 1968. — 395 с.

20. Прокурор в гражданском процессе : пособие для район. прокуроров / сост. С. М. Загорье и А. Б. Фриденштейн. — М. : Юриздат, 1941. — 64 с.
21. Прокурорский надзор : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под общ. ред. О. С. Капинус. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2019. — 210 с.
22. Сайфудинова А. А. К вопросу об участвующих в деле лицах как субъектах гражданских процессуальных отношений // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 1. — С. 17–21.
23. Симонова И. С., Соколов М. С. Правовые и организационные основы участия прокуроров в рассмотрении гражданских и административных дел апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 2. — С. 59–66.
24. Синельщикова Е. Ю., Ильяков А. Д. Меры прокурорского реагирования на нарушения законов о противодействии коррупции // Законность. — 2019. — № 8. — С. 7–11.
25. Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе. — М. : Статут, 2021. — 268 с.
26. Смагина Е. С. Проблемы расширения полномочий прокурора в цивилистическом процессе // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее : сборник докладов на II Международной научной конференции памяти М. К. Треушников. Москва, 9 февраля 2023 г. / под ред. В. В. Молчанова. — М., 2023. — 334 с.
27. Смирнова О. В. Актуальные вопросы участия прокурора в суде по гражданским делам в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ // Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе : сборник материалов круглого стола (г. Москва, 26 октября 2018 г.) / под общ. ред. д-ра юрид. наук Н. В. Субановой ; сост. и науч. ред.: М. В. Маматов, О. В. Боброва. — М., 2018. — С. 136–140.
28. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики : монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин [и др.]. — М. : Русайнс, 2019. — 268 с.
29. Токарева Е. В. Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. — СПб., 2014. — 215 с.
30. Торговченков В. И. Институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Законность. — 2015. — № 7. — С. 45–49.
31. Торговченков В. И. Участие прокурора в делах об установлении факта трудовых отношений // Арбитражный и гражданский процесс. — 2022. — № 10. — С. 13–15 ; № 12. — С. 3–5.
32. Туманова Л. В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2002. — 338 с.
33. Шобухин В. Ю. Полномочия прокурора: актуальные проблемы правового регулирования // Современное право. — 2013. — № 11. — С. 35–38.

Материал поступил в редакцию 23 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Amirbekov K. I., Magomedov M. A. Polnomochiya prokurora i ikh klassifikatsiya // Yuridicheskiy mir. — 2016. — № 2. — С. 39–44.
2. Arsanukaeva M. S. Nekotorye problemy unifikatsii zakonodatelstva, reguliruyushchego uchastie prokurora v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse // Yustitsiya. — 2016. — № 1. — С. 78–87.
3. Bezrukavaya N. I. Predmet deyatel'nosti prokurora po uchastiyu v rassmotrenii sudami del ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo. — 2018. — № 4. — С. 18–25.
4. Bessarabov V. G. Prokurorskiy nadzor: uchebnik. — М.: Prospekt, 2006. — 535 с.

5. Vaypan V. A., Gladkikh S. R. Novyy Grazhdanskiy protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii // Pravo i ekonomika. — 2002. — № 12. — S. 3–13.
6. Vorobev T. N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy uchastiya prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2019. — 202 s.
7. Ergashev E. R. Protssesualnye i inye sredstva i akty prokurorskogo reagirovaniya: pravovaya priroda i problemy pravovogo regulirovaniya // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2022. — № 2. — S. 122–129.
8. Ergashev E. R., Pankova A. A. Problemy uchastiya prokurora v rassmotrenii del arbitrazhnymi sudami // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu». — 2020. — № 2. — S. 53–60.
9. Zhenetl S. Z. Nesoglasovannost nekotorykh norm v novykh zakonakh // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2003. — № 9. — S. 42–44.
10. Zhuykov V. M. GPK RF: poryadok vvedeniya v deystvie // Rossiyskaya yustitsiya. — 2003. — № 2. — S. 2–6.
11. Zalyukova G. I. Polnomochiya prokurorov razlichnykh urovney na obzhalovanie nezakonnykh sudebnykh aktov v apellyatsionnom poryadke // Zakonnost. — 2013. — № 9. — S. 26–27.
12. Kazarina T. N. Prokuror kak subekt tsivilisticheskikh protsessualnykh pravootnosheniy v kontekste unifikatsii protsessualnogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskiy sudya. — 2021. — № 2. — S. 3–6; № 3. — S. 6–10.
13. Kovalev A. A. Uchastie prokurora v rassmotrenii grazhdanskikh del sudami apellyatsionnoy instantsii // Pravo i politika. — 2021. — № 4. — S. 1–9. — DOI: 10.7256/2454-0706.2021.4.35399. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35399.
14. Kostrova N. M., Gadzhialieva N. Sh. Uchastie prokurora v proverochnykh sudebnykh instantsiyakh tsivilisticheskogo protsessa // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2018. — № 4. — S. 128–133.
15. Kulik T. Yu. K voprosu o edinstve terminologii, opredelyayushchey uchastie prokurora v arbitrazhnom protsesse // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2017. — № 11. — S. 12–15.
16. Larionova O. G. Protssesualnye voprosy uchastiya prokurorov v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve (na primere sudebnoy praktiki rayonnykh sudov g. Moskvy i Moskovskogo gorodskogo suda) // Problemy realizatsii polnomochiy prokurora v grazhdanskom, administrativnom i arbitrazhnom protsesse: sbornik materialov kruglogo stola (g. Moskva, 26 oktyabrya 2018 g.) / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk N. V. Subanovoy; sost. i nauch. red.: M. V. Mamatov, O. V. Bobrova. — M., 2018. — S. 54–59.
17. Mamatov M. V., Kremneva E. V. Rasshirenie protsessualnykh polnomochiy prokurorov po protivodeystviyu nezakonnykh finansovym operatsiyam // Zakonnost. — 2017. — № 12. — S. 13–17.
18. Panchenko V. Yu., Makarchuk I. Yu. Predstavlenie kak pravovoe sredstvo // Zakonodatelstvo i ekonomika. — 2014. — № 6. — S. 36–47.
19. Perlov I. D. Kassatsionnoe proizvodstvo v sovetskom ugovnom protsesse. — M.: Yurid. lit., 1968. — 395 s.
20. Prokuror v grazhdanskom protsesse: posobie dlya rayon. prokurorov / sost. S. M. Zagore i A. B. Fridenshteyn. — M.: Yurizdat, 1941. — 64 s.
21. Prokurorskiy nadzor: uchebnik: v 2 t. T. 1: Obshchaya chast / pod obshch. red. O. S. Kapinus. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurayt, 2019. — 210 s.
22. Sayfudinova A. A. K voprosu ob uchastvuyushchikh v dele litsakh kak subektakh grazhdanskikh protsessualnykh otnosheniy // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2020. — № 1. — S. 17–21.
23. Simonova I. S., Sokolov M. S. Pravovy i organizatsionnye osnovy uchastiya prokurorov v rassmotrenii grazhdanskikh i administrativnykh del apellyatsionnymi i kassatsionnymi sudami obshchey yurisdiksii // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2022. — № 2. — S. 59–66.
24. Sinelshchikova E. Yu., Ilyakov A. D. Mery prokurorskogo reagirovaniya na narusheniya zakonov o protivodeystvii korruptsii // Zakonnost. — 2019. — № 8. — S. 7–11.
25. Smagina E. S. Uchastie gosudarstva v sovremennom tsivilisticheskom protsesse. — M.: Statut, 2021. — 268 s.
26. Smagina E. S. Problemy rasshireniya polnomochiy prokurora v tsivilisticheskom protsesse // Uchenie o grazhdanskom protsesse: nastoyashchee i budushchee: sbornik dokladov na II Mezhdunarodnoy nauchnoy

- konferentsii pamyati M. K. Treushnikova. Moskva, 9 fevralya 2023 g. / pod red. V. V. Molchanova. — M., 2023. — 334 s.
27. Smirnova O. V. Aktualnye voprosy uchastiya prokurora v sude po grazhdanskim delam v poryadke ch. 1 st. 45 GPK RF // Problemy realizatsii polnomochiy prokurora v grazhdanskom, administrativnom i arbitrazhnom protsesse: sbornik materialov kruglogo stola (g. Moskva, 26 oktyabrya 2018 g.) / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk N. V. Subanovoy; sost. i nauch. red.: M. V. Mamatov, O. V. Bobrova. — M., 2018. — S. 136–140.
 28. Sredstva prokurorskoj deyatel'nosti: problemy teorii i praktiki: monografiya / O. N. Korshunova, V. V. Lavrov, E. L. Nikitin [i dr.]. — M.: Rusayns, 2019. — 268 s.
 29. Tokareva E. V. Zashchita prokurorom publichnogo interesa v grazhdanskom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.15. — SPb., 2014. — 215 s.
 30. Torgovchenkov V. I. Institut uchastiya prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve // Zakonnost. — 2015. — № 7. — S. 45–49.
 31. Torgovchenkov V. I. Uchastie prokurora v delakh ob ustanovlenii fakta trudovykh otnosheniy // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2022. — № 10. — S. 13–15; № 12. — S. 3–5.
 32. Tumanova L. V. Zashchita publichno-pravovykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 2002. — 338 s.
 33. Shobukhin V. Yu. Polnomochiya prokurora: aktualnye problemy pravovogo regulirovaniya // Sovremennoe pravo. — 2013. — № 11. — S. 35–38.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.101-111

Б. А. Шахназаров*

Технологизация правовых решений в сфере международного торгового комплаенса

Аннотация. Современные технологии, и прежде всего информационные, играют существенную роль в навигации по сложному нормативному и организационному ландшафту соблюдения правил международной торговли и управления в системе международной торговли. Технологизация программ международного торгового комплаенса, программ внутреннего соответствия, процессы систематизации и автоматизации работы с базами данных должны разрабатываться и внедряться во всех организациях, занимающихся международной торговлей, как неотъемлемая часть ведения бизнеса, систематизации международных торговых операций. С учетом характера международных торговых операций и их даже минимальной связи с конкретными государствами, помимо четкой выработки программ соответствия международным стандартам торговых, таможенных операций, оправдан и дифференцированный подход к международному торговому комплаенсу, предполагающий учет нормативных требований отдельных государств и отдельный мониторинг соответствия требованиям государства, с которым отношение связано, а также дифференцированный предметный подход к комплаенс-процедурам в торговле с использованием различных программных инструментов мониторинга и обеспечения соответствия в условиях отсутствия в большинстве случаев именно детального международно-правового регулирования (на основе международных договоров) экспортно-импортных операций.

Ключевые слова: технологизация; автоматизация; международный торговый комплаенс; приведение в соответствие; базы данных; экспортные списки; экспорт; импорт; технологии; США; КНР.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Технологизация правовых решений в сфере международного торгового комплаенса // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 101–111. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.101-111.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шахназаров Б. А., 2024

* Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ben_raf@mail.ru

Technologization of Legal Solutions in the field of International Trade Compliance

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor
of the Department of International Private Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
ben_raf@mail.ru

Abstract. Modern technologies, and above all — information technologies, do play a significant role in navigating the complex regulatory and organizational landscape of compliance with international trade rules and management in the international trade system. The technologization of international trade compliance programs, internal compliance programs, the processes of systematization and automation of work with databases should be developed and implemented in all organizations engaged in international trade as an integral part of doing business and systematization of international trade operations. Taking into account the nature of international trade operations and their even minimal connection with specific States, in addition to clearly developing programs for compliance with international standards of trade and customs operations, the author substantiates a differentiated approach to international trade compliance, involving consideration of regulatory requirements of individual States and separate monitoring of compliance with the requirements of the State with which the relationship is associated. The author also dwells on a differentiated substantive approach to compliance procedures in trade using various software tools for monitoring and ensuring compliance in the absence, in most cases, of detailed international legal regulation (based on international treaties) of export-import operations.

Keywords: technologization; automation; international trade compliance; alignment; databases; export lists; export; import; technologies; USA; China.

Cite as: Shakhnazarov BA. Technologization of Legal Solutions in the field of International Trade Compliance. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):101-111. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.101-111.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Современные технологии, прежде всего информационные, играют существенную роль в навигации по сложному нормативному и организационному ландшафту соблюдения правил международной торговли и управления в системе международной торговли. Специализированные программные решения, разработанные для обеспечения соответствия требованиям отдельных национальных ведомств, такие как инструменты проверки соответствия требованиям OFAC (Управление по контролю за иностранными активами при Министерстве финансов США, занимающееся вопросами выявления финансовых операций, планированием и применением экономических и торговых санкций в целях обеспечения национальной

безопасности и внешней политики США) и классификационного номера экспортного контроля (ECCN), предлагают существенные преимущества за счет упрощения и оптимизации сложных торговых правил¹. Эти решения упрощают выполнение различных задач по обеспечению соответствия правилам глобальной торговли: от подготовки, систематизации и учета документов до мониторинга и анализа, обеспечивая точность, достоверность и эффективность.

Кроме того, крайне важно быть в курсе технологических достижений в области международного торгового комплаенса и конкретных программ его осуществления. Нормативно-правовая база международных торговых операций постоянно меняется, требуя от бизнеса адап-

¹ См.: Essential Guide to Global Trade Compliance and Regulation // URL: <https://www.gocomet.com/blog/essential-guide-to-global-trade-compliance-and-regulation/> (дата обращения: 05.02.2024).

тации и оперативности в принятии решений. Использование технологических инноваций позволяет компаниям активно реагировать на текущие и даже будущие вызовы международного торгового комплаенса. Например, информационные решения в области аналитики на основе искусственного интеллекта или систем на основе блокчейна предлагают расширенные возможности для мониторинга в реальном времени оценки рисков и обеспечения целостности трансграничных транзакций.

Понимая и используя эти развивающиеся технологические инструменты, организации могут не только оптимизировать свои текущие усилия по соблюдению требований, но и оставаться на шаг впереди, эффективно адаптируясь к будущим нормативным изменениям и вызовам глобальной торговли. Такой упреждающий подход позволяет предприятиям сохранять конкурентные преимущества, обеспечивая строгое соблюдение стандартов соответствия, предъявляемым к международной торговле требованиям.

Говоря об использовании технологий в комплаенсе, стоит отметить, что не существует унифицированных стандартов или единых интегрированных технологий, которые могли бы объединить усилия регуляторов и обеспечить широкое внедрение автоматизированных процессов обеспечения соответствия, что делает многие современные технические подходы, даже передовые и надежные, изолированными². Однако растущая вариативность наборов данных / информационных моделей реализации активов означает, что интеграция данных/инструментов теперь возможна и целесообразна в разных комплаенс-процедурах.

Кроме того, текущие решения в области автоматизированной проверки соответствия тради-

ционно фокусируются на оцифровке предложений и простых предложений в единый машинно исполняемый результат³.

Система международного торгового комплаенса становится более эффективной благодаря использованию автоматизации процессов обработки данных.

Независимо от сферы торговли, эффективно выстроенные с использованием информационных технологий процессы в сфере международного торгового комплаенса позволят получить значительно большее количество данных для анализа, использования и получения конкурентного преимуществ: эти данные должны быть тщательно обработаны, проанализированы и представлены надлежащим образом. Для этого требуется технология, достаточно оптимизированная, чтобы решить все эти проблемы, но достаточно простая в установке, использовании и обслуживании. Благодаря автоматизации процессов обработки и учета данных, организации смогут использовать свои операционные модели, что также позволит консультантам предоставлять значительно улучшенные услуги большему количеству клиентов, одновременно снижая административную нагрузку.

Компании — поставщики технологий становятся основой рынков капитала, создавая решения, которые способствуют дальнейшей автоматизации комплаенс-процессов, в том числе в финансовой сфере.

Облачные решения выходят за рамки классической автоматизации и уже используют передовые когнитивные вычисления на основе систем искусственного интеллекта, адаптивные алгоритмы, прогнозную аналитику для интерпретации новых правил и составления отчетов практически в реальном времени.

² См.: *Beach T., Yeung J., Nisbet N., Rezgui Y.* Digital approaches to construction compliance checking: Validating the suitability of an ecosystem approach to compliance checking // *Advanced Engineering Informatics*. 2024. Vol. 59. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1474034623004160> (дата обращения: 17.02.2024); *Noardo F., Guler D., Fauth J., Malacarne G., Mastrolemo Ventura S., Azenha M., Olsson P.-O., Senger L.* Unveiling the actual progress of Digital Building Permit: Getting awareness through a critical state of the art review // *Build. Environ.* 213 (2022). URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360132322001007> (дата обращения: 17.02.2024).

³ См.: *Preidel C., Borrmann A.* Towards code compliance checking on the basis of a visual programming language // *J. Inf. Technol. Constr. (ITcon)*. 21 (25) (2016). P. 402–421.

Технологические решения позволяют учитывать правила международной торговли на основе информации из нормативно-правовой базы, как правило, в рамках одной юрисдикции или на региональном уровне, обеспечивая дополнительную ясность и эффективность в том, как интерпретируется регулирование, как осуществляется управление в сфере соблюдения требований и как автоматизируется отчетность.

Еще одним технологическим решением проблем обеспечения соответствия правилам международной торговли являются интегрированные платформы.

В процессе осуществления международных торговых операций приходится иметь дело со многими различными поставщиками, удовлетворяя их различающиеся требования, что крайне проблематично выполнять большинству организаций: это слишком сложно, и различные решения часто нелегко интегрировать в единую систему. Интегрированные комплексные платформы от одного поставщика, охватывающие все необходимые функции, представляются здесь прогрессивным решением. Действительно, использование оптимальных решений в сфере обеспечения соответствия требованиям с точки зрения платформенных инструментов на протяжении всего жизненного цикла компании позволит оперативно моделировать новые опции в сфере международного торгового комплаенса и интегрировать сторонние источники с меньшими затратами.

С учетом необходимости оптимизации бюджетов, выделяемых на цикл процедур в сфере международных торговых операций, связанных с обеспечением соблюдения правил международной торговли, использование программного обеспечения, которое сводится к формированию платформенных решений, с помощью которых пользователи могут настраивать, конфигурировать и самостоятельно обслуживать свои уникальные потребности, будет приобретать всё большее значение. Такой вариант «приобретения для сборки» позволяет избежать первоначальных затрат на кодирование с нуля и затрат

на замену негибких поставщиков. Как представляется, здесь целесообразно использовать комплексные интегрированные платформы управления рисками и обеспечения соответствия требованиям с модульным подходом и специальной настройкой. Цифровые платформы, будучи основанными на настраиваемом программном обеспечении, могут быть предназначены и для автоматизации, регистрации и составления отчетов о соблюдении обязательств.

В контексте санкционной риторики важной частью международного торгового комплаенса представляется автоматизация и систематизация санкционных, анτισанкционных решений. Если российским компаниям работа с нормативными правовыми актами, в которых выражены анτισанкционные меры, понятна ввиду доступности российского нормативного ландшафта, то санкционные меры зарубежных государств требуют особого мониторинга и оценки. Так, Управление международной торговли США (как наиболее показательный пример страны со сложной системой управления санкциями в отношении России) рекомендует американским экспортерам рассмотреть возможность проведения комплексной проверки всех транзакций с участием России и российских юридических и физических лиц, принимая во внимание санкции, введенные против российского банковского и финансового сектора, которые значительно усложняют платежи, транспортировку и логистику, которые также усложнились отчасти из-за ограничений на воздушное и морское сообщение, а также санкции, введенные иными странами в отношении России⁴. Управление международной торговли США не предоставляет юридические консультации американским компаниям по вопросам санкций или экспортного контроля, а также не применяет санкции или экспортный контроль, однако американским экспортерам доступно множество информационных ресурсов правительства США, которые могут помочь компаниям провести комплексную проверку при рассмотрении возможностей в России. Например, Управление междуна-

⁴ См.: Sanctions and export controls on Russia // URL: <https://www.trade.gov/russia-sanctions-and-export-controls> (дата обращения: 07.02.2024).

ной торговли США модерирует сводный список скрининга, список сторон, в отношении которых правительство США установило ограничения на определенный экспорт, реэкспорт или передачу товаров.

Эти инструменты представляют собой объединение многочисленных списков проверки экспорта, составленных министерствами торговли, штата и казначейства, и могут использоваться в качестве вспомогательного инструмента при проведении электронных проверок потенциальных сторон регулируемых сделок.

Кроме того, необходимо принимать во внимание, что обязанности по соблюдению правил международной торговли включают: определение того, какое государственное учреждение имеет юрисдикцию в отношении искомых товаров; определение правильной классификации товара; определение того, требуется ли для экспортируемой продукции экспортная лицензия; обеспечение гарантии того обстоятельства, что контрагенты по международным торговым операциям не будут использовать поставляемые товары в незаконных целях. Систематизация работы по обеспечению выполнения такого рода обязанностей возможна с использованием и детальным анализом систем и других государственных органов.

Так, Бюро промышленности и безопасности (BIS) — орган Министерства торговли США, под юрисдикцией которого находится большинство товаров, экспортируемых из Соединенных Штатов, администрирует несколько инструментов, которые позволяют компаниям ориентироваться в экспортных правилах США, включая интерактивные инструменты обеспечения соблюдения экспортных требований⁵. Существует инструмент проверки Списка торгового контроля (CCL — перечень товаров и услуг, подлежащих экспортному контролю): если товары подпадают под юрисдикцию Министерства торговли США, ключом к классификации товаров является определение классификационного номера экспортного контроля (ECCN), ECCN перечислены в Списке торгового контроля, который является

дополнением № 1 к ч. 774 EAR (Правил администрирования экспорта).

Инструмент принятия решения о порядке проверки Списка торгового контроля позволяет понять, какие шаги необходимы для классификации товара, чтобы не допустить ошибку, которая может привести к штрафам и пеням.

Кроме того, при экспорно-импортных операциях, связанных с США, можно использовать инструменты принятия решений, позволяющие установить, является ли товар «специально созданным» в соответствии с Правилами администрирования экспорта (EAR). Термин «специально созданный товар» был введен для того, чтобы создать своего рода стандарт, общий для Правил администрирования экспорта (EAR) и Правил международной торговли оружием (ITAR), хотя небольшие различия в формулировках делают определение специфичным для EAR или ITAR.

Еще одним вспомогательным механизмом представляется программный инструмент обеспечения соответствия стратегическому торговому разрешению (STA). Он позволяет определить, соответствует ли товар конкретному лицензионному исключению STA, а также понять, готова ли компания выполнять требования соответствия этому лицензионному исключению. Этот инструмент разрешает экспорт, реэкспорт и передачу (внутри страны), включая выпуск в пределах одной страны исходного кода программного обеспечения и технологий иностранным гражданам вместо лицензии, которая в противном случае потребовалась бы в соответствии с п. 742 Правил администрирования экспорта (EAR). Список исключений из лицензии может меняться, поэтому роль комплаенс-процедур здесь особо значима.

Кроме того, для целей реэкспорта, международной торговли товарами, не происходящими из США, целесообразно использовать и программные решения, позволяющие определить, подпадает ли под действие Правил администрирования экспорта (EAR) товар, произведенный не в США, если он находится за пределами США.

⁵ См.: *Noah D.* 6 BIS Tools to Help with Export Compliance Responsibilities // URL: <https://www.shippingsolutions.com/blog/6-bis-tools-to-help-with-export-compliance-responsibilities> (дата обращения: 09.02.2024).

Скрининговые инструменты важны для оценки и анализа списка потенциальных сторон, с которыми может быть запрещено вести торговые отношения. Если юридическое или физическое лицо из списка — сторона, потенциально участвующая в экспортной сделке, необходимо предпринять дополнительные меры и провести комплексную проверку, прежде чем продолжить транзакцию.

В рамках соответствующих процедур проводятся ограничительные (санкционные) списки США, основные из которых будут рассмотрены ниже.

Прежде всего стоит отметить Список специально обозначенных граждан и заблокированных лиц (Specially Designated Nationals List, SDN) — список лиц и компаний, происходящих из определенных подсанкционных государств или контролируемых подсанкционными государствами, а также действующих от их имени или в их интересах. Список администрируется Управлением по контролю за иностранными активами (OFAC, Office of Foreign Assets Control) Министерства финансов США. В этот список также включаются отдельные лица, группы лиц и организации, такие как террористы и торговцы наркотиками, включенные в программы, неспецифичные для конкретной страны. В совокупности такие лица и компании называются «специально обозначенными гражданами», их активы блокируются, а гражданам США обычно запрещено вступать с ними в правоотношения.

Рассмотрению также подлежат Список исключенных лиц (Denied Persons List, DPL) — список юридических и физических лиц, которым запрещен экспорт для американских компаний; Список по нераспространению (Nonproliferation Sanctions) — санкционный список иностранных физических, юридических лиц и правительств, которые участвуют в деятельности по распространению оружия массового уничтожения; Список запрещенных лиц AECA (AECA Debarred List) — перечень физических и юридических лиц, которым запрещено прямо или косвенно участвовать в экспорте оборонной продукции, включая технические данные и оборонные услуги.

Отдельно стоит отметить Неверифицированный список (Unverified List, UVL) — список

торговых ограничений, опубликованный Бюро промышленности и безопасности (BIS) Министерства торговли США, в который входят иностранные лица, организации или правительства. Включение в Неверифицированный список не рассматривается как мера ответственности и не позиционируется как наказание субъекта за нарушение нормативных требований. Иностранные лица, которые являются сторонами экспорта, реэкспорта и передачи (внутри страны), подпадающей под действие Правил администрирования экспорта EAR, могут быть добавлены в Неверифицированный список, если BIS или федеральные должностные лица, действующие от его имени, не могут проверить добросовестность таких лиц (законность и надежность в отношении конечного использования и конечного пользователя товаров, подпадающих под действие EAR), поскольку проверка конечного использования, такие как предлицензионная проверка (PLC) или проверка после отгрузки (PSV), не может быть объективно завершена по причинам, не зависящим от правительства США.

Кроме того, проверяется Список субъектов (Entity List). Положения об экспортном контроле (EAR) содержат указание на Список субъектов — перечень наименований иностранных лиц, включая предприятия, исследовательские институты, государственные и частные организации, физических лиц и различные виды юридических лиц, к которым применяются особые лицензионные требования для экспорта, реэкспорта или передачи (внутри страны) определенных товаров. Список субъектов содержится в Дополнении № 4 к п. 744 EAR. В индивидуальном порядке на лиц, включенных в Список субъектов, распространяются лицензионные требования и правила, дополняющие те, которые существуют в других частях EAR.

Отдельное внимание в контексте антиросийских санкций необходимо уделять анализу Списка секторальных санкций (Sectoral Sanctions Identifications, SSI). Управление по контролю за иностранными активами публикует список лиц, работающих в секторах российской экономики, определенных Министром финансов в соответствии с указом № 13662. В положениях,

включенных в список, описываются запреты на взаимодействие с указанными лицами.

Необходимо также проверять список иностранных лиц, уклоняющихся от санкций (Foreign Sanctions Evaders, FSE). Управление по контролю за иностранными активами публикует список иностранных физических и юридических лиц, признанных нарушившими, пытавшимися нарушить, сговорившимися с целью нарушения или вызвавшими нарушение санкций США в отношении Сирии или Ирана. В нем также перечислены иностранные лица, которые способствовали мошенническим сделкам в пользу или от имени лиц, подвергшихся санкциям США. В совокупности таких лиц и компании называют «иностранными уклонистами от санкций», или FSE. Сделки лиц из США или внутри Соединенных Штатов с участием FSE запрещены.

Еще одним релевантным перечнем представляется Список лиц, относящихся к Палестинскому законодательному совету (Palestinian Legislative Council, PLC List). Управление по контролю за иностранными активами администрирует данный список в отношении лиц, которые идентифицированы как члены Палестинского законодательного совета. Финансовым учреждениям разрешается отклонять сделки с членами Палестинского законодательного совета, которые были избраны в него по партийному списку ХАМАС или иностранной террористической организации (FTO), специально обозначенными террористами (SDT) или специально обозначенными мировыми террористами (SDGT), при условии, что имена таких лиц не включены в список граждан особых категорий и заблокированных лиц OFAC (Список SDN).

В финансовом контексте стоит отметить Список иностранных финансовых учреждений, к которым применяются санкции в отношении корреспондентских или транзитных счетов (The List of Foreign Financial Institutions Subject to Correspondent Account or Payable-Through Account Sanctions CAPTA).

Соответствующий список, администрируемый Управлением по контролю за иностранными активами, разработан как справочный инструмент, предоставляющий фактическое уве-

домление о действиях Управления в отношении иностранных финансовых учреждений (FFI), для которых открытие или ведение корреспондентского счета или транзитного счета запрещено, либо подлежит одному или нескольким ограничениям, либо возможно при соблюдении ряда строгих условий. При установлении того, что FFI соответствует одному или нескольким критериям, могут быть наложены соответствующие ограничения, включая запрет на открытие или ведение корреспондентского счета или транзитного счета для такого FFI. После введения запретов или строгих условий Управление включает наименование и иные реквизиты FFI в список CAPTA. В этом списке также указываются применимые запреты или строгие условия, которые предъявляются финансовому учреждению для открытия или ведения корреспондентского или транзитного счета.

На программном уровне реализованы также решения по использованию, интеграции модуля аудита Программы управления экспортом и соблюдения требований (EMCP) как инструмента самоанализа, который помогает создать такую Программу (план). Для того чтобы гарантировать, что решения об экспорте, реэкспорте, трансферу соответствуют правилам экспортного контроля, компаниям настоятельно рекомендуется разработать ряд официальных письменных политик и процедур — Руководство по программе управления экспортом и соблюдением требований (EMCP), которое обеспечит достаточные гарантии на каждом ключевом этапе управления цепочкой поставок для защиты от рисков продажи конфиденциальных технологий или технологий двойного назначения неавторизованным сторонам или от несанкционированной деятельности. Политики и процедуры должны применяться во всей структуре компании, включая любые подразделения и дочерние компании, а также поэтапно охватывать каждый из ключевых элементов EMCP.

Отдельного внимания в условиях трансформации современных геополитических процессов в контексте роста объема торговли российских компаний с китайскими, заслуживают правовые основы КНР в сфере торговых отношений.

Китай придает большое значение сбору информации и анализу статистики нарушений⁶. Основная информация о вовлеченных компаниях интегрирована с описаниями случаев посредством использования информационных технологий. Чтобы повысить правоприменительный потенциал, правоохранительные органы регулярно обучают правоприменителей законам и правилам экспортного контроля, а также навыкам выявления нарушений и правоприменения.

Китай привержен развитию систем соблюдения экспортного контроля. Основываясь на принципе действий под руководством правительства, бизнеса и скоординированных действий, Китай добился заметного прогресса в построении систем соблюдения экспортного контроля за счет консолидации правовых основ, совершенствования политических рамок и инвестиций в технологии, рекламу и обучение.

Так, в 2021 г. Министерство торговли запустило платформу информационных услуг по экспортному контролю для предоставления более качественных рекомендаций и услуг. Китайское правительство предоставляет рекомендации бизнес-ассоциациям, торговым палатам, посредническим агентствам, экспертам и аналитическим центрам, помогая им изучать экспортный контроль, предоставлять консультации и играть активную роль в соблюдении экспортного законодательства, в том числе посредством специальных технических средств и приложений.

Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, а также крупнейшим торговцем и производителем товаров, Китай всегда был привержен принципу защиты национальной безопасности, мира во всем мире и региональной безопасности путем постоянного совершенствования управления экспортным контролем. Руководствуясь идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, Китай придерживается целостного подхода к

национальной безопасности и предпринимает более активные шаги по интеграции в процесс экономической глобализации.

Система экспортного контроля в материковом Китае представляет собой набор правил, предназначенных для ограничения экспорта конкретных товаров в целях выполнения требований нераспространения и других международных обязательств, поддержания национальной безопасности и защиты интересов развития, гарантируя, что конкретные контролируемые товары не будут использованы в неоговоренных целях или неавторизованным пользователям⁷. Система включает в себя различные правовые основы, среди которых Закон об экспортном контроле, Закон о внешней торговле и положения, касающиеся запрета и ограничения импорта и экспорта технологий. В дополнение к Закону об экспортном контроле, Закон Китая о внешней торговле, Закон о национальной безопасности, Закон о безопасности данных, Закон о ядерной безопасности, Таможенный кодекс, Закон об административном лицензировании, Административный кодекс и Уголовный кодекс также обеспечивают прочную правовую основу для обеспечения соблюдения экспортного контроля.

В соответствии с Законом об экспортном контроле, Законом о внешней торговле и соответствующими экспортными положениями, экспортеры должны получить китайские экспортные лицензии от компетентных органов для экспорта контролируемых КНР товаров и технологий или временно контролируемых товаров и технологий, перечисленных в списках контролируемых товаров.

Считается, что товары, не включенные в списки контролируемых товаров, и товары, которые не идентифицированы как временно контролируемые товары, о которых экспортерам известно или должно быть известно или о которых было уведомлено органами государственного

⁶ China's Export Controls. BEIJING — The State Council Information Office of the People's Republic of China published a white paper titled «China's Export Controls» on Dec. 29 2021 // URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202112/29/content_WS61cc01b8c6d09c94e48a2df0.html (дата обращения: 17.02.2024).

⁷ См.: Mengyun Q., Xiaoxi H. China's export control system and tips for compliance // URL: <https://law.asia/china-export-control-system/> (дата обращения: 10.02.2024).

экспортного контроля, могут представлять риск создания угрозы национальной безопасности и интересам; могут использоваться при проектировании, разработке, производстве или использовании оружия массового поражения и средств его доставки или использоваться в террористических целях. В этих случаях экспортерам также следует получить экспортные лицензии от органов государственного экспортного контроля на экспорт этих товаров.

При принятии решения о том, является ли товар товаром, контролируемым КНР, экспортеры могут обращаться к следующим спискам: Список контроля за экспортом вооружений; Список (каталог) товаров и технологий двойного назначения, на которые распространяется действие лицензий на импорт и экспорт, и Список (каталог) технологий, экспорт которых запрещен или ограничен.

Помимо вышеуказанных списков, отдельные позиции контролируются письмами или постановлениями. Например, о мерах по контролю за экспортом перхлората калия и водометов высокого давления отдельно было объявлено в письме Министерства торговли (MOFCOM) и Главного таможенного управления.

Что касается лицензий на экспорт, то для экспорта товаров, включенных в Список контроля за экспортом вооружений, экспортер должен получить лицензию на экспорт оружия от Центральной комиссии по науке и технологиям и Департамента разработки оборудования Министерства национальной обороны КНР. Для экспорта товаров, перечисленных в Списке экспорта товаров и технологий двойного назначения, экспортер должен получить лицензию в соответствующем департаменте Министерства торговли. Для экспорта технологий, в отношении которых распространяются ограничения по Списку (Каталогу) технологий, экспорт которых запрещен или ограничен, экспортеру необходимо получить лицензию на экспорт технологий в отделе внешнеэкономической и торговой деятельности Государственного совета КНР. В декабре 2023 г. Министерство торговли Китая выпустило уведомление о внесении изменений в Каталог технологий, экспорт которых из Китая запрещен или ограничен. Пересмотр

был инициирован в соответствии с Законом о внешней торговле Китайской Народной Республики и Положением об управлении импортом и экспортом технологий Китайской Народной Республики. Пересмотр включал удаление 34 технологий, модификацию 37 и добавление 4 новых технологий. Пересмотренный Каталог теперь включает 134 позиции, 24 из которых строго запрещены к экспорту, а экспорт остальных ограничен. 9 января 2024 г. Министерство торговли Китая опубликовало новую версию Руководства по процедурам, связанным с лицензиями на импорт и экспорт технологий (именуемого «Процедурные инструкции»). В новом документе кратко разъясняются процедуры, которым должны следовать предприятия при получении лицензий на импорт и экспорт технологий, которые запрещены или ограничены законом.

Говоря об использовании экспортируемых товаров и конечных пользователей, стоит отметить, что Закон об экспортном контроле КНР ограничивает конечных пользователей и конечное использование товаров, контролируемых КНР.

Для того чтобы подать заявку на экспортную лицензию, экспортеру необходимо предоставить в органы государственного экспортного контроля документы, указывающие на конечного пользователя и раскрывающие конечное использование контролируемых товаров КНР. Такие документы должны быть выданы соответствующим правительством страны или региона, где находится конечный пользователь. Конечный пользователь обязуется не менять конечное использование товаров, контролируемых КНР, и не передавать их третьим лицам без согласия органов государственного экспортного контроля.

Как экспортер, так и импортер обязаны сообщать органам экспортного контроля в случае обнаружения, что конечный пользователь или конечное использование контролируемых товаров КНР может быть изменено. Кроме того, экспортерам рекомендуется регулярно проверять, включены ли они или их конечные пользователи в Список контроля, Список ненадежных организаций, Список контрмер или решений по

отдельным санкциям (китайские списки организаций). Китайским экспортерам также рекомендуется не проводить операции с компаниями и конечными пользователями, указанными в данных списках.

Согласно Закону об экспортном контроле, если экспортер не может определить, находится ли экспорт товаров, технологий или услуг под ограничением, он может подать запрос в органы экспортного контроля для разъяснений.

Для экспортеров соблюдение китайских законов и правил экспортного контроля является важнейшим аспектом международных сделок. Здесь можно выделить следующие траектории международного торгового комплаенса. Прежде всего это внедрение надежных процессов комплексной проверки экспортных операций для определения того, попадают ли товары, технологии или услуги в списки контролируемых товаров; обеспечение получения всех необходимых экспортных лицензий перед отправкой любых контролируемых товаров и регулярные проверки лицензионных требований; регулярные проверки корректности классифиций товаров и технологий в соответствии со списками контролируемых товаров КНР; разработка и поддержка программы внутреннего соответствия, в которой описываются процедуры соблюдения экспортного контроля, включая аудит и ведение учета; обеспечение регулярного обучения сотрудников правилам экспортного контроля и процедурам внутреннего контроля; мониторинг внутренних и международных изменений в правилах экспортного контроля с целью последующих корректировок программы соответствия; проведение периодической оценки рисков соблюдения экспортного контроля и внедрение стратегии управления

рисками; ведение детального учета экспортных операций, лицензионной документации и мер комплексной проверки в соответствии с требованиями китайского законодательства.

Резюмируя анализ особенностей процедур международного торгового комплаенса в современных условиях, в том числе на примере правовых подходов к экспортно-импортным операциям в таких ключевых с точки зрения объемов международной торговли государствах, как США и КНР, стоит заключить, что технологизация программ международного торгового комплаенса, программ внутреннего соответствия, процессы систематизации и автоматизации работы с базами данных должны разрабатываться и внедряться во всех организациях, занимающихся международной торговлей, как неотъемлемая часть ведения бизнеса, систематизации международных торговых операций. С учетом характера международных торговых операций и их даже минимальной связи с конкретными государствами, помимо четкой выработки программ соответствия международным стандартам торговых, таможенных операций, оправдан и дифференцированный подход к международному торговому комплаенсу, предполагающий учет нормативных требований отдельных государств и отдельный мониторинг соответствия требованиям государства, с которым отношение связано, а также дифференцированный предметный подход к комплаенс-процедурам в торговле с использованием различных программных инструментов мониторинга и обеспечения соответствия в условиях отсутствия в большинстве случаев именно детального международно-правового регулирования (на основе международных договоров) экспортно-импортных операций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Beach T., Yeung J., Nisbet N., Rezgui Y. Digital approaches to construction compliance checking: Validating the suitability of an ecosystem approach to compliance checking // *Advanced Engineering Informatics*. — 2024. — Vol. 59. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1474034623004160> (дата обращения: 17.02.2024).
2. Essential Guide to Global Trade Compliance and Regulation // URL: <https://www.gocomet.com/blog/essential-guide-to-global-trade-compliance-and-regulation/> (дата обращения: 05.02.2024).

3. Mengyun Q., Xiaoxi H. China's export control system and tips for compliance // URL: <https://law.asia/china-export-control-system/> (дата обращения: 10.02.2024).
4. Noah D. 6 BIS Tools to Help with Export Compliance Responsibilities // URL: <https://www.shippingsolutions.com/blog/6-bis-tools-to-help-with-export-compliance-responsibilities> (дата обращения: 09.02.2024).
5. Noardo F., Guler D., Fauth J., Malacarne G., Mastrolemba Ventura S., Azenha M., Olsson P.-O., Senger L. Unveiling the actual progress of Digital Building Permit: Getting awareness through a critical state of the art review // Build. Environ. — 213 (2022). — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360132322001007> (дата обращения: 17.02.2024).
6. Preidel C., Borrmann A. Towards code compliance checking on the basis of a visual programming language // J. Inf. Technol. Constr. (ITcon). — 21 (25) (2016). — P. 402–421.
7. Sanctions and export controls on Russia. — URL: <https://www.trade.gov/russia-sanctions-and-export-controls> (дата обращения: 07.02.2024).

Материал поступил в редакцию 18 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Beach T., Yeung J., Nisbet N., Rezgui Y. Digital approaches to construction compliance checking: Validating the suitability of an ecosystem approach to compliance checking // Advanced Engineering Informatics. — 2024. — Vol. 59. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1474034623004160> (дата обращения: 17.02.2024).
2. Essential Guide to Global Trade Compliance and Regulation // URL: <https://www.gocomet.com/blog/essential-guide-to-global-trade-compliance-and-regulation/> (дата обращения: 05.02.2024).
3. Mengyun Q., Xiaoxi H. China's export control system and tips for compliance // URL: <https://law.asia/china-export-control-system/> (дата обращения: 10.02.2024).
4. Noah D. 6 BIS Tools to Help with Export Compliance Responsibilities // URL: <https://www.shippingsolutions.com/blog/6-bis-tools-to-help-with-export-compliance-responsibilities> (дата обращения: 09.02.2024).
5. Noardo F., Guler D., Fauth J., Malacarne G., Mastrolemba Ventura S., Azenha M., Olsson P.-O., Senger L. Unveiling the actual progress of Digital Building Permit: Getting awareness through a critical state of the art review // Build. Environ. — 213 (2022). — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360132322001007> (дата обращения: 17.02.2024).
6. Preidel C., Borrmann A. Towards code compliance checking on the basis of a visual programming language // J. Inf. Technol. Constr. (ITcon). — 21 (25) (2016). — P. 402–421.
7. Sanctions and export controls on Russia. — URL: <https://www.trade.gov/russia-sanctions-and-export-controls> (дата обращения: 07.02.2024).

Принцип разумной достаточности в инвестиционном праве

Аннотация. Статья посвящена раскрытию сущности принципа разумной достаточности и возможности его использования в качестве одного из специальных принципов инвестиционного права. Для обоснования эффективности и необходимости применения принципа разумной достаточности в инвестиционном праве применен метод анализа от общего к частному. В первой части работы проанализированы общие подходы к пониманию правовых принципов, а также приведены основные позиции по вопросу соотношения правовых принципов с законодательством. Затем на примере конкретных отраслей права путем реализации компаративистского подхода выведены особенности применения принципа разумной достаточности в каждой из них. Автором сделаны выводы об отсутствии в настоящее время структурного и единообразного применения принципа разумной достаточности в праве, в связи с чем обоснована возможность использования принципа разумной достаточности именно в рамках инвестиционного права в связи со спецификой правоотношений между инвестором и реципиентом инвестиций при осуществлении инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционное право; правовой принцип; достаточность; инвестиционные правоотношения; бюджетные инвестиции; инвестиционная деятельность; инвестиционный проект; вложения; привлечение инвестиций.

Для цитирования: Сухарева Е. Г. Принцип разумной достаточности в инвестиционном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 112–121. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.112-121.

ALARP Principle in Investment Law

Elizaveta G. Sukhareva, Postgraduate Student, Department of Commercial Law,
St. Petersburg State University, Sankt-Petersburg, Russian Federation
esukhareva891@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to revealing the essence of the ALARP (as low as reasonably practicable) principle and the possibility of its use as one of the special principles in investment law. To substantiate the effectiveness and necessity of applying this principle in investment law, a method of analysis from the general to the specific is used. The first part of the paper analyzes general approaches to understanding legal principles, and presents the main positions on the issue of the relationship between legal principles and legislation. Then, using the example of specific branches of law, through the implementation of a comparative approach, the features of the application of the ALARP principle in each of them are derived. The author concludes that there is currently no structural and uniform application of this principle in law, and therefore the possibility of using it within the framework of

© Сухарева Е. Г., 2024

* Сухарева Елизавета Германовна, аспирант кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета
22-я Линия Васильевского острова, д. 7, г. Санкт-Петербург, Россия, 199106
esukhareva891@gmail.com

investment law is justified in connection with the specifics of the legal relationship between the investor and the investment recipient when carrying out investment activities.

Keywords: investment; investment law; legal principle; reasonableness; investment legal relations; budget investments; investment activities; investment project; commitment; fund raising.

Cite as: Sukhareva EG. ALARP Principle in Investment Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):112-121. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.112-121.

Значение и понимание правовых принципов чрезвычайно важно при изучении и формировании представления о каком-либо правовом явлении или отрасли права, поскольку принципы являются базовым понятием при определении той или иной правовой категории.

В общем (философском) смысле принцип определяется как центральное понятие, основание системы, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован¹.

Что касается правовых принципов или принципов как правовой категории, то они, с одной стороны, являются общими нормами, действующими во всей сфере правового регулирования, отражающими закономерности развития правовых систем, а с другой стороны, вытекают из общего смысла законов². Разность подходов к пониманию правовых принципов неизбежно порождает дискуссию о том, что же первично: принципы права, на которых должно строиться нормативно-правовое регулирование, или законодательство по отношению к правовым принципам, которые должны базироваться на выраженном в объективной форме нормативно-правовом фундаменте? Иными словами, могут ли правовые принципы быть сформированы в отрыве от законодательного регулирования той или иной правовой категории, или придание принципам права статуса нормы права является обязательным?

С одной стороны, в юридической науке принципы права рассматриваются как некие общие идеи, и придание им статуса правовой нормы вовсе не обязательно. Большинство ученых признают за принципами права особую роль в правовом регулировании, а ряд исследователей предлагают не отождествлять принципы и нормы права, поскольку принципы права сохраняют свое значение даже без их нормативного закрепления в законодательных актах³. В. П. Грибанов, например, отмечает, что отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию принципа права⁴. С этой позиции принципы права воспринимаются как базовые постулаты, которым не обязательно письменное (формальное) закрепление и на которые нанизываются правовые нормы, регулирующие отдельные сферы и правоотношения в той или иной области.

С. С. Алексеев понимает принципы как выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни⁵.

Конституционный Суд РФ однозначно признает принципы права в качестве норм права и отмечает, что общепризнанные принципы права обладают высшей степенью нормативной обобщенности, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких прин-

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова ; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солодухин. М., 2009. С. 543.

² Климова А. Н. Принципы гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2005. С. 54.

³ Иванов О. В. Принципы объективной истины в советском гражданском процессе. М., 1964. С. 8.

⁴ Грибанов В. П. Принципы осуществления гражданских прав // Вестник МГУ. Серия «Право». 1966. № 3. С. 12.

⁵ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия : Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000. С. 102–103.

ципов состоит как в их приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на всех субъектов права⁶. С этой точки зрения принципам права придается институционализированный характер, закрепляющий понимание принципов в качестве определенных общественных установлений и норм.

Высказывается и более нейтральная позиция о том, что под принципами права следует понимать правовые нормы общего характера, обладающие высоким уровнем абстракции, отражающие такие сущностные свойства права, как свобода, формальное равенство и справедливость. Принципы права в силу их общего содержания не могут непосредственно урегулировать общественные отношения, они не устанавливают конкретное правило поведения. Но именно принципы права являются основой для формулирования других правовых норм, действующих в тех или иных ситуациях⁷.

Интересным представляется также определение принципов права в качестве системы координат, которая позволяет оценить то или иное законодательное установление с точки зрения его соответствия праву в целом⁸.

Несмотря на разность подходов к пониманию сущности правовых принципов, их наличие или отсутствие является одним из основополагающих критериев для выделения определенной области знаний в отрасль права. Наличие или отсутствие собственной системы принципов является для исследователей краеугольным

камнем в вопросе об отнесении инвестиционного права к самостоятельной отрасли права⁹.

Что касается принципов инвестиционного права, то, как отмечает О. Ю. Скворцов, принципы инвестиционного права являются основными началами законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность. Они обеспечивают функционирование всей системы нормативного регулирования инвестиционной деятельности. Эта система должна быть логически непротиворечивой, последовательной. Принципы должны коррелировать между собой, а в своей совокупности — обеспечивать стабильность системы инвестиционного права, целостность и согласованность ее внутренних элементов¹⁰.

На сегодняшний день в доктрине не сложилось единого подхода к определению системы принципов инвестиционного права как ввиду отсутствия единого кодифицированного акта, регулирующего инвестиционную деятельность и правоотношения в сфере инвестирования, так и ввиду наличия противоположных позиций о роли и месте инвестиционного права в правовой системе РФ.

Представляется обоснованной позиция С. П. Мороз, которая отмечает, что в инвестиционном праве есть основные (общеотраслевые) принципы, охватывающие все институты инвестиционного права, и другие (внутриотраслевые) принципы, которые характерны для одного или нескольких институтов инвестиционного права¹¹. О необходимости применения специальных принципов к регулированию инве-

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда РФ, регулирующих данные вопросы» (п. 1 мотивировочной части) // Ведомости Верховного Совета РФ. 1993. № 14. Ст. 508.

⁷ Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2009. № 4. С. 10.

⁸ Персиков В. П. Принципы гражданского права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник магистратуры. 2014. № 5-2 (32). С. 54.

⁹ Фархутдинов И. З., Трапезников В. А. Инвестиционное право : учеб.-практ. пособие. М., 2006. С. 15.

¹⁰ Скворцов О. Ю. Формирование конкурентной среды как принцип инвестиционной политики // Конкурентное право. 2022. № 3. С. 27.

¹¹ Мороз С. П. Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Алматы : Бастау, 2010. С. 36–37.

стиционных отношений также пишет Н. В. Лисица, указывая, что инвестиционные отношения требуют специального целостного правового регулирования посредством применения *специальных принципов*, правовых средств и форм, способов юридического воздействия, обеспечивающих необходимое сочетание таких норм¹². Аналогичной точки зрения придерживается И. В. Ершова, которая полагает, что перед наукой встает задача создания единой системы принципов инвестиционного права, на основе которых должно развиваться инвестиционное законодательство¹³.

Одним из принципов инвестиционного права предлагается выделить и сформировать принцип разумной достаточности при осуществлении инвестиционной деятельности. Данный принцип не является новым для российской правовой системы и упоминается в различных отраслях права, как в доктрине, так и в правоприменительной практике. Вместе с тем в науке инвестиционного права он приобретает совершенно иную коннотацию, в отличие от остальных сфер его применения.

Если обратиться к применению рассматриваемого принципа за пределами инвестиционного права, то можно привести несколько примеров трактовки, демонстрирующих широту и вариативность его применения. Однако сразу необходимо отметить, что данный принцип не является сугубо правовым и был заимствован правоведами из социологической теории разумной достаточности, которая связывается с именем Герберта Саймона¹⁴, предложившего использовать данную теорию для объяснения процессов принятия решений человеком и механизма совершения выбора той или иной модели поведения.

Анализируя имплементацию данного принципа из социологии в право, интересно привести пример, как один и тот же принцип по-разному трактуется и используется в деятельности одного и того же органа судебной власти — Конституционного Суда РФ. С одной стороны, по мнению Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина¹⁵, принцип разумной достаточности при принятии решений Конституционным Судом состоит в том, что Суд не должен фактически формулировать (определяя пределы сохранения в правовом поле) правило конституционного права шире, чем того требуют факты и обстоятельства, к которым оно будет применено, но в то же время не должен его формулировать и уже. В. Д. Зорькин подчеркнул, что принцип разумной достаточности пронизывает всю деятельность Конституционного Суда РФ, то есть является по отношению к Конституционному Суду принципом общего действия, наряду с такими принципами, как гласность, коллегиальность, независимость. С другой стороны, в соответствии с Регламентом Конституционного Суда принцип разумной достаточности применительно к его деятельности трактуется более узко и упоминается в следующем контексте: размер подлежащих возмещению судебных расходов определяется Конституционным Судом в каждом конкретном случае в соответствии с законодательством и исходя из принципа разумной достаточности¹⁶. То есть в данном случае принцип разумной достаточности фактически выводится из состава общих принципов и переводится в статус специальных принципов, применяемых только в области рассмотрения вопросов о распределении судебных расходов при осуществлении конституционного правосудия. Оценка такого расхождения в применении прин-

¹² Лисица В. Н. О совершенствовании инвестиционного законодательства Российской Федерации в условиях модернизации и глобализации // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 15–17.

¹³ Ершова И. В. Система правового регулирования российских инвестиций за рубежом // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 4. С. 16–20.

¹⁴ Simon H. A. Models of Man. New York : Wiley, 1957.

¹⁵ Зорькин В. Д. Принцип разделения властей в деятельности Конституционного Суда РФ // Конституционное правосудие : Вестник конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3. С. 40.

¹⁶ Регламент Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4.

ципа разумной достаточности выходит за рамки настоящей работы, однако этот пример очень наглядно демонстрирует возможность многообразного применения и толкования принципа разумной достаточности, в том числе в целях его применения в качестве одного из специальных принципов инвестиционного права.

Прежде чем перейти к формированию значения и содержания принципа разумной достаточности в инвестиционном праве, представляется необходимым провести анализ того, в каких пределах и значениях рассматриваемый принцип используется в других отраслях права и областях знаний.

Так, принцип разумной достаточности широко используется в сфере медицинского права. Можно выделить два основных аспекта применения указанного принципа. Первый аспект сводится к использованию названного принципа в рамках проблемы разглашения сведений, составляющих врачебную тайну, особенно в условиях цифровизации медицинского сектора и повышенной уязвимости данных. Обращаясь к принципу разумной достаточности, ученые отмечают, что при разглашении сведений, составляющих врачебную тайну ребенка, необходимо придерживаться принципа разумной достаточности информации о ребенке и его заболевании и не допускать размещения в сети Интернет (или СМИ), наряду с данными диагноза ребенка, его паспортных данных и особых примет, позволяющих установить его личность¹⁷. В данном контексте принцип разумной достаточности позволяет найти баланс между порядком разглашения сведений, составляющих врачебную тайну¹⁸ с одной стороны и гарантиями защиты конституционных прав гражданина на охрану достоинства личности, неприкосновенность частной жизни, личную тайну, защиту его чести и доброго имени с другой стороны. Второй аспект применения

принципа разумной достаточности в медицинском праве можно встретить непосредственно в рамках принятия решения медицинским работником о выборе способа и метода диагностики для конкретного пациента. Например, в соответствии с методическими рекомендациями «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹⁹ при проведении УЗИ легких у пациентов с подозрением или подтвержденным диагнозом COVID-19 такая диагностика может также применяться для оценки состояния других анатомических областей и отдельных органов с целью выявления патологических изменений и оценки их динамики, однако в приоритете должен быть *принцип разумной достаточности*. Таким образом, в сфере медицинского права можно также наблюдать широкое применение принципа разумной достаточности и его распространение как на сферу сугубо правовых отношений, охраняемых нормативными правовыми актами и не связанных с непосредственным оказанием медицинской помощи или осуществлением иных действий, направленных на улучшение состояния здоровья пациента, так и на непосредственно «внутренние» процессы, составляющие предмет медицинского права, а именно оказание медицинской помощи пациенту.

Анализ применения принципа разумной достаточности в сфере медицинского права указывает на несколько стихийный характер его применения, который не вызван намерением возвести рассматриваемый принцип в статус общего, руководящего начала отрасли знаний, а является следствием его точечного применения в удобной для законодателя и правоприменителя форме. Подобное использование принципов едва ли способно привести к формированию четкой и целостной структуры отрасли права. Именно поэтому для таких сравнительно моло-

¹⁷ Тимофеев И. В. Цифровая информатизация и информационная безопасность в современном здравоохранении: конституционно-правовой подход к проблеме // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 25.

¹⁸ Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

¹⁹ Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 17 (09.12.2022)» (утв. Минздравом России).

дых отраслей права, как медицинское право или инвестиционное право, важно сразу определить роль и место того или иного принципа в регулировании общественных отношений, составляющих предмет отрасли права и являющихся объектом изучения.

Аналогичным образом складывается ситуация и, например, в сфере финансового и банковского права, где также активно используется и применяется принцип разумной достаточности. В качестве примера можно привести взаимоотношения в сегменте банковского контроля над операциями клиентов. Так, обязанность направлять в Росфинмониторинг сведения об операциях, подлежащих обязательному контролю, возникает у банка только при наличии всей информации, необходимой для квалификации операции в качестве подлежащей контролю. Банкам рекомендуется на основе принципа разумной достаточности зафиксировать во внутренних нормативных документах основания квалификации операций в качестве подлежащих контролю²⁰. Однако необходимость предоставления сведений об операциях со стороны банков в Росфинмониторинг, как правило, сопряжена с возложением на клиента банка дополнительных обязательств по предоставлению информации и документов по подконтрольной операции. Неисполнение указанной обязанности влечет для клиента негативные последствия, вплоть до приостановки операций по счетам, открытым в соответствующем банке (что на практике фактически парализует деятельность такого клиента ввиду невозможности исполнять финансовые обязательства перед контрагентами и государством). Поэтому оставление перечня операций, сведения о которых подлежат передаче в Росфинмониторинг, на полное усмотрение банка в условиях применения единственного принципа разумной достаточности не является полностью удовлетворяющим принципам и целям банковского обслуживания и может послужить угрозой для баланса интересов сторон при

заключении договоров банковского обслуживания. Представляется, что, помимо принципа разумной достаточности и исключительного усмотрения банка по разработке внутренней документации (несмотря на регулярный аудит такой документации со стороны Центрального банка РФ), для определения перечня операций, сведения о которых предоставляются банком в Росфинмониторинг, необходимо применение целой системы принципов и норм, позволяющих достичь максимальной прозрачности в отношениях с содержанием публично-правового элемента. Применение же только принципа разумной достаточности при определении критериев подконтрольных операций клиентов банка не удовлетворяет основным целям банковского обслуживания и несет в себе потенциальную эскалацию имплицитности банковского обслуживания ввиду недоступности внутренних регламентов банка для его клиентов, что, безусловно, является негативным фактором в рассматриваемом сегменте.

И наконец, наиболее широкую имплементацию принцип разумной достаточности получил в условиях развития цифровой экономики, где начал активно использоваться учеными при исследовании и определении пределов обработки данных в условиях цифровизации различных процессов. Так, по мнению И. А. Цинделиани²¹, для защиты данных и информации в условиях развития цифровой экономики необходимо обеспечить государственное регулирование и координацию действий при создании и ведении информационных ресурсов в Российской Федерации в целях соблюдения принципа разумной достаточности при обработке данных. Действительно, проблема обработки и доступности данных, составляющих различные виды тайны или отнесенных к особым категориям (например, персональные данные), крайне остро стоит в связи с развитием информационных технологий. Законодательством определен целый ряд принципов, с соблюдением которых должна

²⁰ Каратаев М. Контроль операций клиентов: как обеспечить юридически корректную реализацию нового Закона № 208-ФЗ // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 4. С. 8.

²¹ Цинделиани И. А. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография. М. : Проспект, 2019. С. 92.

осуществляться обработка данных в сети Интернет. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» обработка данных должна осуществляться на законной и справедливой основе, содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки²². При этом указанный Закон не упоминает принцип разумной достаточности в качестве принципов для обработки данных. В связи с этим распространение указанного принципа на сферу обработки данных в сети Интернет представляется довольно спорным, поскольку является дополнительным по отношению к системе принципов, разработанных и установленных законодателем.

Вместе с тем более справедливой видится возможность применения принципа разумной достаточности в более широком ключе, а именно при определении уровней защиты, режимов доступа и установления особенностей работы с тем или иным видом данных. Представляется обоснованным утверждение о том, что при работе с определенными категориями данных необходимо упорядочивание видов тайны и формирование их иерархии для того, чтобы выстроить оптимальную систему ответственности за их разглашение и оптимальную систему требований по защите каждого вида тайны. При отсутствии такой иерархии и системы нарушается принцип разумной достаточности²³.

Итак, как показано в приведенных выше примерах, единого понимания принципа разумной достаточности ввиду широты его применения на сегодняшний день не сложилось. Вместе с тем представляется, что именно в рамках инвестиционного права указанный принцип может найти свою правовую определенность и быть сформулирован с высокой степенью детализа-

ции применительно к правоотношениям между инвесторами и реципиентами инвестиций.

Почему принцип разумной достаточности может найти свою максимальную релевантность именно в рамках учения об инвестиционном праве? Ответ на этот вопрос кроется в специфике правоотношений, составляющих объект регулирования инвестиционного права. Под инвестиционными правоотношениями, как правило, понимаются правоотношения, возникающие по поводу материальных или нематериальных благ, вкладываемых инвестором в объекты предпринимательской и других видов деятельности с целью получения прибыли (дохода) и (или) достижения положительного социального эффекта²⁴. Они возникают по поводу привлечения, использования и контроля за инвестициями и осуществления инвестиционной деятельности²⁵. Таким образом, из определения инвестиционных правоотношений выводятся две их ключевые особенности: первая заключается в том, что инвестиционные правоотношения складываются между конкретными участниками — инвестором и получателем (реципиентом) инвестиций, а вторая заключается в том, что такие правоотношения складываются вокруг особой правовой категории — инвестиций.

Принцип разумной достаточности как нельзя лучше соотносится со спецификой инвестиционных правоотношений. Принцип разумной достаточности в инвестиционных правоотношениях может быть определен как принцип экономической целесообразности и применения экономических подходов к достижению целей реализации инвестиционной деятельности, то есть обеспечения баланса интересов инвестора и реципиента таким образом, чтобы, с одной стороны, реципиент инвестиций был обеспечен ровно таким объемом мер поддержки, который

²² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

²³ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. М. : Норма : ИЗиСП, 2022. С. 206–217.

²⁴ Мороз С. П. Инвестиционное право Республики Казахстан : научное издание. Алматы : НИИ частного права КазГЮУ, 2006. С. 115, 116.

²⁵ Гущин В. В., Овчинников А. А. Инвестиционное право : учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Эксмо, 2009. С. 107.

не будет превышать объективно требуемое количество ресурсов (то есть следовать постулату «забор не должен стоить дороже амбара»²⁶), а с другой стороны, будет действительно покрывать необходимые для реализации инвестиционного проекта расходы, чтобы позволить сторонам достигнуть того результата, на который они рассчитывали при вступлении в правоотношения.

Именно следование принципу разумной достаточности при реализации инвестиционных правоотношений позволит:

- обеспечить соблюдение баланса интересов сторон при осуществлении инвестиционной деятельности и реализации инвестиционных проектов;

- определить тип, объем, количество и этапы привлечения инвестиций, в том числе в инвестиционных правоотношениях с государственным участием;

- регламентировать основания и порядок корректировки объема привлекаемых инвестиций ввиду особого статуса инвестиционной деятельности, имеющей рисковый характер, который, как отмечается в литературе, «всегда присущ инвестиционной деятельности в той или иной степени, независимо от вида инвестиций»²⁷;

- разработать критерии формирования и оценки инвестиционного проекта;

- сформировать, при необходимости, основания для возврата привлеченных инвестиций или предъявления требований о привлечении дополнительных инвестиций.

Особую значимость принцип разумной достаточности приобретает и в сфере бюджетного инвестирования, ведь в данном случае речь идет не о частноправовых отношениях, а

об отношениях, направленных «на обеспечение непрерывности воспроизводства основного капитала и создания на его фундаментальной основе соответствующего инфраструктурного комплекса»²⁸, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на экономический рост государства. От реализации принципа разумной достаточности в данной области зависят в том числе характер и объемы привлекаемых инвестиций, порядок их использования хозяйствующими субъектами и возможность реального улучшения социально-экономического положения объектов, являющихся предметом бюджетного инвестирования.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что принцип разумной достаточности необходимо отнести к специальным принципам инвестиционного права, поскольку он наиболее коррелирует со спецификой инвестиционных правоотношений и является рациональным базисом для их реализации. Как отмечается в литературе, благодаря принципам, правовая система адаптируется к интересам и потребностям общества и государства²⁹, становится совместимой с ними и состоит в неразрывной связи между практической действительностью и правовым регулированием. Таким же образом складывается ситуация и в области инвестиционного права: благодаря принципу разумной достаточности, правоотношения, складывающиеся в области привлечения и использования инвестиций, смогут получить свое гармоничное развитие, позволяющее повысить эффективность используемых инвестиций и прозрачность взаимодействия, а также увеличить точность прогнозов результатов инвестиционной деятельности.

²⁶ Елагин А. Г., Кирюхин В. В. Формирование новой контрольно-надзорной модели обеспечения безопасности // Административное право и процесс. 2019. № 8. С. 63.

²⁷ Оганезова С. Р. Толкование инвестиций в практике урегулирования споров в рамках МЦУИС // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3. С. 222.

²⁸ Бит-Шабо И. В. Бюджетные инвестиции как инструмент социально-экономического развития Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2023. № 2. С. 25.

²⁹ Краснов Ю. К., Надвикова В. В., Шкатулла В. И. Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия : Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. — М. : Статут, 2000. — 256 с.
2. Бит-Шабо И. В. Бюджетные инвестиции как инструмент социально-экономического развития Российской Федерации // Безопасность бизнеса. — 2023. — № 2. — С. 15–20.
3. Грибанов В. П. Принципы осуществления гражданских прав // Вестник МГУ. Серия «Право». — 1966. — № 3. — С. 10–23.
4. Гуцин В. В., Овчинников А. А. Инвестиционное право : учебник. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Эксмо, 2009. — 688 с.
5. Елагин А. Г., Кирюхин В. В. Формирование новой контрольно-надзорной модели обеспечения безопасности // Административное право и процесс. — 2019. — № 8. — С. 61–64.
6. Ершова И. В. Система правового регулирования российских инвестиций за рубежом // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2012. — № 4. — С. 16–20.
7. Зорькин В. Д. Принцип разделения властей в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие: Вестник конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3. — С. 26–48.
8. Иванов О. В. Принципы объективной истины в советском гражданском процессе. — М., 1964. — 77 с.
9. Каратаев М. Контроль операций клиентов: как обеспечить юридически корректную реализацию нового Закона № 208-ФЗ // Юридическая работа в кредитной организации. — 2020. — № 4. — С. 6–17.
10. Климова А. Н. Принципы гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2005. — 182 с.
11. Лисица В. Н. О совершенствовании инвестиционного законодательства Российской Федерации в условиях модернизации и глобализации // Российская юстиция. — 2012. — № 6. — С. 15–17.
12. Мороз С. П. Инвестиционное право Республики Казахстан : научное издание. — Алматы : НИИ частного права КазГЮУ, 2006. — 508 с.
13. Мороз С. П. Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — Алматы : Бастау, 2010. — 266 с.
14. Оганезова С. Р. Толкование инвестиций в практике урегулирования споров в рамках МЦУИС // Ленинградский юридический журнал. — 2018. — № 3. — С. 218–226.
15. Персигов В. П. Принципы гражданского права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник магистратуры. — 2014. — № 5-2 (32). — С. 52–55.
16. Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». — 2009. — № 4. — С. 5–12.
17. Скворцов О. Ю. Формирование конкурентной среды как принцип инвестиционной политики // Конкурентное право. — 2022. — № 3. — С. 26–30.
18. Тимофеев И. В. Цифровая информатизация и информационная безопасность в современном здравоохранении: конституционно-правовой подход к проблеме // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 12. — С. 23–26.
19. Фархутдинов И. З., Трапезников В. А. Инвестиционное право : учеб.-практ. пособие. — М., 2006. — 411 с.
20. Цинделиани И. А. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография. — М. : Проспект, 2019. — 320 с.
21. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Сеницына. — М. : Норма: ИЗСП, 2022. — 376 с.
22. Simon H. A. Models of Man. — New York : Wiley, 1957. — 279 p.
23. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова ; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солодухин. — М., 2009. — 846 с.

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: Nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya — nadezhda i drama sovremennoy epokhi. — M.: Statut, 2000. — 256 s.
2. Bit-Shabo I. V. Byudzhetye investitsii kak instrument sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii // Bezopasnost biznesa. — 2023. — № 2. — S. 15–20.
3. Gribanov V. P. Printsipy osushchestvleniya grazhdanskikh prav // Vestnik MGU. Seriya «Pravo». — 1966. — № 3. — S. 10–23.
4. Gushchin V. V., Ovchinnikov A. A. Investitsionnoe pravo: uchebnik. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — M.: Eksmo, 2009. — 688 s.
5. Elagin A. G., Kiryukhin V. V. Formirovanie novoy kontrolno-nadzornoj modeli obespecheniya bezopasnosti // Administrativnoe pravo i protsess. — 2019. — № 8. — S. 61–64.
6. Ershova I. V. Sistema pravovogo regulirovaniya rossiyskikh investitsiy za rubezhom // Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom». — 2012. — № 4. — S. 16–20.
7. Zorkin V. D. Printsip razdeleniya vlastey v deyatelnosti Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoe pravosudie: Vestnik konferentsii organov konstitutsionnogo kontrolya stran molodoy demokratii. Erevan, 2008. Vyp. 2–3. — S. 26–48.
8. Ivanov O. V. Printsipy obektivnoy istiny v sovetskom grazhdanskom protsesse. — M., 1964. — 77 s.
9. Karataev M. Kontrol operatsiy klientov: kak obespechit yuridicheski korrektnuyu realizatsiyu novogo Zakona № 208-FZ // Yuridicheskaya rabota v kreditnoy organizatsii. — 2020. — № 4. — S. 6–17.
10. Klimova A. N. Printsipy grazhdanskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — M., 2005. — 182 s.
11. Lisitsa V. N. O sovershenstvovanii investitsionnogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh modernizatsii i globalizatsii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2012. — № 6. — S. 15–17.
12. Moroz S. P. Investitsionnoe pravo Respubliki Kazakhstan: nauchnoe izdanie. — Almaty: NII chastnogo prava KazGYuU, 2006. — 508 s.
13. Moroz S. P. Predprinimatelskoe (khozyaystvennoe) pravo: uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — Almaty: Bastau, 2010. — 266 s.
14. Oganezova S. R. Tolkovanie investitsiy v praktike uregulirovaniya sporov v ramkakh MTsUIS // Leningradskiy yuridicheskij zhurnal. — 2018. — № 3. — S. 218–226.
15. Persikov V. P. Printsipy grazhdanskogo prava: ponyatie i rol v pravovom regulirovanii // Vestnik magistratury. — 2014. — № 5-2 (32). — S. 52–55.
16. Sidorkin A. S. Printsipy prava: ponyatie i rol v pravovom regulirovanii // Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2009. — № 4. — S. 5–12.
17. Skvortsov O. Yu. Formirovanie konkurentnoy sredy kak printsip investitsionnoy politiki // Konkurentnoe pravo. — 2022. — № 3. — S. 26–30.
18. Timofeev I. V. Tsifrovaya informatizatsiya i informatsionnaya bezopasnost v sovremenном zdravookhranении: konstitutsionno-pravovoy podkhod k probleme // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 12. — S. 23–26.
19. Farkhutdinov I. Z., Trapeznikov V. A. Investitsionnoe pravo: ucheb.-prakt. posobie. — M., 2006. — 411 s.
20. Tsindeliani I. A. Finansovoe pravo v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki: monografiya. — M.: Prospekt, 2019. — 320 s.
21. Tsifrovaya ekonomika: aktualnye napravleniya pravovogo regulirovaniya: nauch.-prakt. posobie / pod red. I. I. Kucherova, S. A. Sinitsyna. — M.: Norma: IZiSP, 2022. — 376 s.
22. Simon H. A. Models of Man. — New York: Wiley, 1957. — 279 p.
23. Filosofskiy slovar / pod red. I. T. Frolova; sost. P. P. Apryshko, A. P. Polyakov, Yu. N. Solodukhin. — M., 2009. — 846 s.

Медицина в цифровую эпоху: правовые аспекты применения клеточной и генной терапии в зарубежных государствах

Аннотация. В статье рассмотрен опыт правового регулирования применения продуктов клеточной и генной терапии, в том числе CAR-T-технологий, в государствах англосаксонской правовой системы. Отмечается, что значимым препятствием для развития CAR-T-терапии, а также клеточной и генной терапии в целом является отсутствие в большинстве государств мира комплексного правового регулирования применения таких инновационных методов лечения заболеваний. В настоящее время эта проблема актуальна для Российской Федерации, в которой активно разрабатываются препараты клеточной и генной терапии. В статье представлен детальный обзор основных релевантных документов Австралии, Соединенных Штатов Америки и Канады, проанализированы конкретные кейсы, иллюстрирующие успешную правоприменительную практику, а также рассмотрены механизмы саморегулирования в исследуемой сфере. В заключение авторами сформулированы ключевые проблемы и пути совершенствования нормативного регулирования в области применения препаратов клеточной и генной терапии в Российской Федерации, рекомендовано использование передового опыта указанных зарубежных государств с учетом его критического осмысления для развития соответствующего нормативного регулирования в Российской Федерации и интеграционных объединениях с ее участием.

Ключевые слова: правовое регулирование; судебная практика; цифровое здравоохранение; передовая терапия; клеточная терапия; генная терапия; институциональные структуры; генетическая информация; геномная информация; персональные данные; регулятор; полномочия по контролю и надзору; инвестиции; саморегулирование; регенеративная медицина.

© Пономарёва Д. В., Некотенева М. В., 2024

* Пономарёва Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, заместитель заведующего, доцент кафедры практической юриспруденции Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
dvponomareva@msal.ru

** Некотенева Мария Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mvnekoteneva@msal.ru

Для цитирования: Пономарева Д. В., Некотенева М. В. Медицина в цифровую эпоху: правовые аспекты применения клеточной и генной терапии в зарубежных государствах // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 122–137. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.122-137.

Благодарности. Статья выполнена в рамках реализации проекта стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Medicine in the Digital Era: Legal Aspects of the Use of Cell and Gene Therapy in Foreign Countries

Darya V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Deputy Head, Associate Professor, Department of Practical Jurisprudence, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dvponomareva@msal.ru

Maria V. Nekoteneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head, Department of Integration and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mvnekoteneva@msal.ru

Abstract. The paper examines the experience of legal regulation of the use of cell and gene therapy products, including CAR-T technologies, in the Anglo-Saxon legal system. It is noted that a significant obstacle to the development of CAR-T therapy, as well as cell and gene therapy in general, is the absence in most countries of the world of comprehensive legal regulation of the use of such innovative methods of treating diseases. Currently, this problem is relevant for the Russian Federation, where cell and gene therapy drugs are actively being developed. The paper provides a detailed overview of the main relevant documents from Australia, the United States of America and Canada, analyzes specific cases illustrating successful law enforcement practice, and examines the mechanisms of self-regulation in the area under study. In conclusion, the authors formulate the key problems and ways to improve legal regulation as to cell and gene therapy drugs application in the Russian Federation. The authors recommend that the best practices of these foreign countries be used, taking into account its critical understanding for the development of appropriate regulatory regulation in the Russian Federation and integration associations with its participation.

Keywords: legal regulation; court practice; digital health service; advanced therapy; cell therapy; gene therapy; institutional structures; genetic information; genomic information; personal information; regulator; powers of control and supervision; investments; self-regulation; regenerative medicine.

Cite as: Ponomareva DV, Nekoteneva MV. Medicine in the Digital Era: Legal Aspects of the Use of Cell and Gene Therapy in Foreign Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):122-137. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.122-137.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Несмотря на тот факт, что генотерапия, предназначенная для лечения различных заболеваний человека, представляет собой относительно

новую область медицинских знаний, со времени первого успешного испытания генотерапевтического препарата в 1990 г. был достигнут ряд существенных успехов¹. Мировые инвестиции в регенеративную медицину, которая предпо-

¹ Anderson W. F. Human gene therapy // Science. 1992. Vol. 256. P. 808–813.

лагает применение клеточной и генной терапии, а также продуктов тканевой инженерии, увеличились почти на 50 %: с 13,5 млрд долл. США в 2018 г. до 19,9 млрд долл. США в 2020 г.²

Генотерапевтические методы лечения отличаются сложностью, остается большое число вопросов относительно безопасности таких методов в долгосрочной перспективе, а также их эффективности. В основе работы данных методов лежит модификация живых клеток, сохраняющаяся на протяжении жизни реципиента. Преимущества использования таких препаратов (методов), риски и сложности вытекают из самой природы лечения, в рамках которого приходится иметь дело с генно-модифицированными клетками, вирусами, вирусными векторами, ДНК и РНК. Весомую роль играет способ введения препаратов в организм — напрямую (генная терапия *in vivo*) или косвенно (генная терапия *ex vivo*, когда клетки создаются в лаборатории, а затем вводятся пациенту). Оказывает влияние и место воздействия препарата (метода) на организм в целом и то, как препарат взаимодействует с геномом человека. В отличие от большинства химически синтезированных препаратов, эти продукты чувствительны к деградации и загрязнению, а их клинически активные компоненты не всегда четко идентифицируются³.

В настоящее время исключительных клинических результатов достигла CAR-T-терапия (клеточная терапия) в отношении отдельных групп больных онкологическими заболеваниями. Традиционная терапия CAR-T-клетками производится путем сбора Т-клеток периферической крови у пациентов со злокачественными новообразованиями В-клеток и путем их генной инженерии в специализированной лаборатории для экспрессии рецептора (например, рецепто-

ра CD19). При введении пациенту сконструированные клетки инициируют противоопухолевый иммунный ответ, будучи нацелены на антиген злокачественных клеток (например, CD19).

Несмотря на успешное применение, широкомасштабное внедрение CAR-T-клеточной терапии является сложным процессом, предполагающим преодоление множества организационных и технических препятствий. Примерно у 26 % пролеченных пациентов развивается синдром высвобождения цитокинов, а у 12 % развивается нейротоксичность 3-й степени или выше⁴, которая может быть опасной для жизни и потребует интенсивной терапии. Кроме того, клетки могут стать истощенными и неэффективными из-за чрезмерной стимуляции антигенами-мишенями. Клиницисты совершенствуют управление токсичностью, а новые конструкции CAR-T-клеток в сочетании с улучшенными анализами активности могут помочь уменьшить осложнения в будущем.

Другими препятствиями на пути развития CAR-T-терапии являются ее высокая стоимость (в настоящее время требуется, например, более 500 000 австралийских долларов на пациента, получающего лечение в рамках системы обязательного медицинского страхования за государственный счет) и потребность в создании обширной многопрофильной специализированной инфраструктуры⁵.

Кроме того, еще одним значимым препятствием для развития клеточной и генной терапии в целом и CAR-T-терапии в частности является отсутствие в большинстве государств мира комплексного правового регулирования применения таких инновационных методов лечения заболеваний. Эта проблема актуальна и для Российской Федерации, в которой активно

² Alliance for Regenerative Medicine. 2020: Growth and resilience in regenerative medicine — annual report. ARM, 2020 // URL: http://alliancerm.org/wp-content/uploads/2021/03/ARM_AR2020_FINAL-PDF.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

³ O'Sullivan G. M., Philips J. G., Mitchell H. J. 20 Years of legislation — how Australia has responded to the challenge of regulating genetically modified organisms in the clinic // *Front Med (Lausanne)*. 2022. Vol. 9. P. 88.

⁴ Anagnostou T., Riaz I. B., Hashmi S. K. Anti-CD19 chimeric antigen receptor T-cell therapy in acute lymphocytic leukaemia: a systematic review and meta-analysis // *Lancet Haematol*. 2020. Vol. 7. P. 816–826.

⁵ Velickovic Z. M., Rasko J. E. Establishing a robust chimeric antigen receptor T-cell therapy program in Australia: the Royal Prince Alfred Hospital experience // *Cytotherapy*. 2022. Vol. 24. P. 45–48.

разрабатываются препараты клеточной и генной терапии.

Для развития эффективного правового регулирования обозначенной сферы необходимо обратиться к передовой законотворческой и правоприменительной практике зарубежных государств.

Опыт государств англосаксонской правовой системы

Австралия

Ожидается, что к 2035 г. Австралия сможет достичь показателя доходов от широкомасштабного внедрения методов генной терапии в 6 млрд австралийских долларов в год преимущественно за счет экспорта, сформировать около 6 000 рабочих мест, получив более ранний доступ к инновационным методам лечения⁶. В Австралии на декабрь 2022 г. проведено 153 клинических испытания⁷ препаратов генотерапии, 9 генотерапевтических препаратов одобрены для использования в клинической практике — препараты Spinraza (Biogen), Kymriah (Novartis), Yescarta (Kite Pharma), Zolgensma (Novartis) и Luxturna (Novartis). Применение отдельных препаратов CAR-T-клеточной терапии для лечения В-клеточного рака финансируется через соглашение о софинансировании 50/50 со стороны федерального правительства и правительства штата в зарегистрированных аккредитованных больницах⁸. Предполагаемые платежи поставщикам услуг производятся на основе ежегодных данных о фактических расходах в Независи-

мый орган по ценообразованию больниц (англ. Hospital Pricing Authority). Данный аспект имеет важное значение, поскольку позволяет австралийцам получать своевременный доступ к инновационным методам лечения и необходимому сбору данных. Вместе с тем, поскольку речь идет о высокотехнологичной медицинской помощи, а сбор релевантных данных начался только в 2020 г., комплексное понимание проблем еще не сложилось. Однако отдельные проблемы всё же были обозначены. В частности, Независимый орган по ценообразованию отметил, «что условная стоимость лечения и затраты на пребывание в стационаре неадекватно учитывают интенсивный характер CAR-T-терапии»⁹. Потребуется время и увеличение числа пациентов и данных, чтобы иметь возможность перейти от ретроспективного согласованного финансирования к параллельному финансированию, учитывающему деятельность медицинской организации.

Правовое регулирование создания и применения препаратов, изготовленных на основе клеток и тканей человека или животных, их органов, клеток и тканей, находит свое отражение в Основах законодательства о биологических препаратах (англ. Biologicals Regulatory Framework)¹⁰. Мониторинг реализации данного акта возложен на специализированный орган — Управление по контролю за изделиями медицинского назначения (англ. Therapeutic Goods Administration). Основы законодательства о биологических препаратах содержат определение понятия «биологический». Под «биологическим препаратом»¹¹ понимают «предмет, изготов-

⁶ Regenerative medicine: opportunities for Australia — October 2018. MTP Connect, 2018 // URL: https://www.mtpconnect.org.au/Attachment?Action=Download&Attachment_id=104 (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Australia's regenerative medicine clinical trials database. AusBiotech, 2021 // URL: <https://www.ausbiotech.org/documents/item/667> (дата обращения: 15.06.2023).

⁸ Chimeric antigen receptor T cell therapy (CAR-T cell): guidelines for costing, counting and reconciliation of funding. Independent Hospital Pricing Authority, 2020 // URL: https://www.ihpa.gov.au/sites/default/files/publications/chimeric_antigen_receptor_t_cell_therapy_car-t_cell_guidelines_for_costing_counting_and_reconciliation_of_funding.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

⁹ Chimeric antigen receptor T cell therapy (CAR-T cell).

¹⁰ Regulatory framework for biologicals, 2020 // URL: <https://www.tga.gov.au/regulatory-framework-biologicals> (дата обращения: 15.06.2023).

¹¹ Условными синонимами данного словосочетания можно назвать понятия «биомедицинский клеточный продукт», «медицинский клеточный продукт».

ленный из клеток или тканей человека или живых органов, клеток или тканей животных или содержащий их, который используется для (i) лечения или предотвращения болезни или травмы, (ii) диагностики состояния человека, (iii) изменения физиологических процессов человека, (iv) проверки восприимчивости человека к болезни или (v) замены или изменения части (частей) тела человека». В соответствии с Основами законодательства о биологических препаратах «биологический препарат» также может производиться с использованием рекомбинантной технологии или биотехнологии.

Большинство аутологичных клеточных терапий человека (вмешательство с использованием собственных клеток пациента), за исключением тех, где используется кровь или компоненты крови, в том числе подвергшиеся значительным изменениям, могут осуществляться без получения одобрения от Управления по контролю за изделиями медицинского назначения. Для этого необходимо, чтобы исходный донорский материал был получен от пациента, находящегося под клиническим наблюдением и лечением практикующего врача, и тот же практикующий врач должен производить (или контролировать производство) и выполнять или контролировать использование аутологичной клеточной терапии для лечения конкретного заболевания в рамках конкретного курса лечения для одного и того же пациента¹².

Для правовой регламентации применения клеточной и генной терапии, в том числе CAR-T-технологий, также имеют значение Закон Австралии о генных технологиях 2000 г.¹³ и разработанное в развитие данного закона Положение о генных технологиях 2001 г.¹⁴

Законом Австралии о генных технологиях 2000 г. генная технология определяется как

метод, который модифицирует гены или другой генетический материал, исключая половое размножение, гомологичную рекомбинацию (не связанную с генной технологией) или другие методы, обозначенные Управлением регулятора генных технологий (англ. Office of the Gene Technology Regulator). В Австралии используется критерий «процесс», который определяет, относится ли данная клеточная терапия к ГМО (генетически модифицированным организмам), т.е. если в производственном процессе используются методы генной технологии, она может быть определена как ГМО в соответствии с Законом Австралии о генных технологиях 2000 г. Для сравнения: в таких странах, как Канада, используется «продуктовый» критерий, согласно которому конечный продукт оценивается как ГМО, независимо от методов генной технологии, используемых во время производства. Вместе с тем необходимо отметить, что в Австралии генетически модифицированные соматические клетки, как правило, находятся за рамками регулирования Положения о генных технологиях 2001 г.

Если попытаться проследить генезис развития нормативного регулирования применения клеточной терапии (в том числе CAR-T), то можно с уверенностью утверждать, что первый нормативный акт в рассматриваемой сфере был принят в 1989 г. Речь идет о Законе о терапевтических средствах 1989 г., в который в 1991 г. были внесены изменения относительно генетически модифицированных терапевтических товаров (включая клинические испытания)¹⁵. Следующий шаг был сделан в 2000 г. — был принят ранее упомянутый Закон Австралии о генных технологиях, содержащий план регулирования ГМО и определяющий генную технологию как любой метод модификации генов

¹² Therapeutic Goods Order (TGO), No. 1 of 2011, Item 4(q) // URL: <https://www.tga.gov.au/therapeutic-goods-excluded-goods-order-no-1-2011> (дата обращения: 15.06.2023).

¹³ Gene Technology Act, 2000 // URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2016C00792> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁴ Gene Technology Regulations, 2001 // URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/F2016C00615> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁵ Therapeutic Goods Act, 1989 // URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2019C00066> (дата обращения: 15.06.2023).

или другого генетического материала. В 2017 г. Управление по контролю за изделиями медицинского назначения объявило о начале реформы, которая ужесточила правила проведения иммунотерапии с помощью CAR-T-технологий. В 2019 г. Управление регулятора генных технологий провело мониторинг применения Положения о генных технологиях 2001 г., чтобы уточнить правовой статус организмов, созданных с использованием технологий NBTs¹⁶, в том же году вступили в силу поправки к Основам, которые ослабили ограничения на проведение генной терапии.

В 2020 г. в Австралии Управление по контролю за изделиями медицинского назначения впервые одобрило применение первого CAR-T-препарата — Kymriah — для использования у детей и молодых людей в возрасте до 25 лет в целях лечения острого лимфобластного лейкоза¹⁷. В настоящее время такая терапия доступна только в трех лечебных центрах Австралии, включая Королевскую больницу принца Альфреда в Сиднее, Онкологический центр Питера Маккаллума и Королевскую детскую больницу в Мельбурне. Оплата лечения производится в частном порядке, стоимость терапии оценивается примерно в 598 000 долл.¹⁸

Легализуя генную терапию, австралийский законодатель в значительной степени упростил и ускорил получение разрешений на проведение исследований в рассматриваемой области и переход к клиническим испытаниям с участием пациентов. Соответствующие поправки были приняты в 2019 г. Предусматривается, что при-

менение генной терапии (в том числе CAR-T) должно быть одобрено Управлением по контролю за изделиями медицинского назначения, которое осуществляет мониторинг клинических испытаний всех лекарственных препаратов. При осуществлении мониторинга Управление руководствуется Законом Австралии о генных технологиях 2000 г. и Положением о генных технологиях 2001 г., согласно которым вводится лицензирование деятельности по внедрению генетически модифицированных организмов в организм человека, а также проведению генной терапии. Клинические испытания генотерапевтических препаратов могут быть одобрены двумя способами — через уведомление о проведении клинических испытаний или через освобождение от клинических испытаний. В соответствии с уведомительной схемой Комитет по этике исследований в отношении человека должен сначала рассмотреть клиническое испытание, а затем уведомить о его проведении Управление по контролю за изделиями медицинского назначения. Схема освобождения от клинических испытаний предполагает, что Управление по контролю за изделиями медицинского назначения непосредственно рассматривает клиническое испытание, которое не может быть продолжено до тех пор, пока не будет получено одобрение. Такая схема обычно используется для клинических испытаний новых технологий и новых концепций лечения. Применяется она и в отношении клеточной терапии CAR-T.

Безусловно, клеточная терапия CAR-T имеет высокое коммерческое значение в Австралии,

¹⁶ NBT (New Breeding Technologies) — инновационные методы генной инженерии, представляющие собой набор методов, которые могут увеличить и ускорить развитие новых признаков в селекции живых организмов (животных и растений). Эти новые методы часто включают «редактирование генома», целью которого является модификация ДНК в определенных местах в генах животных и растений для появления новых признаков и свойств.

¹⁷ Острый лимфобластный лейкоз — злокачественное заболевание системы кроветворения, характеризующееся неконтролируемой пролиферацией незрелых лимфоидных клеток. Острый лимфобластный лейкоз является самым распространенным злокачественным заболеванием в детском и юношеском возрасте. Пик заболеваемости приходится на возраст от 1 года до 6 лет. Чаще болеют мальчики. Заболевание протекает с поражением костного мозга, лимфатических узлов, селезенки, вилочковой железы, а также других органов.

¹⁸ CAR-T-клеточная терапия в Австралии: обновленная информация, 2020 // URL: <https://www.lymphoma.org.au/ru/новости/car-t-клеточная-терапия-в-австралии-обновление> / (дата обращения: 15.06.2023).

что предполагает неизбежное возникновение патентных споров. Хотя австралийская судебная практика по патентным спорам в отношении клеточной терапии CAR-T еще не сформировалась, ей проложена дорога со стороны судебных органов США¹⁹. В 2017 г. компания Juno Therapeutics и эксклюзивный лицензиат патента США 7 446 190 (№ 190) подали в суд на Kite Pharma (компанию Gilead) в Окружной суд США (Центральный округ Калифорнии), утверждая, что препарат Yescarta компании Gilead нарушает патент № 190. В 2019 г. присяжные согласились с доводами истца, установив, что компания Gilead умышленно нарушила патент № 190, и присудили компенсацию в размере 752 млн долл. США, состоящую из авансового платежа в размере 585 млн долл. и 27,6 % роялти от доходов от применения Yescarta. Судья Филип Гутьеррес в Окружном суде в 2020 г. увеличил эту сумму до 1,2 млрд долл. США, включая более 389 млн долл. в качестве «увеличенного ущерба». Компания Gilead подала апелляционную жалобу на это решение в Апелляционный суд США по федеральному округу, утверждая, что патент № 190 не удовлетворяет требованиям в отношении письменного описания. В конце концов, в январе 2022 г. полный состав Апелляционного суда США по федеральному округу отклонил ходатайство истца о повторном слушании дела.

Несмотря на то что в судах Австралии не случилось ни одного дела, связанного с применением клеточной терапии CAR-T, очевидно, что такие споры в будущем неизбежны. В настоящее время в Австралии одобрены три препарата клеточной терапии CAR-T: Kymriah (от компании Novartis), Tecartus (от компании Gilead, одобрен 21 июля 2021 г.) Yescarta (от компании Gilead, одобрен 11 февраля 2021 г.). Срок действия нескольких патентов, относящихся к Kymriah, был продлен и истекает 19 декабря 2033 г. Не секрет, что значительная часть продуктов CAR-T, заре-

гистрированных за границей, не зарегистрированы в Австралии, поэтому патенты, если они не блокируют рынок, остаются невостребованными из-за коммерческого отставания австралийского рынка в целом. Таким образом, с учетом действующего австралийского законодательства и сложившейся практики представляется, что данные патенты можно будет обойти.

Соединенные Штаты Америки (США)

В Соединенных Штатах Америки одобрено к применению 7 препаратов генной терапии (компания-разработчик отозвала разрешение на продажу алипогена типарвовета (Glybera) по коммерческим причинам²⁰). В отличие от многих государств, имеющих специализированный орган, занимающийся вопросами клеточной и генной терапии, в США подобный орган отсутствует. Институт клинко-экономической экспертизы США (англ. Institute for Clinical and Economic Review), основанный в 2006 г., был независимой некоммерческой организацией для оценки клинической и экономической ценности технологий, которые стали очень популярными и влиятельными в системе здравоохранения США.

В США CAR-T-клетки рассматриваются в качестве продуктов регенеративной медицины, хотя в большинстве государств мира они подпадают под категорию передовых лекарственных препаратов для клеточной и генной терапии. Данные продукты включают генную терапию, человеческие клетки, ткани, а также клеточные и тканевые продукты, требующие лицензирования. Основная общая черта этих продуктов заключается в том, что их клиническая эффективность проистекает из понимания критических атрибутов качества и реализации хорошо контролируемого производственного процесса. При этом качество и эффективность продукта неразрывно связаны друг с другом.

Разработка и применение лекарственных препаратов клеточной и генной терапии регу-

¹⁹ The Rise and Rise of CAR-T cell therapy and the Future of Patent Disputes in Australia, 2021 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c0f27801-35d5-4157-9611-1d054b853f6c> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁰ В США одобрена генная терапия мышечной дистрофии Дюшенна у детей 4–5 лет, 2023 // URL: <https://pharm.reviews/ru/novosti/novosti-medsiny/item/8495-v-ssha-odobrena-gennaya-terapiya-myshechnoj-distrofii-dyushenna-u-detej-4-5-let> (дата обращения: 20.06.2023).

лируются Центром оценки и исследований биологических препаратов (англ. Center for Biologics Evaluation and Research) Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (англ. Food and Drug Administration). В ноябре 2017 г. в целях разъяснения нормативного регулирования применения продуктов регенеративной медицины, включая CAR-T-клетки, Центр оценки и исследований биологических препаратов выпустил набор руководств по регенеративной медицине²¹. Кроме того, поскольку CAR-T-клетки представляют собой клеточную генную терапию, три из шести проектов руководств по генной терапии, опубликованных в мае 2018 г. для обсуждения, имеют отношение к производству продуктов передовой терапии. Особенно здесь стоит отметить Руководство по составу, производству и контролю продуктов генной терапии. Руководства содержат перечень способов, с помощью которых разработчики генотерапевтических продуктов должны соблюдать правила Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. Тем не менее при наличии соответствующего обоснования допустимы и альтернативные подходы к соблюдению нормативно установленных правил.

Наряду с указанными руководствами, интерес у разработчиков продуктов в области CAR-T-клеток вызвала реализация Программы назначения передовой терапии регенеративной медицины (англ. Regenerative Medicine Advanced Therapy, RMAT). Передовая терапия регенеративной медицины — это обозначение, данное Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов лекарственным препаратам, предназначенным для лечения серьезных или опасных для жизни заболеваний в соответствии с Законом о лекарствах XXI в. Согласно этому закону к продуктам регенеративной медицины относят клеточную терапию, продукты тканевой инженерии, продукты на основе стволовых клеток и другие продукты генной терапии со всеми преимуществами обозначения «прорывная тера-

пия» (англ. Breakthrough Therapy, BT). Различия между обозначениями BT и RMAT заключаются в следующем:

а) для RMAT требуемый уровень доказательств эффективности заключается в том, что продукт должен демонстрировать потенциал для удовлетворения потребностей в сфере медицинских услуг (а не улучшение по сравнению с существующим стандартом оказания медицинской помощи, как в случае с BT);

б) для RMAT существуют дополнительные варианты, доступные разработчикам, которые получают ускоренное одобрение применения препарата в отношении того, как они выполняют обязательства после получения такого одобрения.

По состоянию на 1 мая 2019 г. было получено 100 запросов, 34 продуктам было присвоено обозначение RMAT, что отражает огромный интерес к Программе. Наиболее распространенной причиной, по которой регулятор отклонял запросы, было определение того, что заявка содержала неадекватные предварительные доказательства эффективности, подтверждающие назначение препарата. Отдельные разработчики предоставляли клинические данные, изначально полученные другим разработчиком, в поддержку назначения продукта клеточной или генной терапии, который они намеревались производить. Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов не считает это приемлемым, поскольку предоставленные клинические данные должны быть получены с учетом фактического, реального использования продукта, который будет производиться для использования разработчиком. Позиция регулятора подтверждается задокументированной проблемой производства одного и того же клеточного продукта в разных местах.

В том же руководстве, содержащем Программу назначения RMAT, описывается способ совместной клинической разработки продукта клеточной и генной терапии несколькими учреждениями, который может быть применен

²¹ URL: <https://www.fda.gov/vaccines-blood-biologics/cellular-gene-therapy-products/framework-regulation-regenerative-medicine-products>> (дата обращения: 20.06.2023).

к производству CAR-T-клеток²². При традиционной разработке лекарственных препаратов один спонсор-разработчик производит исследуемый продукт, который затем изучается в рамках клинического испытания, а собранные данные передаются в поддержку маркетинговой заявки единого спонсора. В рамках совместной работы нескольких спонсоров производится продукт в соответствии с установленным производственным протоколом, регистрируются пациенты в специализированных центрах для участия в клинических испытаниях. Данные, полученные по результатам указанного испытания, передаются спонсорам для поддержки подачи их индивидуальных заявок на получение лицензии на биопрепараты. Две ключевые рекомендации для тех, кто заинтересован: начать обсуждение с Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов на раннем этапе, а также решить вопросы, связанные с оборотом данных и распределением прав интеллектуальной собственности. Регулятор проводит политику транспарентности и поощряет предварительные обсуждения возможности разработки того или иного продукта клеточной или генной терапии.

Программа первичного целевого взаимодействия для получения рекомендаций Центра оценки и исследований биологических препаратов была разработана для предоставления разработчикам-спонсорам на самых ранних стадиях производства конкретного продукта рекомендаций регулирующих органов по производству, доклиническим исследованиям и клинической разработке. Получение такой заблаговременной консультации может быть особенно полезным в случае разработки таких продуктов, как CAR-T-клетки, поскольку это помогает определить наиболее рациональные пути создания препаратов, соответствующих требованиям безопасности и эффективности. В дополнение к преимуществам раннего взаимодействия с Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов еще одной рекомен-

дацией работающим в этой области становится готовность к возможности получения предварительных сигналов о высокой эффективности препарата за счет наличия масштабируемых производственных процессов, которые могли бы поддерживать лицензирование продукта на относительно раннем этапе общего процесса разработки.

Несмотря на то что в этой области были достигнуты огромные успехи, еще предстоит решить ряд серьезных проблем. В дополнение к научным задачам повышения безопасности и эффективности и расширения применимости терапии CAR-T к лечению большего числа заболеваний существуют еще значимые вопросы, касающиеся клинической разработки препаратов, обеспечения более широкого доступа к терапии CAR-T, снижения стоимости препаратов клеточной и генной терапии.

Лентивирусные векторы, используемые для введения химерной конструкции, трудно производить в больших количествах, поскольку процесс производства в клеточных линиях-продуцентах относительно неэффективен из-за присущей векторам токсичности по отношению к клеткам, в которых они производятся²³. В результате речь идет о дорогостоящем процессе, предоставляющем ограниченные возможности. Как в государственном, так и в частном секторе предпринимаются усилия по разработке клеточных линий, которые гораздо более эффективны в производстве лентивирусных векторов, и также возможно, что разработка альтернативных методов введения химерных конструкций приведет к увеличению производства и снижению затрат.

Постоянство производства продуктов клеточной CAR-T-терапии — еще одна проблема, требующая решения. Поскольку исходный материал для производства продуктов CAR-T-клеток текущего поколения получают с помощью лейкофереза пациента, которому затем будет введен генотерапевтический препарат, действует фактор изменчивости исходного материала

²² Marks P., Gottlieb S. Balancing safety and innovation for cell-based regenerative medicine // N. Engl. J. Med. 2018. P. 954–959.

²³ Merten O. W., Hebben M., Bovolenta C. Production of lentiviral vectors // Mol. Ther. Methods Clin. Dev. 3, 2016.

с учетом предшествующего лечения пациента. Идентификация критических атрибутов качества, ведущих к стандартизации различных процессов, может быть сложной задачей. Казалось бы, незначительные изменения процесса, такие как корректировка состава питательной среды во время обработки клеток, могут привести к получению продукта с иным клиническим результатом, и это может повлиять на анализ параметров, таких как количество вводимых клеток и клиническая эффективность²⁴.

Два клеточных продукта CAR-T-терапии, которые применяются в Соединенных Штатах, используют централизованные производственные мощности, которые помогают обеспечить согласованность продуктов. Однако были разработаны полуавтоматические устройства, которые можно использовать централизованно или локально для последовательного производства клеток CAR-T²⁵. На данный момент неизвестно, помогут ли такие устройства облегчить разработку децентрализованной производственной модели, которая может быть применена к совместным программам разработки.

В США применение CAR-T-терапии уже дало заметные клинические результаты при некоторых гематологических злокачественных новообразованиях, и они, вероятно, найдут применение в лечении других заболеваний. Центр оценки и исследований биологических препаратов продолжит работу с разработчиками-спонсорами, применяя гибкий нормативный подход к производству, доклиническим и клиническим испытаниям в целях обеспечения доступности безопасных и эффективных продуктов, которые приносят пользу пациентам, нуждающимся в медицинской помощи.

Канада

Канада также не отстает от других передовых государств в вопросах развития клеточной и генной терапии (в том числе CAR-T). Регенеративная медицина предлагает совершенно новый

терапевтический подход к лечению болезней человека, многие из которых в настоящее время не имеют эффективных методов лечения. Министерством здравоохранения Канады было одобрено применение следующих продуктов клеточной и генной терапии:

а) Tecartus компании Gilead для лечения лимфомы клеток мантийной зоны (применение одобрено в 2021 г.);

б) Abecma компании Celgene для лечения множественной миеломы (2021 г.);

в) Zolgensma от Novartis при спинальной мышечной атрофии (2020 г.);

г) Luxturna от Spark Therapeutics для лечения редкой формы наследственной потери зрения (2020 г.);

д) Yescarta от Gilead (2019 г.) и Kymriah от Novartis (2018 г.) — препараты на основе CAR-T-клеток для лечения рака крови.

Применение продуктов клеточной и генной терапии регулируется соответствующими нормативными актами, затрагивающими использование фармацевтических и биологических препаратов, человеческого материала для трансплантации и медицинских устройств. Большинство продуктов клеточной и генной терапии, согласно канадскому законодательству, классифицируются как биологические препараты и находятся под контролем Управления биологических и радиофармацевтических препаратов Министерства здравоохранения Канады. Для того чтобы зарегистрировать так называемый биологический препарат, производитель продукта клеточной или генной терапии должен подать заявку на проведение клинического испытания в Министерство здравоохранения Канады до начала клинического испытания, а также заявку на регистрацию нового лекарственного препарата для рассмотрения и утверждения до того, как новый продукт клеточной или генной терапии будет продаваться в Канаде.

Отдельные методы клеточной терапии, которые соответствуют определенным критериям

²⁴ Roddie C., O'Reilly M., Pinto Dias Alves J., Vispute K., Lowdell M. Manufacturing chimeric antigen receptor T cells: issues and challenges // *Cytotherapy*. 2019. Vol. 21. P. 327–340.

²⁵ Lock D. Automated manufacturing of potent CD20-directed chimeric antigen receptor T cells for clinical use // *Hum. Gene Ther.* 2017. Vol. 28. P. 914–925.

(минимальные манипуляции; гомологичное использование; аллогенный, несистемный эффект) или имеют установленный профиль безопасности и терапевтическое применение (например, трансплантация костного мозга), регулируются как клетки, ткани и органы человека в соответствии с Правилами безопасности клеток, тканей и органов человека для трансплантации²⁶.

Несмотря на то что регулирование применения и производства продуктов клеточной и генной терапии различается от государства к государству, основные институты, задействованные на национальном уровне в реализации управленческих компетенций, в целом похожи (например, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США, Министерство здравоохранения Канады). Как и другие основные системы регулирования, нормативно-правовая база Министерства здравоохранения Канады основана на оценке риска, то есть уровень нормативного контроля устанавливается на основе определенных категорий риска. Для клеточной или генной терапии с низким уровнем риска нормативные правила сосредоточены на контроле возможного заражения и передачи заболеваний; нормативные требования к продуктам терапии как биологическим препаратам выше, поскольку речь идет о цели устранения рисков применения этих новых методов лечения с высокой степенью манипулирования.

Будучи членом Международного совета по гармонизации технических требований к регистрации лекарственных средств для человека (ICH), Министерство здравоохранения Канады присоединяется ко всем руководствам и стандартам ICH и обмену данными с другими государствами — участниками ICH. Это объяснимо, поскольку, если клиническое исследование проводится в Канаде, производитель потенциально может использовать данные исследования для других государств — членов ICH, таких как США или ЕС. Кроме того, создатели продуктов клеточной и генной терапии могут использовать нормативные руководства, доступные в других

государствах — членах ICH, для управления разработкой своих продуктов в отсутствие конкретных руководств для Канады.

Министерство здравоохранения Канады призывает разработчиков и производителей участвовать в создании релевантного нормативного регулирования посредством консультаций и совещаний. Взаимодействие с Министерством здравоохранения Канады доступно всем заинтересованным сторонам (включая тех, кто находится за пределами Канады) и осуществляется бесплатно и без ограничения количества консультаций, что позволяет разработчикам на раннем этапе получить представление об ожиданиях регулирующего органа в отношении их программ развития.

Поскольку с помощью продуктов клеточной и генной терапии часто лечат опасные для жизни или тяжелые заболевания, которые требуют раннего доступа к инновационным методам лечения, Министерство здравоохранения Канады ускорило процедуры утверждения и запустило соответствующие программы. Например, производитель может подать заявку на уведомление о соблюдении условий, которая может предоставить условное одобрение в ситуациях, когда была установлена достаточная безопасность продукта, когда предварительные данные подтверждают клиническую эффективность или когда конкретная группа пациентов получит пользу от процесса сбора дополнительных клинических данных при раннем доступе на рынок. Условия должны быть выполнены в течение определенного времени после выдачи уведомления. Приоритетное рассмотрение заявок на новые лекарственные препараты также доступно для продуктов, соответствующих критериям этой процедуры, и сокращает период предпродажного рассмотрения до 180 дней.

Хотя канадская система регулирования в целом похожа на другие основные системы, есть тонкие отличия, большинство из которых носит административный характер. Например, оформление документов, необходимых для программы выпуска лотов во время клинических испы-

²⁶ The Canadian Regulatory System for Cell and Gene Therapies, 2021 // URL: <https://cdmo.ccrm.ca/blog/the-canadian-regulatory-system-for-cell-and-gene-therapies> (дата обращения: 15.06.2023).

таний, или специфические для Канады языковые требования — маркировка продуктов на обоих официальных языках, английском и французском. Еще одно отличие в использовании вирусных векторов в генной терапии человека заключается в том, что векторы регулируются как микроорганизмы и подпадают под действие Правил уведомления о новых веществах (NSN) в Канаде. Это требует проведения оценки риска для окружающей среды и здоровья человека в отношении новых веществ и микроорганизмов, которые еще не включены в Национальный список веществ²⁷.

Основы нормативного регулирования применения клеточной и генной терапии заложены в таких документах, как Закон о пищевых продуктах и лекарствах²⁸, Положение о пищевых продуктах и лекарствах²⁹, Положение о медицинских устройствах³⁰, а также Правила по обеспечению безопасной трансплантации человеческих клеток, тканей и органов³¹. При этом полномочия Министерства здравоохранения Канады в области регулирования рассматриваемой сферы будут варьироваться в зависимости от характера клеточного или генного вмешательства.

В 2019 г. в Закон о пищевых продуктах и лекарствах были внесены изменения, которые ввели понятие лекарства (лекарственного препарата) для всех аутологичных клеточных терапий, за исключением трансплантации лимфогематопэтических клеток при определенных формах рака³². Проведение аутологич-

ной клеточной терапии требует одобрения на федеральном уровне. Заявление Министерства здравоохранения Канады, выпущенное в мае 2019 г.³³, содержало предупреждение о потенциальных рисках для здоровья, связанных с несанкционированной терапией стволовыми клетками, эффективность которой не доказана.

Стоит обратить внимание на сложность и неоднозначность нормативного регулирования в рассматриваемой сфере. Вмешательства с использованием значительно измененных клеток регулируются Положением о пищевых продуктах и лекарствах, а также Положением о медицинских устройствах. Аллогенные вмешательства с использованием клеток, «обработка которых не изменяет биологических характеристик, имеющих отношение к их заявленной полезности», регулируются Правилами по обеспечению безопасной трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. Вместе с тем клеточная и генная терапия преимущественно представляют аутологичные вмешательства. Ранее существовало мнение, согласно которому вмешательства с использованием собственных клеток подпадают под нормативный пробел³⁴. Отдельные эксперты считали, что указанные вмешательства являются частью медицинской практики и, следовательно, не подпадают под комплексное нормативно-правовое регулирование, исходящее от Министерства здравоохранения Канады (например, требование проведения клинических испытаний для получения

²⁷ The Canadian Regulatory System for Cell and Gene Therapies, 2021.

²⁸ Food and Drugs Act, RSC 1985, c F-27.

²⁹ Food and Drug Regulations, CRC, c 870.

³⁰ Medical Devices Regulations, SOR/98-282.

³¹ Safety of Human Cells, Tissues and Organs for Transplantation Regulations, SOR/2007-118 ; *Viswanathan S., Bubela T.* Current practices and reform proposals for the regulation of advanced medicinal products in Canada // *Regen Med.* 2015. Vol. 10(5). P. 647–663.

³² *Crowe K.* Unapproved stem cell therapies on the market in Canada // CBC News, 2017. URL: <https://www.cbcca/news/health/stem-cell-private-clinic-health-canada-osteoarthritis-14401391> (дата обращения: 15.06.2023).

³³ Health Canada Policy Position Paper — Autologous Cell Therapy Products, 2019 // URL: <https://www.canada.ca/en/health-canada/services/drugs-health-products/biologics-radiopharmaceuticals-genetic-therapies/applications-submissions/guidance-documents/cell-therapy-policy.html> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁴ *Chisholm J., von Tigerstrom B., Bedford P., Fradette J., Viswanathan S.* Workshop to address gaps in regulation of minimally manipulated autologous cell therapies for homologous use in Canada // *Cytotherapy.* 2017. Vol. 19(12). P. 1400–1411.

одобрения регулирующих органов). В упомянутом ранее Заявлении Министерства здравоохранения Канады (май 2019 г.) отмечается, что вмешательства с использованием аутологичных клеток регулируются как лекарственные средства в соответствии с Положением о пищевых продуктах и лекарствах.

Легальное обоснование того, почему клеточная и генная терапия рассматриваются как лекарства с позиции Положения о пищевых продуктах и лекарствах, отсутствует, однако если мы проанализируем нормативное определение лекарственного препарата, содержащееся в Законе о пищевых продуктах и лекарствах, то иного вывода мы сделать не сможем. Согласно данному Закону под лекарством понимается «любое вещество или смесь веществ, производимых, продаваемых или представленных для использования в... диагностике, лечении, смягчении симптомов или предотвращении заболевания, расстройства или аномального физического состояния или его симптомов»³⁵.

Медицинское сообщество Канады озабочено продвижением клеточной и генной терапии в клиническую практику. На уровне медицинских учебных заведений прорабатывается вопрос о контроле за тем, какие продукты и услуги могут предлагать медицинские организации для пациентов³⁶. Медицинские колледжи поддерживают политику и стандарты продвижения только тех лекарственных препаратов, эффективность которых доказана³⁷. Отдельные медицинские образовательные учреждения сформулировали довольно строгие требования относительно того, какие лекарственные препараты и услуги, выходящие за рамки типичного стандарта обслуживания, можно рекомендовать пациентам³⁸.

Немаловажную роль играют и нормы этики. Так, на территории Канады действует Кодекс этики и профессионализма Канадской медицинской ассоциации, в соответствии с которым члены ассоциации в своих действиях и принятии решений должны исходить из интересов пациентов, обеспечивая им полное информированное согласие на лечение³⁹. Дополнения к указанному кодексу содержат указания «рекомендовать варианты лечения, основанные на доказательствах эффективности». Врачи, предлагающие продукты клеточной и генной терапии в качестве доказанно эффективных лекарственных препаратов, нарушают указания Кодекса. Несмотря на то что ряд канадских провинций (Онтарио, Манитоба, Альберта и Британская Колумбия) приняли нормативные акты, которые предписывают колледжам не привлекать к ответственности медицинских работников за использование «нетрадиционных практик» медицинского вмешательства, эти положения не отменяют требований предлагать лечение, основанное на доказательствах эффективности и получать полное информированное согласие от пациентов⁴⁰. Безусловно, требование об информированном согласии в отношении применения клеточной или генной терапии потребует раскрытия двусмысленных сведений об эффективности препаратов с использованием формулировок, которые зачастую противоречат официальным заявлениям, опубликованным на официальных сайтах клиник.

Несмотря на нормы, предписывающие использовать и рекомендовать к использованию доказанно эффективные лекарственные препараты, отсутствуют сведения о том, что канадские медики предприняли серьезные действия про-

³⁵ Food and Drugs Act, RSC 1985, c F-27.

³⁶ Murdoch B., Zarzeczny A., Caulfield T. Exploiting science? A systematic analysis of complementary and alternative medicine clinic websites' marketing of stem cell therapies // BMJ Open. 2018. Vol. 8(2).

³⁷ College of Physicians and Surgeons of British Columbia. Practice Standards and Professional Guidelines // URL: <https://www.cpsbc.ca/for-physicians/standards-guidelines> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁸ College of Physicians and Surgeons of British Columbia. Practice Standards and Professional Guidelines.

³⁹ Canadian Medical Association. CMA code of ethics and professionalism, 2018 // URL: <http://policybase.cma.ca/dbtw-wpd/Polycypdf/PD19-03.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴⁰ Medicine Act, 1991, SO 1991, c. 30 ; The Medical Act, CCSM c. M90 ; Health Professions Act, RSA 2000, c. H-7 ; Health Professions Act, RSBC 1996, c. 183.

тив использования клеточной и генной терапии. Медицинским образовательным учреждениям были предоставлены полномочия по надзору за распространением информации о доказательной медицине среди населения именно потому, что только их сотрудники обладают соответствующим опытом, в отличие от законодателей. Учреждения участвуют в обеспечении соблюдения собственных локальных правил и стандартов, вынося предупреждения и прекращая деятельность тех организаций, которые предлагают использование клеточной или генной терапии не в соответствии с установленными профессиональными нормами и стандартами.

По сути, опыт Канады — модель саморегулирования, которая предоставляет экспертам юридические привилегии, но в то же время требует от них высокий уровень осведомленности и профессионализма, чтобы проводить в жизнь надлежащую узкоспециализированную политику. Вместе с тем, когда существуют явные доказательства того, что саморегулируемые органы по какой-либо причине не предпринимают действий для защиты общественных интересов, возникает необходимость рассмотреть другие формы надзора.

Для понимания эффективности проводимой в Канаде политики в области продвижения клеточной и генной терапии необходимо также обратиться к судебной практике. Она иллюстрирует случаи, когда пациенты были введены в заблуждение или пострадали от клеточной или генной терапии. Ложные рекламные заявления, в соответствии с Законом о конкуренции⁴¹, а также мошенничество и введение в заблуждение, согласно общему праву (*common law*), могут стать основанием запрета клинике рекламировать или предлагать продукты клеточной и генной терапии. Существует также возможность судебного разбирательства, предметом кото-

рого будет халатность медицинского работника, который в своих действиях не руководствовался стандартами медицинской помощи. Канадские врачи обязаны практиковать в соответствии со стандартом «благоразумного и прилежного поведения в соответствующих обстоятельствах»⁴². Данный стандарт, вероятно, несовместим с медицинским вмешательством, не основанным на доказательстве его эффективности. При этом канадская доктрина позволяет практикующим врачам «отступать от общепринятых профессиональных принципов... путем принятия новых, но не основных практик»⁴³. Речь не шла о проявлении халатности в случае причинения вреда. Правовая защита в судебных разбирательствах основывалась на том, что практикующий врач получил полное информированное согласие пациента, которое для применения большинства продуктов клеточной или генной терапии подразумевало признание отсутствия доказательств того, что лечение является эффективным, оно не одобрено Министерством здравоохранения Канады и существуют иные работающие альтернативы⁴⁴. Рекламные материалы, используемые клиникой, могут настолько ввести в заблуждение относительно эффективности того или иного продукта клеточной терапии, что усложняют получение информированного согласия, поскольку это потребует от клиницистов опровержения публичных заявлений о положительных результатах терапии⁴⁵. Успешный судебный процесс, инициируемый в связи с небрежным поведением ответчика, потенциально возможен тогда, когда маркетинговые претензии являются научно необоснованными.

Примечательно, что большинство судебных процессов, особенно в случае их позитивного исхода, могут иметь дополнительный положительный эффект, поскольку привлекают внимание общественности к рассматриваемым

⁴¹ Competition Act, RSC 1985.

⁴² Neuzen v. Korn, 1995 127 D.L.R. (4th) 577 (S.C.C.).

⁴³ Caulfield T. Commentary: the law, unproven CAM and the two-hats fallacy: guest editorial // Focus Altern Complement Ther. 2012. Vol. 17(1). P. 4–8.

⁴⁴ Caulfield T. Op. cit.

⁴⁵ Ogbogu U., Rachul C., Caulfield T. Reassessing direct-to-consumer portrayals of unproven stem cell therapies: is it getting better? // Regen Med. 2013. Vol. 8(3). P. 361–369.

в рамках судебного дела проблемам, что потенциально может стимулировать изменение политики в области восприятия клеточной и генной терапии. Судебные процессы также могут создать прецедент для будущих споров. При этом возможность досудебного урегулирования, предусматривающего заключение соглашения о неразглашении, которое обязывает стороны соблюдать конфиденциальность, может негативно повлиять на доступ общественности к информации о вреде и реальной эффективности клеточной и генной терапии.

В Канаде действует значительное количество правовых инструментов, которые можно использовать для защиты общественных интересов в случае искажения фактов и потенциального вреда, связанного с применением клеточной и генной терапии. Министерство здравоохранения Канады не является активным инициатором изменения политики в рассматриваемой области, а профессиональные сообщества, выступающие субъектом саморегулирования, не решаются ограничить полномочия экспертов по предложению собственных мер. Причины относительного бездействия со стороны Министерства здравоохранения Канады связаны с отсутствием политической воли, поскольку полномочия по принятию соответствующих решений за данным органом власти закреплены. В какой-то степени обозначенные механизмы регулирования начинают работать при наличии жалоб, т.е. нужно, чтобы отдельные лица или организации обращались к таким органам власти, как Министерство здравоохранения Канады, Бюро по вопросам конкуренции и регулирующие органы на уровне провинций.

Необходимы действия на низовом уровне, чтобы стимулировать принятие решительных мер нормативного характера. Необходимо также привлечение внимания со стороны средств массовой информации, социальных сетей, профессионального и научного сообщества и политических сил.

Заключение

Детальный анализ нормативных аспектов применения препаратов клеточной и генной терапии в рассмотренных государствах, принадлежащих к англосаксонской правовой системе, продемонстрировал наличие в них комплексного правового регулирования правоотношений в исследуемой сфере. Несмотря на различие в подходах к определению сущности отдельных методик передовой терапии (в частности, CAR-T), система регулирования в Канаде, Австралии и США характеризуется развитой институциональной структурой контроля и надзора за препаратами клеточной и генной терапии, активной ролью механизмов саморегулирования, а также разработанной системой защиты прав пациентов при использовании таких препаратов, которая в первую очередь затрагивает формы используемого добровольного информированного согласия на проведение медицинского вмешательства, учитывающие специфику и риски применения передовой терапии.

При создании соответствующего нормативного регулирования в Российской Федерации и интеграционных объединениях с ее участием целесообразно использовать данный опыт.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Anagnostou T., Riaz I. B., Hashmi S. K.* Anti-CD19 chimeric antigen receptor T-cell therapy in acute lymphocytic leukaemia: a systematic review and meta-analysis // *Lancet Haematol.* — 2020. — Vol. 7. — P. 816–826.
2. *Anderson W. F.* Human gene therapy // *Science.* — 1992. — Vol. 256. — P. 808–813.
3. *Caulfield T.* Commentary: the law, unproven CAM and the two-hats fallacy: guest editorial // *Focus Altern Complement Ther.* — 2012. — Vol. 17(1). — P. 4–8.
4. *Chisholm J., von Tigerstrom B., Bedford P., Fradette J., Viswanathan S.* Workshop to address gaps in regulation of minimally manipulated autologous cell therapies for homologous use in Canada // *Cytotherapy.* — 2017. — Vol. 19(12). — P. 1400–11.

5. Marks P., Gottlieb S. Balancing safety and innovation for cell-based regenerative medicine // *N. Engl. J. Med.* — 2018. — Vol. 378. — P. 954–959.
6. Ogbogu U., Rachul C., Caulfield T. Reassessing direct-to-consumer portrayals of unproven stem cell therapies: is it getting better? // *Regen. Med.* — 2013. — Vol. 8(3). — P. 361–9.
7. O'Sullivan G. M., Philips J. G., Mitchell H. J. 20 Years of legislation — how Australia has responded to the challenge of regulating genetically modified organisms in the clinic // *Front Med (Lausanne)*. — 2022. — Vol. 9.
8. Velickovic Z.M, Rasko J. E. Establishing a robust chimeric antigen receptor T-cell therapy program in Australia: the Royal Prince Alfred Hospital experience // *Cytotherapy*. — 2022. — Vol. 24. — P. 45–48.
9. Viswanathan S., Bubela T. Current practices and reform proposals for the regulation of advanced medicinal products in Canada // *Regen. Med.* — 2015. — Vol. 10(5). — P. 647–663.

Материал поступил в редакцию 11 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anagnostou T., Riaz I. B., Hashmi S. K. Anti-CD19 chimeric antigen receptor T-cell therapy in acute lymphocytic leukaemia: a systematic review and meta-analysis // *Lancet Haematol.* — 2020. — Vol. 7. — P. 816–826.
2. Anderson W. F. Human gene therapy // *Science*. — 1992. — Vol. 256. — P. 808–813.
3. Caulfield T. Commentary: the law, unproven CAM and the two-hats fallacy: guest editorial // *Focus Altern Complement Ther.* — 2012. — Vol. 17(1). — P. 4–8.
4. Chisholm J., von Tigerstrom B., Bedford P., Fradette J., Viswanathan S. Workshop to address gaps in regulation of minimally manipulated autologous cell therapies for homologous use in Canada // *Cytotherapy*. — 2017. — Vol. 19(12). — P. 1400–11.
5. Marks P., Gottlieb S. Balancing safety and innovation for cell-based regenerative medicine // *N. Engl. J. Med.* — 2018. — Vol. 378. — P. 954–959.
6. Ogbogu U., Rachul C., Caulfield T. Reassessing direct-to-consumer portrayals of unproven stem cell therapies: is it getting better? // *Regen. Med.* — 2013. — Vol. 8(3). — P. 361–9.
7. O'Sullivan G. M., Philips J. G., Mitchell H. J. 20 Years of legislation — how Australia has responded to the challenge of regulating genetically modified organisms in the clinic // *Front Med (Lausanne)*. — 2022. — Vol. 9.
8. Velickovic Z.M, Rasko J. E. Establishing a robust chimeric antigen receptor T-cell therapy program in Australia: the Royal Prince Alfred Hospital experience // *Cytotherapy*. — 2022. — Vol. 24. — P. 45–48.
9. Viswanathan S., Bubela T. Current practices and reform proposals for the regulation of advanced medicinal products in Canada // *Regen. Med.* — 2015. — Vol. 10(5). — P. 647–663.

Причинная связь в уголовном праве Италии

Аннотация. В современной итальянской уголовно-правовой доктрине преобладает выработанная в германской теории в XIX в. концепция эквивалентности условий в ее трактовке в контексте «научной теории». Считается, что при установлении причинной связи необходимо использовать метод исключения, ориентируясь на данные прежде всего естественных наук, затем на данные прочих наук и максимы общего опыта. Определяющее значение при установлении причинной связи уделяется вероятности наступления последствия, при этом вопрос о степени вероятности остается небесспорным. Теории адекватной причинности и человеческой причинности итальянской уголовно-правовой доктриной отвергнуты. Германская теория объективной вменяемости рассматривается в юридической литературе, у нее есть сторонники, но на практике она не воспринята. Недостатки «научной теории» причинности обусловлены методологической ошибкой. Причинная связь — это категория не научная, а философская. В разных науках, естественных и прочих, есть различные критерии установления причинной связи, пригодные для этих наук. В естественных науках определяющее значение для установления причинной связи имеет повторяемость, которая может оцениваться статистически. Нельзя механически переносить методологию естественных наук в правоведение.

Ключевые слова: уголовное право; учение о преступлении; объективные признаки преступления; Италия; Германия; причинная связь; теории причинной связи; метод исключения; доказывание причинной связи; методология науки.

Для цитирования: Клепицкий И. А. Причинная связь в уголовном праве Италии // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 138–146. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.138-146.

Causality in Italian Criminal Law

Ivan A. Klepitskij, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iaklepitskij@msal.ru

Abstract. Modern Italian criminal law doctrine is dominated by the concept of equivalence of conditions as interpreted in the context of «scientific theory» developed in German theory in the 19th century. It is believed that when establishing a causal relationship, it is necessary to use the method of exclusion, focusing primarily on data from the natural sciences, then on data from other sciences and the maxims of general experience. When establishing a causal relationship, the determining factor is the probability of the occurrence of a consequence, while the question of the degree of probability remains controversial. The theories of adequate causation and human causation are rejected by Italian criminal law doctrine. The German theory of objective imputability

© Клепицкий И. А., 2024

* Клепицкий Иван Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 iaklepitskij@msal.ru

is considered in the legal literature, it has supporters, but in practice, it is not accepted. The shortcomings of the «scientific theory» of causation are due to methodological errors. Causality is not a scientific category, but a philosophical one. Different sciences, natural and otherwise, have different criteria for establishing a causal relationship that are suitable for these sciences. In the natural sciences, repeatability, which can be assessed statistically, is of decisive importance for establishing a causal relationship. It is impossible to mechanically transfer the methodology of natural sciences to jurisprudence.

Keywords: criminal law; doctrine of crime; objective signs of a crime; Italy; Germany; causation; theories of causation; exclusion method; proving causation; methodology of science.

Cite as: Klepitskij IA. Causality in Italian Criminal Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):138-146. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.138-146.

Причинная связь — категория изначально мировоззренческая. В связи с упразднением официальной идеологии, основанной на учении марксизма, представляет интерес трактовка причинной связи в уголовном праве зарубежных стран. Итальянское право представляет особый интерес, поскольку нормы о причинной связи законодательно закреплены непосредственно в итальянском уголовном кодексе, где им уделены две статьи, 40 и 41. Статьи эти не претерпели изменений с момента утверждения кодекса королевским декретом в 1930 г.:

«Статья 40. Причинная связь»

Никто не может быть наказан за действие, предусмотренное законом в качестве преступного деяния (un fatto preveduto dalla legge come reato), если вредный или опасный результат, от которого зависит наличие преступного деяния, не является последствием его действия (azione) или бездействия (omissione).

Непредотвращение результата, предотвращение которого являлось юридической обязанностью, равносильно его причинению.

Статья 41. Стечение причин

Стечение причин предшествующих, одновременных или наступивших позже, хотя бы

и не зависящих от действия или бездействия виновного, не исключает причинной связи между действием и бездействием и результатом.

Причины, наступившие позже, исключают причинную связь, когда одних их было бы достаточно, чтобы вызвать результат. В таком случае, если предшествующее действие или бездействие составляет само по себе преступное деяние (reato), применяется наказание, установленное за последнее.

Предыдущие постановления применяются также в тех случаях, когда предшествовавшей, одновременной или наступившей позже причиной является незаконное действие другого лица»¹.

Часть 1 ст. 40 УК Италии (далее — УК), таким образом, не раскрывая существа причинной связи, констатирует необходимость ее установления для преступлений, признаком которых является вредный или опасный результат (evento), речь идет в нашем понимании о материальных составах преступлений и составах опасности², для которых необходима реальная угроза причинения вреда³.

В части 2 указанной статьи применительно к бездействию к причинной связи приравнено

¹ Использован перевод М. М. Исаева, не утративший своей актуальности (см.: Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / пер. проф. М. М. Исаева. М., 1941. С. 12, 13).

² В итальянской доктрине, как и в германской, среди «преступлений опасности» выделяют преступления «конкретной» опасности, при вменении которых необходимо установление причинной связи между деянием и возникшей конкретной опасностью (например, статья 423 УК предусматривает наказание за поджог собственной вещи, если это создало угрозу общественной безопасности). Применительно к прочим преступлениям опасности (в Германии их называют преступлениями абстрактной опасности) установление причинной связи и реальной угрозы причинения вреда не требуется.

³ Вопрос о понимании необходимости вредного или опасного результата (evento) для всех преступлений в итальянской доктрине, как и в российской, остается небесспорным. Натуралистическая концепция исхо-

непредотвращение результата, наступающего в силу иных причин, в нарушение правовой обязанности. О фактической возможности предотвратить результат в этой статье не сказано, но необходимость ее установления вытекает из ст. 45 УК, посвященной случайности (*caso fortuito*) и непреодолимой силе (*forza maggiore*). Под случайностью понимается не только отсутствие вины, но и отсутствие фактической возможности предотвратить последствие. Под непреодолимой силой понимается сила природы, исключающая волевое деяние, например автобус перевернуло внезапным порывом ветра. Считается, что применительно к бездействию причинная связь всегда имеет гипотетический характер, при этом для установления причинной связи требуется высокая степень вероятности, граничащая с достоверностью.

Необходимость установления причинной связи итальянская доктрина выводит непосредственно из принципа личной ответственности⁴. Отсутствие причинной связи между деянием человека и последствием исключает вменение преступления этому человеку.

В статье 41 УК констатируется, что стечение нескольких причин по общему правилу не исключает вменения результата. Таким образом, теория эквивалентности условий (*condicio sine qua non*, *teoria condizionalistica*) возводится в

общее правило. Если водитель травмировал пешехода, нарушив правила дорожного движения, грубая неосторожность самого пешехода, опасное нарушение им правил дорожного движения не прерывают развитие причинной связи. В качестве исключения из общего правила приводятся прерывающие действие прочих причин непосредственные причины (наиболее близкие по времени к результату) при условии, если их одних (без влияния причин предшествующих) достаточно для наступления последствия⁵. В уголовном законе поясняется, что, если исключенное из причинно-следственной цепи деяние само по себе является преступным, уголовная ответственность наступает за это деяние (например, за покушение на убийство⁶). Это пояснение не служит установлению причинно-следственной связи.

Делая изъятие из общего правила об эквивалентности условий, закон оставляет для доктрины широкие рамки в определении признаков причинной связи. В итальянской доктрине представлены в основном те же концепции причинной связи, что и в германской (теория эквивалентности условий, основанная на методе исключения; теория адекватной причинности; теория научной причинности), исследуются и проблемы объективной вменимости (в итальянской терминологии: *imputazione oggettiva dell'evento*)⁷, хотя такие исследования менее

дит из того, что результат необходим не для любого преступления, существуют «преступления чистого поведения» (*reati di pura condotta*), для которых установление результата не требуется. Юридическая концепция исходит из того, что всякое преступление само по себе может рассматриваться в качестве результата.

⁴ *Mantovani F. Diritto penale. Parte generale. Padova, 2011. P. 137, 138.*

В Италии это принцип конституционный, закрепленный в ст. 27 Конституции 1947 г. Конкретное содержание этой конституционной нормы и раскрывается в ст. 40 УК через категорию причинной связи.

⁵ Практика по аналогии распространила это правило не только на непосредственные причины, но и на причины сопутствующие (одновременные) и предшествующие, если их одних достаточно для достижения результата; вопрос этот остается небесспорным.

⁶ Как и в России (в отличие от Германии), в Италии наказуемо покушение на любое преступление и предусмотрено смягчение наказания за покушение в сравнении с оконченным преступлением.

⁷ Речь идет не о вменяемости лица, а об объективной вменимости деяния, в основном о допустимых рисках, исключающих вменение причинения любого вреда даже при наличии умысла. К примеру, лицо, вовлекающее человека в занятие опасным видом спорта, осознает и допускает причинение вреда его здоровью и даже смерти, но оно не подлежит наказанию за причинение вреда здоровью или смерти, если спорт этот признан в обществе допустимым и вред здоровью наступил не в результате наруше-

популярны, чем в Германии⁸. Есть и оригинальные итальянские концепции, например концепции непосредственной причины и человеческой причины.

Уголовно-правовые концепции причинной связи в Италии не претендуют на решение философской проблемы причинности, они призваны решить задачу сугубо практическую: исключить вменение человеку преступления, которого он не совершал⁹.

Теория эквивалентности условий (она же *causalità naturale, condicio sine qua non*) заимствована итальянской доктриной из германской юриспруденции. До этого преобладали концепция непосредственной причины (*causa prossima*), на которую ориентирует ст. 41 УК, а затем действующей причины (*causa efficiente*). Согласно первой концепции причиной следовало считать последнее во времени из условий, обусловивших результат (отвергнуто практикой и теорией). Согласно второй нужно различать причины и прочие условия: причина — это сила, производящая следствие, а прочие условия — лишь то, что позволяет причине действовать, способствуя ее действию или устраняя препятствия. Для второй теории важно правильно отграничить причину от прочих условий, что само по себе является проблемой.

Теория эквивалентности условий предполагает установление причинной связи с помощью метода исключения, мысленного эксперимента, в ходе которого действие или бездействие человека исключается из условий, обусловивших следствие, и делается вывод о том, наступило ли

бы следствие, если бы это действие или бездействие совершено не было. Если следствие наступило бы — причинная связь исключается. Если бы оно не наступило — причинная связь не исключается, но в современном понимании этого недостаточно для признания содеянного причиной следствия. Это считается минимальным, но не достаточным основанием для установления причинной связи.

Широкое понимание в качестве причины любого условия, без которого следствие не наступило бы, приводит к неоправданным выводам о наличии причинной связи «в случае сочетания совершенно исключительных посторонних условий» (например, смерти пострадавшего в результате дорожно-транспортного происшествия вследствие пожара в больнице, врачебной ошибки, воздействия анестезии или в результате эмболии)¹⁰. При этом доктринальное учение о вине не вводит применение уголовного закона в разумные рамки, так как проблема установления причинной связи возникает в большинстве случаев при отсутствии намерения причинить вред, например при причинении вреда по неосторожности, когда волевая направленность на результат отсутствует. Здравомыслящий человек, законно или незаконно продающий оружие, не может не осознавать, что это оружие может быть использовано при совершении преступления. Но продажа оружия, если нет соучастия в убийстве, не может рассматриваться в качестве причины смерти убитого с помощью этого оружия человека ни с умыслом (косвенном в нашем понимании), ни по неосторожности.

ния конкретных правил. Производители автомобилей не несут ответственность за причинение смерти потерпевшим от ДТП, хотя они и осознают, что их деятельность с неизбежностью влечет гибель людей на дорогах.

⁸ Ф. Мантовани, к примеру, предлагает решать проблемы объективной вменимости деяния (разработанной в германской теории) в контексте допустимого риска в рамках научной теории причинности (учет вероятности следствия) и вины относительно нарушения правил, установленных для осуществления опасной деятельности. Если риск допустим и существуют правила, регламентирующие опасную деятельность, вина должна устанавливаться с учетом нарушения правил и вины (*Mantovani F. Op. cit. P. 176–182*). В конкретном деле Верховный суд Италии признал аргументацию суда апелляционной инстанции, вытекающую из концепции объективной вменимости, «неправильной и противоречивой», но согласился со сделанными выводами (*Cassazione Penale, Sezioni Unite, 11 settembre 2002 No. 30328*).

⁹ *Mantovani F. Op. cit. P. 138*.

¹⁰ *Mantovani F. Op. cit. P. 140*.

Вызывает сомнение утверждение о том, что теория эквивалентности условий — это теория естественно-научная. На самом деле она отсылает не к естественным наукам, а к обыденному житейскому опыту, который далеко не всегда позволяет разобраться в развитии причинных связей. Для некоторых людей, в том числе психически здоровых и способных попасть в число судей, причиной смерти человека может быть признано, например, колдовство.

Прочие теории причинной связи тем не менее основаны на теории эквивалентности условий и корректируют ее, трактуя причинную связь более узко.

В качестве альтернативы теории эквивалентности условий в конце XIX в. немецким физиологом Иоганном фон Крисом была предложена теория адекватной причинности (*causalità adeguata* в итальянской терминологии). Согласно этой теории следствие должно быть типичным для причины. Типичность понимается как предсказуемость последствия действия или бездействия человека с учетом науки и общего опыта. В итальянской доктрине эта теория критикуется как чрезмерно узкая, ведь преступник может осознавать и использовать причинные связи, которые находятся за рамками науки (науки не изучают все возможные причинные связи, а только значимые для той или иной сферы человеческой деятельности) и общего опыта (индивидуального опыта может быть достаточно). Тем не менее позитивное значение этой теории в том, что она вскрыла недостаток теории эквивалентности, постулировав, что не всякое условие может рассматриваться в качестве причины.

Компромиссом между широко трактуемой теорией эквивалентности условий и теорией адекватности стала теория человеческой причинности (*causalità umana*), предложенная Ф. Антолисеи¹¹, согласно которой деяние являет-

ся причиной, когда оно составляет необходимое условие (*condicio sine qua non*) и последствие попадает в сферу контроля человека, основанного на его интеллектуальных и волевых возможностях, и, таким образом, не обусловлено вмешательством привходящих условий, исключающих причинную связь. Эта теория, по существу, является вариантом теории адекватной причинности, где адекватность оценивается не в контексте науки и общего опыта, а в контексте сознания и воли преступника. При таком подходе причинная связь исключается лишь в очень редких случаях, в отличие от теории адекватной причинности, где всякое нетипичное последствие отвергается. Это широкая трактовка причинной связи, при желании и при таком подходе можно установить причинную связь между колдовством и смертью жертвы колдуна. Теория эта критикуется на том основании, что она смешивает объективные и субъективные признаки преступления¹². При этом она бесполезна в большинстве случаев, когда возникают сложности с установлением причинной связи, поскольку речь идет о преступлениях, совершаемых без намерения причинить вред. В такой ситуации представляется более удачной простая формула, выработанная в английской доктрине: *желаемые результаты никогда не бывают слишком отдаленными*. Но ни итальянская, ни германская судебные доктрины не придают намерению (прямому умыслу в нашем понимании) столь важного значения. Считается, что причинная связь не может быть сколь угодно малозначительной даже при наличии намерения причинить вред.

Недостатки означенных теорий призвана преодолеть научная теория причинности (*causalità scientifica*)¹³. В соответствии с ней последствие является необходимым (в смысле *condicio sine qua non*) и весьма вероятным «согласно наилучшим достижениям науки

¹¹ Antolisei F. Il rapporto di causalità nel diritto penale. Padova, 1934 ; *Idem*. Manuale di diritto penale. Parte generale. XVI ed. Milano, 2003.

¹² Mantovani F. Op. cit. P. 142.

¹³ Иногда научную теорию не выделяют в качестве теории самостоятельной, а рассматривают в рамках теории эквивалентности (*condicio sine qua non*). См.: Marinucci G., Dolcini E., Gatta G. L. Manuale di diritto penale. Parte generale. Milano, 2023. P. 250–258.

и опыта на данный исторический момент»¹⁴. Метод исключения принимает новую трактовку: событие не произошло бы с уверенностью или высокой вероятностью (согласно наилучшим достижениям науки и опыта на данный исторический момент), если бы субъект воздержался от действия.

В обоснование научной теории причинности Ф. Мантовани оперирует известными нам по советской теории необходимого причинения категориями «необходимость» и «случайность»¹⁵, но отсылает при этом не к материалистической диалектике марксизма, а к наилучшим достижениям науки и опыта.

Эта концепция ближе всего стоит к теории эквивалентности условий, дополняя ее тем, что при применении метода исключения нужно руководствоваться не обыденным опытом, но «наилучшими достижениями науки и опыта на данный исторический момент», причем в качестве последствий нужно рассматривать не только последствия неизбежные, но и весьма вероятные. Эта теория представляет собой синтез теории эквивалентности (минимальный тест на причинность) и теории адекватной причинности, при этом адекватность (вероятность, типичность) понимается с учетом наилучших достижений науки. Наилучший опыт (за рамками науки) оставлен для случаев, когда достижения науки не могут дать ясный ответ. Например, наука не исследует, насколько вероятна смерть от дорожно-транспортного происшествия (ДТП) в результате пожара в больнице, где лечился потерпевший. С точки зрения наилучшего опыта это маловероятно, причинной связи нет.

Представляется, что и эта теория не позволяет избежать субъективной оценки при установлении причинной связи. К примеру, если потерпевший от ДТП умер в операционной от анафилактического шока¹⁶ в результате анестезии — вопрос о причине смерти остается небесспорным. Следуя научной теории причинности, вероятность такой смерти невелика, поскольку

анафилактический шок случается редко, лишь несколько сотых долей процента пациентов страдают от него после применения анестезии, при этом умирают всего лишь 5–10 %. Но ведь само по себе построение цепочки причинно-следственных связей основано никак не на науке (ввиду узости наук), а на житейском субъективном опыте. Причинную связь можно увидеть и в ином ракурсе: в результате ДТП причинен тяжкий вред здоровью, опасный для жизни. Для спасения жизни человека понадобилась сложная операция, также для жизни опасная, но необходимая в контексте снижения риска. Опасность хирургического вмешательства была обусловлена множеством факторов, лишь одним из которых была возможность анафилактического шока. При этом человек умер в результате опасной для жизни операции, а тому, что он умер именно от анафилактического шока, нельзя придавать существенного значения, это случайность.

Вероятность наступления последствия остается признаком дискуссионным и оценочным. В правовой теории представлены разные точки зрения. Некоторые исследователи и судьи исходят из того, что вероятность наступления последствий должна быть близка к 100 %, другие считают достаточной «наибольшую вероятность». В практике также нет единообразия, но она склоняется к тому, чтобы избежать крайностей в оценке вероятностей¹⁷.

В обоснование научной теории причинности Ф. Мантовани приводит существование особой науки о причинности — *scienza causale*. Представляется тем не менее, что такой науки в качестве самостоятельной отрасли научного знания не существует. Есть многочисленные философские и религиозные спекуляции относительно причинности. Есть методы научного исследования причин и следствий в рамках отдельных отраслей науки, при этом обобщение эмпирических данных позволяет сделать вывод о большей или меньшей вероятности

¹⁴ Mantovani F. Op. cit. P. 142.

¹⁵ Mantovani F. Op. cit. P. 143.

¹⁶ Опасная для жизни аллергическая реакция на введение лекарства.

¹⁷ Mantovani F. Op. cit. P. 149–150.

того или иного последствия. В любом случае при выборе причин и следствий при сложном развитии причинно-следственных связей в житейских ситуациях, характерных для уголовного права, придется руководствоваться обыденным житейским опытом, с его неизбежными субъективными оценками, а не наукой о причинности.

Ф. Монтовани в обоснование научной теории причинности приводит следующие ее исходные положения:

1) при установлении причинной связи нужно использовать наилучшие достижения науки и наилучший опыт, имеющийся в данный исторический момент, нельзя ориентироваться на знания и опыт обвиняемого, но нельзя и игнорировать их, если в конкретной ситуации его знания и опыт можно считать наилучшими (например, обвиняемый изобрел новое оружие); причинность при этом нельзя смешивать с виновностью¹⁸;

2) научная причинность всегда предполагает не достоверность или вероятность, а относительную возможность наступления последствия, высокую степень его вероятности (научный релятивизм); для установления причинной связи нужно использовать не только общепризнанные закономерности (например, закон всемирного тяготения), но и иные закономерности, установленные методами, обеспечивающими высокую степень достоверности¹⁹ (например, методами

статистики можно оценить связь курения табака и рака легких, по-видимому, как недостаточно высокую, поскольку торговля табаком в качестве причинения тяжкого вреда здоровью и убийства в данный исторический момент не рассматривается);

3) поскольку естественные науки не описывают все жизненные ситуации, необходимо учитывать и знание, не подтвержденное исследованными статистическими закономерностями, но тем не менее научное, поскольку оно обосновано рационально²⁰, а также данные общественных наук²¹ и максимы общего опыта (в качестве таких максим приводятся примеры: транспортные средства пересекают пути или останавливаются в зависимости от того, опущен ли шлагбаум; ребенку ничто не угрожает под присмотром няни, и он подвергается риску, если она отвлечется; купальщик рискует, если спасатель отвлечется или отсутствует)²²;

4) используемые при установлении причинной связи научные знания проверены научными методами, а максимы опыта могут быть проверены обыденным опытом, не являются результатом догадок или субъективных интуиций²³;

5) вероятность наступления последствия нужно проверить с учетом обстоятельств конкретного дела, поскольку эти обстоятельства могут увеличить или уменьшить вероятность; логико-конкретная вероятность может отличаться

¹⁸ Mantovani F. Op. cit. P. 143–144.

¹⁹ Mantovani F. Op. cit. P. 144–145.

²⁰ В качестве примера Ф. Монтовани приводит причинную связь между приемом талидомида беременными женщинами и уродствами детей. При этом общая статистическая закономерность (вероятность) не установлена ввиду отсутствия и невозможности всеобъемлющих исследований. Вывод о наличии причинной связи признается научным ввиду адекватной научной поддержки; разоблачения вредности препарата несколькими учеными; наличия научной гипотезы о механизме причинения вреда; экспериментов на животных; замеченного врачами в разных странах совпадения приема препарата с уродствами детей; роста уродств в местах его распространения и их уменьшения после отказа от него.

²¹ Например, психология позволяет установить причинную связь при посредственном причинении вреда, когда преступник использует невинного агента (например, малолетнего). Ф. Монтовани приводит также в качестве примера причинные связи между действиями доносчиков и расправами над участниками сопротивления в фашистских и иных тоталитарных государствах, осуждение за непреднамеренное причинение смерти испанского журналиста, раскрывшего имена внедренных в сепаратистскую баскскую организацию агентов правоохранительных органов.

²² Mantovani F. Op. cit. P. 145–146.

²³ Mantovani F. Op. cit. P. 146–147.

ся от абстрактной статистической вероятности, установленной без учета этих обстоятельств; низкая вероятность исключает причинность, в том числе с учетом иных приводящих причин²⁴;

б) установление причинной связи возможно только ретроспективно, когда последствие уже наступило. При этом причинная связь исключается в результате мысленного эксперимента, в котором мысленное исключение деяния устраняет последствие с уверенностью или высокой степенью научной вероятности, с учетом не только абстрактных закономерностей, но и приводящих условий. При этом Ф. Монтовани отрицает проблемы альтернативной и гипотетической причинности. Альтернативная причина — например, когда два человека влили независимо друг от друга смертельную дозу яда в стакан потерпевшего, тот умер — в контексте научной теории позволяет усмотреть в этом случае причинную связь между деяниями каждого из отравителей и смертью. Ведь действия каждого из отравителей с неизбежностью или по меньшей мере с высокой вероятностью влекут смерть потерпевшего. Гипотетическая причинность, например, когда лицо застрелило человека, уже смертельно отравленного другим лицом, также не исключает вменение смерти стрелявшему, так как «последствие для целей установления причинности не является последствием абстрактного типа (например... смерть), а конкретным последствием... (например... эта смерть от огнестрельного оружия в определенный момент)»²⁵;

7) в части процессуальной оценки причинности действует двойной принцип: а) свободная оценка доказательств, при этом устанавливается,

является ли последствие неизбежным или весьма вероятным следствием деяния; б) *in dubio pro reo*, все сомнения, в том числе и относительно вероятности, толкуются в пользу обвиняемого²⁶.

В целом итальянская «научная теория» причинности, как и ее германский аналог — теория закономерного условия (*gesetzmäßige Bedingung*), не позволяют избежать субъективной оценки при установлении причинной связи, что очевидно, например, в связи с отсутствием общепринятого понимания необходимого уровня вероятности. К положительным свойствам этой теории можно отнести то, что она исключает понимание колдовства в качестве преступного деяния. Но это достижение может оказаться временным, ведь нельзя гарантировать, что в будущем, по мере прогресса наукообразного невежества, колдовство не будет отнесено к естественным наукам. Это сделать не сложно, подведя под него эмпирическую основу и придумав наукообразное название. Современные науки, например медицинская, в этом контексте мало отличаются от колдовства. Многие лекарства, которыми лечили нас в детстве, сейчас признаны вредными и изъяты из обращения. Специалисты Pfizer разрабатывали лекарство от стенокардии, в итоге получили «Виагру».

Другое положительное свойство «научной теории» — возможность ссылаться на данные естественных наук, в том числе статистические (низкую вероятность), при опровержении выводов, сделанных на основе обыденного правосознания. Впрочем, полезность этого небесспорна, как уже показано на примере с анафилактическим шоком.

²⁴ Mantovani F. Op. cit. P. 147–148.

Приводятся следующие примеры отсутствия причинной связи между деянием и смертью: ранение потерпевшего, в результате которого тот гибнет в больнице от пожара, молнии, лавины, врачебной ошибки, действия сумасшедшего, отказа от лечения, от дорожного происшествия в пути; смерть ограбленного от сердечного приступа; смерть от молнии лица, отправленного в лес при приближении грозы. Ф. Монтовани рассматривает ситуацию, когда наносится травма, которая может стать причиной смерти, если ее не лечить. Нанесение такой травмы может считаться причиной смерти, если своевременное оказание медицинской помощи было невозможно (например, высоко в горах). Если же потерпевший, имея возможность получить медицинскую помощь, отказался от нее либо смерть стала результатом врачебной ошибки — причинная связь между травмой и смертью отсутствует.

²⁵ Mantovani F. Op. cit. P. 149.

²⁶ Mantovani F. Op. cit. P. 150.

Решение в «научной теории» проблемы альтернативной причинности внутренне противоречиво и, по существу, является отрицанием метода исключения. Не случайно Ф. Монтовани, отвергая актуальность этой проблематики, использует терминологию, далекую от науки, называя очевидный вывод для альтернативной причинности, полученный путем исключения, «софистикой»²⁷.

Небесспорна и трансформация правила *in dubio pro reo* в контексте этой теории, в том числе и в части установления причинной связи. Ведь «неустранимые сомнения» и «высокая вероятность» не одно и то же. Неустранимые сомнения — это из области психологии, высокая вероятность — это относится только к естественным наукам или к психологии тоже? Если нет — как это объяснить судьям и присяжным заседателям?

В целом «научная теория» основана на методологической ошибке. Причинная связь — это категория не научная, а философская, миро-

воззренческая. Естественные и иные науки для своих потребностей используют свои, удобные для них концепции причинной связи. Это относится и к правоведению, которое естественной наукой не является. Противоестественно навязывать правоведению чуждые ему методы естественных наук. Более честной в этом плане представляется английская доктрина, которая различает фактическую причинную связь (установление которой сводится к методу исключения) и юридическую причинную связь. Юридическая, решая задачи уголовной политики, ограничивает вменение фактической. Советская доктрина также была более удачной в методологическом аспекте, так как не изобретала особой естественной науки о причинности, а рассматривала причинную связь в качестве категории философской. Проблема была лишь в пригодности диалектико-материалистической концепции причинности для юридической практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / пер. проф. М. М. Исаева. — М., 1941.
2. *Antolisei F.* Il rapporto di causalità nel diritto penale. — Padova, 1934. — 255 p.
3. *Antolisei F.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — XVI ed. — Milano, 2003. — 884 p.
4. *Mantovani F.* Diritto penale. Parte generale. — Padova, 2011. — 988 p.
5. *Marinucci G., Dolcini E., Gatta G. L.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — Milano, 2023. — 1009 p.

Материал поступил в редакцию 5 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Italyanskiy ugodovnyy kodeks 1930 g.* / per. prof. M. M. Isaeva. — M., 1941.
2. *Antolisei F.* Il rapporto di causalità nel diritto penale. — Padova, 1934. — 255 p.
3. *Antolisei F.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — XVI ed. — Milano, 2003. — 884 p.
4. *Mantovani F.* Diritto penale. Parte generale. — Padova, 2011. — 988 p.
5. *Marinucci G., Dolcini E., Gatta G. L.* Manuale di diritto penale. Parte generale. — Milano, 2023. — 1009 p.

²⁷ *Mantovani F.* Op. cit. P. 149.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.147-159

В. В. Поляков*

Структура и содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений

Аннотация. Выявлены основные классифицирующие признаки криминалистической группы высокотехнологичных преступлений. Рассмотрены проблемы разработки криминалистической характеристики преступлений, входящих в данную группу. Описаны важнейшие структурные элементы рассматриваемой криминалистической характеристики. Установлена определяющая роль высокотехнологичного способа совершения преступлений и проанализированы его особенности. Отмечены дискуссионные вопросы, касающиеся объекта и предмета высокотехнологичного преступного посягательства. В отношении субъекта преступления сделан вывод о том, что он является групповым, при этом соучастники преступления обладают личностными особенностями, препятствующими построению единого типового портрета. Рассмотрена специфика обстановки преступлений, обусловленная тем, что основные причинно-следственные связи формируются в кибернетическом пространстве. Отмечены важные особенности следовой картины, проявляющейся в образовании электронно-цифровых следов. Показано, что средствами совершения высокотехнологичных преступлений выступают специальные программные, аппаратные и программно-аппаратные средства, особенностью которых является их новизна. Выявлена роль противодействия расследованию высокотехнологичных преступных деяний со стороны преступников и связанных с ними лиц. Впервые в криминалистической теории отмечен фактор глокализации, показана актуальность этого элемента криминалистической характеристики для исследования высокотехнологичных преступлений. Проанализированы причинно-следственные и корреляционные взаимосвязи между элементами криминалистической характеристики.

Ключевые слова: информационные технологии; цифровизация; высокотехнологичные преступления; компьютерные преступления; методика расследования; способ преступления; средства преступления; субъект преступления; противодействие расследованию; глокализация.

Для цитирования: Поляков В. В. Структура и содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 147–159. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.147-159.

© Поляков В. В., 2024

* Поляков Виталий Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета
Ленина пр., д. 61, г. Барнаул, Россия, 656049
agupolyakov@gmail.com

Structure and Content of Forensic Characteristics of High-Tech Crimes

Vitaliy V. Polyakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Altai State University, Barnaul, Russian Federation
agupolyakov@gmail.com

Abstract. The paper identifies the main classifying characteristics of the forensic group of high-tech crimes. The problems of developing a forensic characterization of crimes included in this group are considered. The most important structural elements of the forensic characteristics under consideration are described. The determining role of the high-tech method of committing crimes has been established and its features have been analyzed. Debating points related to the object and subject of high-tech criminal encroachment are noted. With regard to the subject of the crime, the author concludes that such is a group, while the accomplices of the crime have personal characteristics that prevent the construction of a single typical portrait. The specificity of the crime situation is considered, because the main cause-and-effect relationships are formed in cyberspace. Important features of the trace pattern, manifested in the formation of electronic digital traces, are noted. It is shown that the means of committing high-tech crimes are special software, hardware and software-hardware, the peculiarity of which is their novelty. The role of counteraction to the investigation of high-tech criminal acts on the part of criminals and persons associated with them is revealed. For the first time in criminological theory, the glocalization factor is noted, and the relevance of this element of criminological characteristics for the study of high-tech crimes is shown. The cause-and-effect and correlation relationships between the elements of the forensic characteristics are analyzed.

Keywords: information technology; digitalization; high-tech crimes; computer crimes; investigation methodology; method of crime; means of crime; subject of crime; obstructing investigation; glocalization.

Cite as: Polyakov VV. Structure and Content of Forensic Characteristics of High-Tech Crimes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):147-159. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.147-159.

Введение

В последние годы наблюдается взрывной рост преступлений, основанных на использовании компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий¹. Среди этих преступлений на основе анализа судебно-следственной практики могут быть выделены преступные деяния, отличающиеся особой общественной опасностью и повышенной криминалистической сложностью расследования. Эти преступления характеризуются устойчивой повторяемостью определенных взаимосвязанных признаков. К таким признакам нужно отнести прежде всего

специфический высокотехнологичный способ преступлений, включающий в себя действия как по непосредственному совершению преступления, так и по его подготовке и сокрытию следов (полноструктурность); применение специально разработанных или модифицированных в преступных целях цифровых средств совершения преступления; дистанционный доступ к объектам преступного посягательства посредством информационно-телекоммуникационных сетей. К криминалистически значимым признакам этой группы преступлений также относятся совершение преступного деяния группой, включающей в свой состав участника со специ-

¹ См., например: Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2011 ; Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex russica. 2019. № 3 (148). С. 87–99 ; Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. Б. П. Смагоринского. М. : Право и закон, 1996 ; Leukfeldt E. R., Lavorgna A., Kleemans E. R. Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime // European Journal by Criminal Policy and Research. 2017. Vol. 23. Iss. 3. P. 287–300.

альными знаниями в области компьютерных технологий; противодействие расследованию, проявляющееся в воспрепятствовании законной деятельности сотрудников правоохранительных органов, и ряд других. В соответствии с теорией криминалистической классификации² это позволяет говорить о формировании новой криминалистической группы преступлений, объединяемых сходным высокотехнологичным способом и рядом других криминалистически значимых признаков и особенностей — *группы высокотехнологичных преступлений*, выступающей в качестве самостоятельного объекта исследований.

Представляется, что с точки зрения уголовного права высокотехнологичные преступления (как и широкий круг разнообразных преступных деяний, в которых применяются компьютерные технологии и которые условно объединяются терминами «компьютерные преступления», «киберпреступления» и т.п.), вообще говоря, не являются чем-то принципиально новым. В то же время с криминалистических позиций, то есть исходя из задач расследования и предупреждения, эти преступления принципиально новы, поскольку основаны на привлечении преступниками технологических средств и решений, не имевших ранее прецедентов³. Это обстоятельство требует внесения принципиальных изменений в криминалистическую технику, тактику и

методику расследования и выдвигает на первый план такую задачу, как разработка *криминалистической характеристики* высокотехнологичных преступлений.

Цель настоящего исследования состоит в построении криминалистической характеристики для новой криминалистической группы преступных деяний. Поставленная цель достигается за счет выявления базовых элементов криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений, описания специфики их содержания и связей между ними.

1. Понятие криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений

Высокая теоретическая и практическая значимость криминалистической характеристики проявляется в установлении типовых свойств соответствующей группы преступлений⁴ и вытекает, по выражению А. П. Князькова, «из ее сущности являться моделью»⁵ преступления, знание которой необходимо для эффективного расследования. Для новых видов преступлений разработка криминалистических характеристик сопряжена со значительными трудностями, имеющими объективный характер⁶. Полагаем, что вполне можно согласиться с мнением Н. А. Подольного, связавшего низкую раскрываемость преступ-

² Яблоков Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2015. № 5. С. 40–51.

³ Chertoff M., Simon T. The Impact of the Dark Web on Internet Governance and Cyber Security // Global commission on internet governance. Paper Series No. 6. February 2015. URL: http://www.cigionline.org/static/documents/gcig_paper_no.6.pdf (дата обращения: 11.09.2023) ; Поляков В. В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 85–96.

⁴ См., например: Головин А. Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 43–55 ; Бессонов А. А. О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6 (45). С. 45–51 ; Ищенко П. П. Нужна ли криминалистическая характеристика преступления в криминалистической методике? // Lex russica. 2020. Т. 73. № 3. С. 55–69.

⁵ Князьков А. С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 128.

⁶ Dupont B. Enhancing the effectiveness of cybercrime prevention through policy monitoring // Journal of Crime and Justice. 2019. Vol. 42. Iss. 5. P. 500–515.

лений, содержащих посягательства на компьютерную информацию, прежде всего со слабой разработанностью их криминалистической характеристики⁷.

В наиболее краткой формулировке под криминалистической характеристикой можно понимать «описание главных отличительных черт, свойств и признаков того или иного вида (группы) преступлений»⁸. При таком определении данное понятие выступает теоретической моделью, отражающей основные закономерности преступной деятельности при совершении преступлений, входящих в конкретную криминалистическую группу. Полагаем, что при структуризации криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений нужно исходить из понимания ее как гомоморфного образа соответствующих преступлений. Это означает, что криминалистически значимые признаки и особенности преступлений должны находить свое отражение в виде того или иного элемента криминалистической характеристики. Согласно данному подходу, чем в большей степени структурные элементы криминалистической характеристики будут адекватны признакам и особенностям преступлений, тем более точной и эффективной для задач расследования окажется сама криминалистическая характеристика. Это вытекает из подмеченного еще Б. М. Шавером обстоятельства, что «методика расследования отдельных видов преступлений всегда определяется методами совершения преступлений»⁹. Следствием этого является важный вывод о том, что структура криминалистической характеристики не может и не должна быть одинаковой для всех групп преступлений.

Структура криминалистической характеристики может быть представлена связями между двумя разными системами элементов. Первая из них для умышленных преступлений включает в себя элементы, присущие всем группам преступных деяний, к ним могут быть отнесены способ преступления, субъект (индивидуальный или групповой), объект, обстановка преступления (прежде всего особенности места и времени) и цель. Во вторую входят факультативные элементы, которые различаются для разных групп преступлений, то есть их состав определяется спецификой конкретных преступных деяний. Например, таким элементом для высокотехнологичных преступлений будут средства преступления. Рассмотрим специфику наиболее значимых элементов, включаемых в криминалистическую характеристику высокотехнологичных преступлений.

2. Основные структурные элементы криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений

Способ преступления. Среди элементов криминалистической характеристики важнейшим является высокотехнологичный способ преступления. Можно отметить, что это полностью согласуется с мнением о ведущей роли способа преступления, выработанным в отношении компьютерных преступлений¹⁰. К важнейшим признакам высокотехнологичного способа могут быть отнесены применение специально разработанных новых или модифицированных в преступных целях цифровых средств соверше-

⁷ Подольный Н. А. Проблемы оптимизации расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники: проблемы, тенденции, перспективы : материалы всерос. конференции. М. : Макс Пресс, 2005. С. 174.

⁸ Гавло В. К. Методика расследования отдельных видов преступлений и криминалистическая характеристика // Новая конституция СССР и вопросы государства и права : сборник статей. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. С. 194–196.

⁹ Шавер Б. М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Социалистическая законность. 1938. № 1. С. 46.

¹⁰ Козлов В. Е. Компьютерные преступления. Криминалистическая характеристика и осмотр места происшествия : монография. Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2001. С. 18.

ния преступления и дистанционный доступ к объектам преступного посягательства. Рассматривая этот способ, необходимо прежде всего выделить его полноструктурный характер, то есть наличие взаимосвязанных элементов по подготовке к преступлению, его непосредственному совершению и сокрытию следов и преступников. Именно полноструктурность способа в значительной степени предопределяет криминалистическую сложность расследования и доказывания таких преступлений¹¹. Особенность высокотехнологичных преступлений проявляется также в том, что действия по организации предстоящего сокрытия предпринимаются, как правило, еще при подготовке к преступным посягательствам.

Субъект преступления. Важным признаком высокотехнологичных преступлений является их совершение в групповой форме. Полагаем, что по отношению к таким преступлениям целесообразно рассматривать в качестве субъекта преступную группу в целом. В этом случае, по выражению Г. М. Меретукова, преступная группа выступает «как единый особый субъект преступной деятельности»¹². Такой групповой субъект, в свою очередь, состоит из соучастников, выполняющих разные роли. В составе группового субъекта в случае высокотехнологичных преступлений обязательно присутствует специалист в области информационных технологий. В преступную группу могут входить фигуранты, значительно отличающиеся друг от друга своими личными качествами, причем в рамках одного уровня преступной иерархии. Например, доминирующие качества личности исполнителя, выполняющего роль «дропа» (лица, занимающегося обналичиванием преступных доходов), значительно отличаются от качеств исполнителя, занимающегося эксплуатацией

уязвимостей компьютерной системы, подвергшейся преступному посягательству. В связи с этим полагаем, что попытки построения единого типового портрета личности преступника, совершающего высокотехнологичные преступления, в методическом плане не обоснованны и могут привести к выдвижению несовершенных тактических решений, что может стать причиной следственных ошибок и упущений.

Объект и предмет преступного посягательства. При уголовно-правовой трактовке в качестве объекта преступления рассматриваются соответствующие общественные отношения, против которых направлено преступное деяние, а в качестве предмета — конкретные материальные или нематериальные (в том числе информационные) блага, на которые нацелены преступные действия. В то же время криминалистическая трактовка этих элементов не тождественна уголовно-правовой и, по мнению В. А. Образцова, к криминалистическому понятию объекта более близким выступает «уголовно-правовое понятие предмета преступления»¹³. Полагаем, что именно этим обусловлена неоднозначность трактовки объекта и предмета в случае преступлений, связанных с использованием информационных технологий, в которых преступные посягательства непосредственно нацелены на компьютерную информацию. Так, по мнению В. Б. Вехова, «машинная информация является объектом преступного посягательства»¹⁴, в то же время В. А. Мещеряков рассматривал ее в качестве предмета преступления¹⁵. Представляется, что объект высокотехнологичных преступлений, то есть конкретные материальные и/или информационные блага, может быть различным, поскольку высокотехнологичные преступления могут охватывать широкий круг интересов государства, отдельных органи-

¹¹ Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Указ. соч. С. 90.

¹² Меретуков Г. М. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными организациями) : учеб. пособие. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2010. С. 12.

¹³ Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1988. С. 88.

¹⁴ Вехов В. Б. Указ. соч. С. 15.

¹⁵ Мещеряков В. А. Указ. соч. С. 64.

заций и конкретных граждан. Предмет высокотехнологичных преступлений также может быть различным, например, им может являться компьютерная информация или устройства ее обработки, хранения и передачи.

Мотивация и целеполагание. Значимость этих элементов неоднократно отмечалась отечественными криминалистами. Так, Б. М. Шавер указывал: «Нельзя правильно наметить пути расследования преступлений, не зная... мотивов, которыми мог руководствоваться преступник, целей, которые он себе ставил»¹⁶. Данные элементы можно рассматривать совместно, но при раздельном подходе лучше выявляются различия в их содержании. Нужно отметить, что мотив определяет цель преступления, достижение которой осуществляется с помощью решения конкретных задач, при этом связь между мотивом и целью достаточно сложная¹⁷.

В случае высокотехнологичных преступлений мотивация и целеполагание выражены достаточно четко, находя свое выражение еще до совершения преступления в подготовительных мероприятиях и продолжаясь после реализации преступного умысла при сокрытии следов преступления и преступников. Полагаем, что для рассматриваемой группы преступлений мотивы и цели преступников в большинстве ситуаций имеют корыстную направленность. Однако встречаются и иные случаи, например основанные на идеологических представлениях и воплощаемые посредством кибертеррористической или киберэкстремистской деятельности¹⁸.

Обстановка преступления. Обстановка преступления включает в себя информационные данные, характеризующие прежде всего место преступления и его время, условия окружающей

среды и вещественную составляющую. Специфика обстановки высокотехнологичных преступлений обусловлена дистанционным характером преступных посягательств, вследствие чего важнейшие причинно-следственные связи происходят в кибернетическом пространстве при использовании информационно-телекоммуникационных сетей. В силу этой специфики местонахождение преступника, как правило, не совпадает с местами, в которых наступает преступный результат, и зачастую остается неустановленным. Аналогично время преступления, фиксируемое компьютерными средствами, во многих случаях также не может быть установлено точно. Эти усложняющие расследование обстоятельства весьма часто встречались в исследованных нами уголовных делах¹⁹.

Кроме того, для высокотехнологичных преступлений характерна не статическая, а динамическая обстановка — она изменяется в процессе совершения преступных деяний. Это наиболее отчетливо проявляется тогда, когда преступление является многоэпизодным и охватывает достаточно длительный промежуток времени, например при дистанционном хищении денежных средств с банковских счетов.

Следовая картина. Для расследования высокотехнологичных преступлений принципиален специфический механизм следообразования, заключающийся в формировании электронно-цифровых следов. Этот вид следов, обусловленный воздействием на компьютерную информацию при неправомерном доступе к ней, играет решающую роль при проведении расследования. Данное обстоятельство значительно затрудняет как процесс расследования, так и доказывание, поскольку приходится ориентироваться на

¹⁶ Шавер Б. М. Указ. соч. С. 43.

¹⁷ См., например: Кругов О. В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий // Вестник Института экономических исследований. 2017. № 3 (7). С. 176.

¹⁸ Кобец П. Н. Совершенствование противодействия современным вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации, исходящих от международных террористических организаций // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 51–64.

¹⁹ См., например: уголовное дело № 1-529/2007 // Архив Приобского районного суда г. Бийска; уголовное дело № 1-32/2017 // Архив Советского районного суда г. Самары; приговор Люблинского районного суда г. Москвы № 1-20/2013 1-20/2013(1-799/2012) 1-20-2013 1-799/2012 от 19.02.2013 по делу № 1-20-2013 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wNyXbxRmNUUO/> (дата обращения: 11.09.2023).

электронные доказательства, представляющие собой информационные данные об обстоятельствах преступления, содержащихся в электронных документах или на электронных носителях информации²⁰. Трудности обусловлены тем, что, во-первых, легитимное получение электронных доказательств еще недостаточно регламентировано и относительно слабо освоено правоохранительной практикой²¹. Во-вторых, противоречия и неопределенности в вопросах оценки и использования этих доказательств, в толковании соответствующих норм и понятий могут способствовать злоупотреблениям. Так, заслуживает внимания фальсификация электронных доказательств, основанная на использовании инсценированных электронно-цифровых следов, в частности оправдывающих обвиняемого и переводящих подозрение на иных лиц.

Средства преступления. В случае высокотехнологичных преступлений роль такого элемента, как средства преступлений, исключительно велика. Необходимость выделения средств преступления как отдельного элемента обусловлена обстоятельством, отмеченным А. Ю. Головиным, обратившим внимание на важность отражения «в криминалистических характеристиках отдельных видов преступлений технологичной, деятельностной стороны деяния»²². Основными средствами высокотехнологичных преступлений выступают специальные программные, аппаратные и программно-аппаратные средства²³. Ключевой особенностью этих средств является их новизна, проявляющаяся в модификации преступниками готовых средств или в разработке

в преступных целях новых средств преступления. Как правило, эти средства используются в течение всего периода противоправной деятельности — при подготовке преступления, его непосредственном совершении и сокрытии преступления. Непрерывное усложнение и совершенствование этих средств, обусловленное стремительным развитием цифровых технологий, является одной из основных причин, существенно затрудняющих расследование преступлений рассматриваемой группы.

Важнейшую роль при совершении высокотехнологичных преступлений играют информационно-телекоммуникационные сети. Согласно определению, под такой сетью понимается «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники»²⁴. В преступлении эта сеть может выступать в разных качествах, например средством преступления или одной из составляющих его обстановки. В высокотехнологичной преступной деятельности данная «технологическая система» умышленно и целенаправленно применяется для реализации дистанционного преступного посягательства. В связи с этим полагаем, что согласно трактовке средств преступления как материальных и информационных объектов, применяемых при подготовке, совершении и сокрытии преступления, информационно-телекоммуникационные сети должны рассматриваться как средства совершения высокотехнологичных преступлений. Отметим, что в ряде исследований отражена близкая позиция²⁵.

²⁰ Зайцев А. П. Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. № 4. С. 40–44.

²¹ Васюков В. Ф. Изъятие электронных носителей информации: нерешенные проблемы практики // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 54–57.

²² Головин А. Ю. Указ. соч. С. 50.

²³ Поляков В. В. Понятие средств совершения высокотехнологичных преступлений // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации : сборник науч. статей XIX Междунар. науч.-практ. конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVII / отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 76–86.

²⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.06.2020). Ст. 2.

²⁵ Сысенко А. Р., Горденко А. С. Классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сборник науч. трудов. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 26. № 2. С. 231.

Латентность. Высокотехнологичные преступления должны быть отнесены к группе высоколатентных преступных деяний. Явление латентности традиционно исследуется криминологией, в то же время для высоколатентных преступлений при разработке криминалистической методики расследования необходимо учитывать реальный масштаб совершения преступлений, объединенных в определенную криминалистическую группу, и причины, затрудняющие выявление фактически совершенных преступных деяний. В силу этого, например, И. В. Александров к основным криминалистическим особенностям налоговых преступлений справедливо относил их высокую латентность²⁶. Особое значение имеет знание особенностей латентизации высокотехнологичных преступлений для первоначального этапа расследования, который отличается высокой информационной неопределенностью и в первую очередь нуждается в разработке криминалистических рекомендаций для практического использования.

Приведем также структурные элементы криминалистической характеристики, присущие высокотехнологичным преступлениям и выступающие как факультативные.

Противодействие расследованию. Высокотехнологичные преступления, как правило, сопровождаются воспрепятствованием расследованию со стороны преступников и связанных с ними лиц. Сам этот структурный элемент является сложной системой²⁷, включающей в себя различные составляющие. В состав субъектов противодействия могут входить различные лица, в том числе со стороны защиты (подозреваемый или обвиняемый, защитник, иные лица), со

стороны обвинения (прежде всего потерпевшие, следователи, прокурорские работники), иные участники уголовного судопроизводства (свидетели, эксперты и специалисты), а также лица, не являющиеся субъектами уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу (лица, связанные с подозреваемым или обвиняемым, должностные лица). Используемые субъектами противодействия способы противодействия достаточно разнообразны и включают в себя, во-первых, противоправное воздействие на источники криминалистически значимой информации — как на материальные источники, так и на лиц, являющихся носителями этой информации; во-вторых, воздействие на субъектов расследования преступления: следователей, экспертов, прокурорских работников и т.д.; в-третьих, негативное влияние на условия расследования с целью создания помех, недопущения расследования или с целью его необоснованного прекращения.

Особенности глокализации. Для высокотехнологичных преступлений характерно легкое преодоление региональных и государственных границ, то есть межрегиональный и транснациональный характер²⁸. В то же время особенности развития современных организованных преступных групп, совершающих высокотехнологичные преступления, требуют учета такого нового фактора, как глокализация, заключающаяся в усилении локальных — государственных, региональных и иных — особенностей наряду и одновременно с процессами глобализации²⁹. На наш взгляд, это делает актуальным введение принципиально нового элемента криминалистической характеристики,

²⁶ Александров И. В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 19.

²⁷ Тишутина И. В. О развитии криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений // Известия ТулГУ. 2010. № 2-1. С. 334–340.

²⁸ McGuire M., Dowling S. Cyber crime: A review of the evidence // Research Report 75. Chapter 4 : Improving the cyber crime evidence base. UK Home Office, 2013 ; Хижняк Д. С. Транснациональная криминальная деятельность как объект криминалистического исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 221–226.

²⁹ Глинский Я. И. Глобализация и преступность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15). С. 23–33 ; Martínez G. V. Glocalization and crime: not just a question of variable geometry // Chapter 11. Handbook of Culture and Glocalization / ed. by V. Roudometof, U. Dessì. Edward Elgar Publ., 2022. P. 171–185.

не изучавшегося ранее криминалистической теорией, описывающего особенности глокализации высокотехнологичных преступлений и становящегося в ряде случаев, по мнению A. Lavorgna и G. A. Antonopoulos, ключевым при исследовании подобных преступных деяний³⁰. Это особенно важно в связи с усилением региональных преступных групп с узкой специализацией, а также их выходом на международные преступные рынки. Полагаем, что изучение и учет с криминалистических позиций особенностей глокализации является одним из новых и перспективных направлений криминалистической методики расследования.

Иные структурные элементы. В структуре криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений могут быть выделены и иные элементы, играющие, на наш взгляд, менее значимую роль. В качестве примера могут быть приведены причины и условия, способствующие совершению преступлений³¹.

Отметим, что рассмотренный перечень элементов криминалистической характеристики не является исчерпывающим. Более того, полагаем, что в связи с непрерывной эволюцией высокотехнологичных преступлений изменения и дополнения в состав и содержание структурных элементов рассматриваемой криминалистической характеристики должны вноситься перманентно.

3. Взаимосвязь между элементами криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений

Все элементы криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений закономерно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Эта взаимосвязь осуществляется за счет

двух различных видов зависимостей. К первому виду относятся *причинно-следственные* связи, при которых формирование одного элемента служит условием возникновения другого. В качестве примера: наличие среди соучастников лиц, обладающих специальными знаниями в сфере цифровых технологий, является условием, обеспечивающим применение новых или модифицированных компьютерных средств преступления. Использование таких средств, в свою очередь, служит причиной возникновения сложной следовой картины, представленной электронно-цифровыми следами, и т.д. Полагаем, что причинно-следственные связи между элементами не только имеют важное для расследования ориентирующее значение, но и в отдельных случаях могут использоваться при доказывании. Так, отсутствие в преступной группе лиц, обладающих необходимыми специальными знаниями, исключает возможность самостоятельного создания данной группой вредоносного программного обеспечения.

Ко второму виду зависимостей относятся *корреляционные* связи, в которых изменение одного элемента сопровождается изменением другого, но причинно-следственные отношения между этими изменениями отсутствуют. Как отмечал И. М. Лузгин, для корреляционной связи «характерно отсутствие причинной зависимости между явлениями и предметами»³², причем «явления следуют параллельно друг другу»³³. Отсутствие причинно-следственной зависимости одного элемента криминалистической характеристики от другого исключает использование корреляционных связей в качестве доказательств, поскольку, по верному замечанию П. П. Ищенко, происходит «разрыв в причинно-следственной цепи доказывания»³⁴. В то же время с позиций практического использования корреляционные связи имеют важное

³⁰ Lavorgna A., Antonopoulos G. A. Criminal markets and networks in Cyberspace // Trends Organ Crime. 2022. Vol. 25. Iss. 2. P. 159.

³¹ Васильев А. А., Дудник А. Г. Аспекты формирования криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием ЭВМ и радиоэлектронных устройств // Следователь. 2004. № 2. С. 35.

³² Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973. С. 41.

³³ Лузгин И. М. Указ. соч. С. 57.

³⁴ Ищенко П. П. Указ. соч. С. 60.

ориентирующее значение, выступая в качестве «поискового средства»³⁵.

Заключение

В работе предложена структура криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений, включающая в себя как базовые элементы, присутствующие для всех групп преступлений, так и факультативные, характерные именно для рассматриваемой группы преступных деяний. Выявлена и рассмотрена принципиальная специфика в содержании каждого из этих структурных элементов. Обосновано введение новых, ранее не использовавшихся,

элементов структуры криминалистической характеристики. Проанализированы особенности возникающих между структурными элементами криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений причинно-следственных и корреляционных связей. Сделаны выводы по возможному использованию этих связей в процессе расследования и в деятельности по доказыванию обстоятельств уголовного дела.

Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования теории и практики противодействия высокотехнологичным преступлениям, отличающимся высокими темпами распространения, повышенной общественной опасностью и сложностью расследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александров И. В.* Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2003. — 41 с.
2. *Бессонов А. А.* О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. — 2014. — № 6 (45). — С. 45–51.
3. *Васильев А. А., Дудник А. Г.* Аспекты формирования криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием ЭВМ и радиоэлектронных устройств // Следователь. — 2004. — № 2. — С. 34–36.
4. *Васюков В. Ф.* Изъятие электронных носителей информации: нерешенные проблемы практики // Уголовный процесс. — 2016. — № 2. — С. 54–57.
5. *Вехов В. Б.* Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. Б. П. Смагоринского. — М. : Право и Закон, 1996. — 182 с.
6. *Гавло В. К.* Методика расследования отдельных видов преступлений и криминалистическая характеристика // Новая конституция СССР и вопросы государства и права : сборник статей. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979. — С. 194–196.
7. *Глинский Я. И.* Глобализация и преступность. Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 2 (15). — С. 23–33.
8. *Головин А. Ю.* Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2012. — № 1–2. — С. 43–55.
9. *Зайцев А. П.* Электронный документ как источник доказательств // Законность. — 2002. — № 4. — С. 40–44.
10. *Ищенко П. П.* Нужна ли криминалистическая характеристика преступления в криминалистической методике? // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 3. — С. 55–69.
11. *Князьков А. С.* О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 304. — С. 122–128.

³⁵ Князьков А. С. Указ. соч. С. 128.

12. Кобец П. Н. Совершенствование противодействия современным вызовам и угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации, исходящих от международных террористических организаций // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 2 (101). — С. 51–64.
13. Козлов В. Е. Компьютерные преступления. Криминалистическая характеристика и осмотр места происшествия : монография. — Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2001. — 120 с.
14. Круть О. В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий // Вестник Института экономических исследований. — 2017. — № 3 (7). — С. 172–177.
15. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования — М. : Юрид. лит, 1973. — 216 с.
16. Меретуков Г. М. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными организациями) : учеб. пособие. — Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2010. — 295 с.
17. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2011. — 176 с.
18. Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. — Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1988. — 176 с.
19. Подольный Н. А. Проблемы оптимизации расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники: проблемы, тенденции, перспективы : материалы всерос. конференции — М. : Макс Пресс, 2005. — С. 172–176.
20. Поляков В. В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 6. — С. 85–96. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.085-096.
21. Поляков В. В. Понятие средств совершения высокотехнологичных преступлений // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации : сборник науч. статей XIX Междунар. науч.-практ. конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». — Вып. XVII / отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. — С. 76–86.
22. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex russica. — 2019. — № 3 (148). — С. 87–99.
23. Сысенко А. Р., Горденко А. С. Классификация способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 229–236. — DOI: 10.55001/2587-9820.2023.90.21.022.
24. Тишутина И. В. О развитии криминалистической теории преодоления противодействия расследованию преступлений // Известия ТулГУ. — 2010. — № 2-1. — С. 334–340.
25. Хижняк Д. С. Транснациональная криминальная деятельность как объект криминалистического исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 2 (103). — С. 221–226.
26. Шавер Б. М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Социалистическая законность. — 1938. — № 1. — С. 42–56.
27. Яблоков Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2015. — № 5. — С. 40–51.
28. Chertoff M., Simon T. The Impact of the Dark Web on Internet Governance and Cyber Security // Global commission on internet governance. Paper Series No. 6. — February 2015. — URL: http://www.cigionline.org/static/documents/gcig_paper_no.6.pdf (дата обращения: 11.09.2023).
29. Dupont B. Enhancing the effectiveness of cybercrime prevention through policy monitoring // Journal of Crime and Justice. — 2019. — Vol. 42. — Iss. 5. — P. 500–515. — DOI: 10.1080/0735648X.2019.1691855.
30. Lavorgna A., Antonopoulos G. A. Criminal markets and networks in Cyberspace // Trends Organ Crime. — 2022. — Vol. 25. — Iss. 2. — P. 145–150. — URL: <https://doi.org/10.1007/s12117-022-09450-5>.

31. *Leukfeldt E. R., Lavorgna A. and Kleemans E. R.* Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime // *European Journal by Criminal Policy and Research*. — 2017. — Vol. 23. — Iss. 3. — P. 287–300. — DOI: 10.1007/s10610-016-9332-z.
32. *Martínez G. V.* Glocalization and crime: not just a question of variable geometry // Chapter 11. *Handbook of Culture and Glocalization* / ed. by V. Roudometof and U. Dessì. — Copyright Edward Elgar Publ., 2022. — P. 171–185. — DOI: <https://doi.org/10.4337/9781839109010.00018>.
33. *McGuire M., Dowling S.* Cyber crime: A review of the evidence // *Research Report 75. Chapter 4: Improving the cyber crime evidence base*. — UK Home Office, 2013. — URL: http://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/246756/horr75-chap4.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

Материал поступил в редакцию 12 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov I. V. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy rassledovaniya nalogovykh prestupleniy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk.* — Ekaterinburg, 2003. — 41 s.
2. Bessonov A. A. O sushchnosti kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy // *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*. — 2014. — № 6 (45). — S. 45–51.
3. Vasilev A. A., Dudnik A. G. Aspekty formirovaniya kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, sovershaemykh s ispolzovaniem EVM i radioelektronnykh ustroystv // *Sledovatel*. — 2004. — № 2. — S. 34–36.
4. Vasyukov V. F. Izyatie elektronnykh nositeley informatsii: nereshennye problemy praktiki // *Ugolovnyy protsess*. — 2016. — № 2. — S. 54–57.
5. Vekhov V. B. *Kompyuternye prestupleniya: sposoby soversheniya i raskrytiya* / pod red. B. P. Smagorinskogo. — M.: Pravo i Zakon, 1996. — 182 s.
6. Gavlo V. K. Metodika rassledovaniya otdelnykh vidov prestupleniy i kriminalisticheskaya kharakteristika // *Novaya konstitutsiya SSSR i voprosy gosudarstva i prava: sbornik statey*. — Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1979. — S. 194–196.
7. Glinskiy Ya. I. Globalizatsiya i prestupnost. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2008. — № 2 (15). — S. 23–33.
8. Golovin A. Yu. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy kak kategoriya sovremennoy kriminalistiki // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. — 2012. — № 1–2. — S. 43–55.
9. Zaytsev A. P. Elektronnyy dokument kak istochnik dokazatelstv // *Zakonnost*. — 2002. — № 4. — S. 40–44.
10. Ishchenko P. P. Nuzhna li kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya v kriminalisticheskoy metodike? // *Lex russica*. — 2020. — T. 73. — № 3. — S. 55–69.
11. Knyazkov A. S. O kriteriyakh znachimosti kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniya // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2007. — № 304. — S. 122–128.
12. Kobets P. N. Sovershenstvovanie protivodeystviya sovremennym vyzovam i ugrozam v sfere informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii, iskhodyashchikh ot mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizatsiy // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. — 2022. — № 2 (101). — S. 51–64.
13. Kozlov V. E. *Kompyuternye prestupleniya. Kriminalisticheskaya kharakteristika i osmotr mesta proisshestviya: monografiya*. — Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus, 2001. — 120 s.
14. Krut O. V. Motivatsiya, motiv i tsel prestupleniya: sootnoshenie ponyatiy // *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy*. — 2017. — № 3 (7). — S. 172–177.
15. Luzgin I. M. *Metodologicheskie problemy rassledovaniya* — M.: Yurid. lit, 1973. — 216 s.

16. Meretukov G. M. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy, sovershaemykh organizovannymi prestupnymi gruppami (prestupnymi organizatsiyami): ucheb. posobie. — Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2010. — 295 s.
17. Meshcheryakov V. A. Prestupleniya v sfere kompyuternoy informatsii: pravovoy i kriminalisticheskoy analiz. — Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 2011. — 176 s.
18. Obraztsov V. A. Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy. — Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1988. — 176 s.
19. Podolnyy N. A. Problemy optimizatsii rassledovaniya prestupleniy v sfere kompyuternoy informatsii // Raskrytie i rassledovanie prestupleniy, sopryazhennykh s ispolzovaniem sredstv vychislitelnoy tekhniki: problemy, tendentsii, perspektivy: materialy vseros. konferentsii — M.: Maks Press, 2005. — S. 172–176.
20. Polyakov V. V. Istochniki i printsipy formirovaniya chastnoy metodiki rassledovaniya vysokotekhnologichnykh prestupleniy // Lex russica. — 2022. — T. 75. — № 6. — S. 85–96. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.085-096.
21. Polyakov V. V. Ponyatie sredstv soversheniya vysokotekhnologichnykh prestupleniy // Problemy borby s prestupnostyu v usloviyakh tsifrovizatsii: sbornik nauch. statey XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii «Ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya na Altae». — Vyp. XVII / otv. red. S. I. Davydov, V. V. Polyakov. — Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2021. — S. 76–86.
22. Rossinskaya E. R., Ryadovskiy I. A. Sovremennye sposoby kompyuternykh prestupleniy i zakonomernosti ikh realizatsii // Lex russica. — 2019. — № 3 (148). — S. 87–99.
23. Sysenko A. R., Gordenko A. S. Klassifikatsiya sposobov soversheniya prestupleniy s ispolzovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. — 2023. — T. 26. — № 2. — S. 229–236. — DOI: 10.55001/2587-9820.2023.90.21.022.
24. Tishutina I. V. O razvitii kriminalisticheskoy teorii preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu prestupleniy // Izvestiya TulGU. — 2010. — № 2-1. — S. 334–340.
25. Khizhnyak D. S. Transnatsionalnaya kriminalnaya deyatel'nost' kak obekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2015. — № 2 (103). — S. 221–226.
26. Shaver B. M. Ob osnovnykh printsipakh chastnoy metodiki rassledovaniya prestupleniy // Sotsialisticheskaya zakonnost. — 1938. — № 1. — S. 42–56.
27. Yablokov N. P. Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy v metodike rassledovaniya i ee vidy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2015. — № 5. — S. 40–51.
28. Chertoff M., Simon T. The Impact of the Dark Web on Internet Governance and Cyber Security // Global commission on internet governance. Paper Series No. 6. — February 2015. — URL: http://www.cigionline.org/static/documents/gcig_paper_no.6.pdf (data obrashcheniya: 11.09.2023).
29. Dupont B. Enhancing the effectiveness of cybercrime prevention through policy monitoring // Journal of Crime and Justice. — 2019. — Vol. 42. — Iss. 5. — P. 500–515. — DOI: 10.1080/0735648X.2019.1691855.
30. Lavorgna A., Antonopoulos G. A. Criminal markets and networks in Cyberspace // Trends Organ Crime. — 2022. — Vol. 25. — Iss. 2. — P. 145–150. — URL: <https://doi.org/10.1007/s12117-022-09450-5>.
31. Leukfeldt E. R., Lavorgna A. and Kleemans E. R. Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime // European Journal by Criminal Policy and Research. — 2017. — Vol. 23. — Iss. 3. — P. 287–300. — DOI: 10.1007/s10610-016-9332-z.
32. Martínez G. V. Glocalization and crime: not just a question of variable geometry // Chapter 11. Handbook of Culture and Glocalization / ed. by V. Roudometof and U. Dessì. — Copyright Edward Elgar Publ., 2022. — P. 171–185. — DOI: <https://doi.org/10.4337/9781839109010.00018>.
33. McGuire M., Dowling S. Cyber crime: A review of the evidence // Research Report 75. Chapter 4: Improving the cyber crime evidence base. — UK Home Office, 2013. — URL: http://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/246756/horr75-chap4.pdf (data obrashcheniya: 11.09.2023).

Понятие правды в криминалистике

Аннотация. В статье рассматривается понятие правды в криминалистике как дихотомическое по отношению ко лжи. Автор приходит к выводу о том, что понятие «правда» может выступать проблемным знанием, содержащим вероятно истинное знание, отчасти соответствующее действительности, в которое верит лицо, его принимающее. Такую трактовку понятия следует рассматривать в качестве цели и результата поисково-познавательной деятельности по уголовному делу, что является слагаемым получения в последующем достоверно истинной криминалистически значимой информации. Правда в отмеченном понимании может выступать и фактором, существенно определяющим поисково-познавательную деятельность следователя в уголовном судопроизводстве. С точки зрения коммуникативного взаимодействия правда может быть рассмотрена в качестве информации, адресант которой стремится передать сведения, оцениваемые им как истинные, в целях создания у адресата полного и истинного представления о некоторой действительности с учетом собственных представлений о такой полноте и истинности. Данное определение применимо для решения задач процессуальных действий, в которых основным методом получения информации является опрос, а также для минимизации ошибок в получении истинной информации в ходе производства указанных действий. В философском знании правда изучается и в качестве идеала этичности. С учетом того что понятие этичного в криминалистике носит весьма дискуссионный характер, рассмотрение правды в качестве этического идеала пока видится безрезультатным. Положения статьи могут быть значимыми в контексте комплексного рассмотрения понятия «правда» в криминалистике и выработки теории правды как феномена уголовного судопроизводства в противовес лжи.

Ключевые слова: истина; достоверность; вероятностное знание; правда; ложь; криминалистическое познание; криминалистическая деятельность следователя; структура поисково-познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве; коммуникация; убеждение; этичность.

Для цитирования: Семеновский А. И. Понятие правды в криминалистике // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 160–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.160-173.

The Concept of Truth in Criminology

Andrey I. Semenovskiy, Postgraduate Student, Assistant, Department of Criminal Procedure and Criminology, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
ai.semenovsky97@gmail.com

Abstract. The paper examines the concept of truth in criminology as a dichotomous concept in relation to lies. The author concludes that the concept of «truth» can act as problematic knowledge, containing probable true knowledge, partly corresponding to reality, in which the person accepting it believes. This understanding of the concept should be considered as the goal and result of search and cognitive activity in a criminal case, which is a component of subsequently obtaining reliable, true forensically significant information. The truth, in the noted

© Семеновский А. И., 2024

* Семеновский Андрей Игоревич, аспирант, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета
Свободный пр., д. 82а, г. Красноярск, Россия, 660041
ai.semenovsky97@gmail.com

understanding, can also act as a factor that significantly determines the search and cognitive activity of the investigator in criminal proceedings. From the point of view of communicative interaction, truth can be considered as information, the addressee of which seeks to convey information that he evaluates as true, in order to create in the addressee a complete and true idea of some reality, taking into account his own ideas about such completeness and truth. This definition is applicable to solving problems of procedural actions in which the main method of obtaining information is questioning, as well as to minimizing errors in obtaining true information during the production of these actions. In philosophical knowledge, truth is also studied as an ideal of ethics. Considering that the concept of ethics in criminology is highly debatable, consideration of truth as an ethical ideal so far seems inconclusive. The ideas set forth in the paper may be significant in the context of a comprehensive consideration of the concept of «truth» in criminology and the development of a theory of truth as a phenomenon of criminal proceedings as opposed to lies.

Keywords: true; reliability; probabilistic knowledge; truth; lie; forensic cognition; forensic activity of the investigator; structure of search and cognitive activity in criminal proceedings; communication; belief; ethics.

Cite as: Semenovskiy AI. The Concept of Truth in Criminology. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):160-173. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.160-173.

Введение и постановка проблемы

В 1998 г. в работе, посвященной феноменологии лжи, А. Р. Ратинов обращал внимание на необходимость формирования теории данного явления в силу охвата им многих сторон человеческой жизни, в том числе юриспруденции, а также по причине того, что ложь является универсальным средством недобросовестного манипулирования сознанием и поведением людей в корыстных целях¹.

С того момента появился ряд исследований, посвященных данному явлению в отдельных сферах поисково-познавательной деятельности следователя, а также в криминалистике в целом². При этом понятие «ложь», исходя из анализа посвященной этому вопросу литературы, является дихотомическим понятию «правда»³.

В. А. Образцов указывает в своих работах, что ложь является всё более поражающим уголовный процесс злом, принимающим различные формы в виде активной и пассивной лжи, сознательного и умышленного исключения отдельных элементов расследуемого события, вымысла, и представляет собой *неправду*⁴.

Отдельно отметим, что законодатель использует понятие «правда» в контексте разъяснения следователем несовершеннолетним свидетелям и потерпевшим, не достигшим возраста 16 лет, обязанности говорить правду (ч. 2 ст. 191 УПК РФ); разъяснения судом значения полных и правдивых показаний данной категории потерпевших и свидетелей (ч. 5 ст. 280 УПК РФ); характеристики сообщенных обвиняемым сведений в рамках выполнения им обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве, отражаемых

¹ Ратинов А. Р. Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; предисл. О. Д. Ситковской ; Акад. Ген. прокуратуры РФ. М. : Проспект, 2016. С. 188–189.

² См., например: Карпенко О. А., Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 11–28 ; Подвойский К. В. Тактико-психологическая характеристика лжи и криминалистические методы ее выявления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 17–68.

³ См.: Васильев А. Н. Следственная тактика. М. : Юридическая литература, 1976. С. 131 ; Криминалистика : учебник / П. Н. Аленичев, Р. С. Белкин, Л. А. Винберг [и др.] ; отв. ред. Р. С. Белкин. М. : Юридическая литература, 1986. С. 295.

⁴ Криминалистика : учебник / Н. М. Ашмарина, Е. Н. Викторова, Л. Н. Викторова [и др.] ; под ред. В. А. Образцова. М. : Юрист, 1997. С. 502–504.

в представлении прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения в отношении такого обвиняемого (ч. 2 ст. 317.5 УПК РФ)⁵. Кроме того, анализ судебных актов по уголовным делам Верховного Суда РФ с 2002 г. по февраль 2022 г. говорит о превалировании в жалобах термина «правдивые показания» в сравнении с терминами «объективные показания» и «достоверные показания».

Анализ работ по криминалистике свидетельствует об отсутствии фундаментальных исследований феноменологии правды в криминалистической деятельности. Получается, что исследователи разрабатывают рекомендации по преодолению лжи, получению правды, практические работники сталкиваются с ложью в уголовном процессе и пытаются преодолеть это зло, достигнуть правды, однако не имеют теоретически разработанного и обоснованного представления о том, что является правдой в их сфере деятельности. Таким образом, изучение правды в срезе криминалистики, разработка теории правды представляют научный и практический интерес.

1. Понятие правды в русском языке и иных сферах научного знания

В криминалистике в основном используется понятие «правдивый» по отношению к показани-

ям⁶. Согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова, «правдивый» — «склонный к правде, основанный на правде, истине, стремящийся к ней, говорящий правду, заключающий ее в себе»⁷. В Толковом словаре С. И. Ожегова можно обнаружить сходное определение данного понятия, согласно которому «правдивый» — «содержащий, выражающий правду или склонный ее говорить»⁸.

Как отмечают Т. Н. Москалькова и В. В. Черников, если нормативный правовой акт не содержит специальной дефиниции используемого в нем понятия, оно должно трактоваться в общеупотребительном смысле⁹. С учетом изложенного представляет интерес использование термина «правдивый» в правоприменительной практике, в текстах судебных актов Верховного Суда РФ как высшего звена судебной системы по уголовным и иным делам, судебные акты которого в определенном смысле формируют судебную практику нижестоящих судов, так как на нее они обращают внимание и стараются ей соответствовать¹⁰.

Согласно проведенному автором настоящей работы исследованию (изучено 665 судебных актов за 2002–2022 гг., в которых имелось словосочетание «правдивые показания»), высокая судебная инстанция отмечает, что правдивые показания являются таковыми, если объективно подтверждаются иными доказательствами и установленными фактическими обстоятель-

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

⁶ См., например: Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., исправ., доп. и перераб. М. : Контракт, Инфра-М, 2010. С. 401 ; Криминалистика : учебник / отв. ред. Р. С. Белкин. С. 289 ; Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. 3-е изд., перераб. Мн. : Вышэйшая школа, 1978. С. 119.

⁷ Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 / сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1939. С. 691.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : А Темп, 2006. С. 576.

⁹ Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество : науч.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. С. 285.

¹⁰ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 255–259 ; Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9–10.

ствами уголовного дела, согласуются с ними и им не противоречат.

Обозначенное понимание правдивости в практике суда отождествляет ее с достоверностью в уголовном судопроизводстве, так как именно достоверность доказательств по уголовному делу зачастую понимается в качестве объективного соответствия их содержания действительности, что подтверждается совокупностью иных собранных доказательств, их внутренней взаимосвязью с доказательством, достоверность которого устанавливается, и отсутствием противоречий в содержании таких доказательств. При этом достоверность возможно установить, когда собраны все доказательства по уголовному делу¹¹.

Можно встретить утверждение, что с позиций норм русского права термины «правда», «справедливость» и «истина» являются синонимами¹². В свою очередь, И. Б. Шатуновский отмечал, что под истинным сообщением следует понимать такое, когда его адресант имеет мысленный образ повествуемой реальности, соответствующий объективной действительности¹³. Это становится возможным, когда адресант такого сообщения имеет верное отражение в сознании той действительности, о которой говорит, и транслирует именно это отражение¹⁴. Под искренностью следует понимать ситуацию, когда транслируемое сообщение идентично имеющемуся мысленному образу некоторой реальности, хотя это не подразумевает, что сам этот образ соответствует

действительности¹⁵. Сочетание искренности и истинности выражается понятием «правда», т.е. такой ситуацией, когда адресант некоторого сообщения передает информацию о действительности и, во-первых, она соответствует его мысленному образу данной действительности, во-вторых, сам этот мысленный образ соответствует объективной действительности¹⁶. При этом правда зависима от субъекта, представляет его личные переживания, она также зависит от возможности субъекта в силу субъективных и объективных причин, внешнего воздействия полноценно сформировать мысленный образ реальности и передать его словами¹⁷.

В своих философских трактатах Д. И. Дубровский указывает на определенную синонимичность понятий «правда» и «истина», хотя и отмечает, что первое не относится ко второму в полной мере, а включает в себя уверенность, убежденность субъекта познания в какой-то своей «истине»¹⁸. А. Д. Александров полагал, что правда охватывает моральное представление о добре и зле («моральную правоту») и объективную истину¹⁹. П. В. Алексеев пишет, что правда — знание проблемное, в определенной степени соответствующее истине (что роднит его с вероятностным знанием), основанное на убежденности соответствия такого знания реальному положению дел, базисом такого убеждения являются эмоциональные начала, предшествующий жизненный опыт²⁰.

¹¹ См.: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М. : Юридическая литература, 1964. С. 148 ; Грошевой Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие : монография. Харьков : Вища школа, 1986. С. 83–85 ; Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учеб. пособие. М. : Юристъ, 1995. С. 46 ; Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2000. С. 53.

¹² Словарь синонимов : справочное пособие / сост. Л. П. Алекторова, С. Л. Баженова, З. Т. Короткевич [и др.] ; отв. ред. А. П. Евгеньева. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1977. С. 413.

¹³ Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1991. С. 33.

¹⁴ Логический анализ языка. С. 33.

¹⁵ Логический анализ языка. С. 31–32.

¹⁶ Логический анализ языка. С. 33–34.

¹⁷ Логический анализ языка. С. 35.

¹⁸ Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М. : Канон+, 2002. С. 355.

¹⁹ Наука и ценности / отв. ред. А. Н. Кочергин. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1987. С. 32.

²⁰ Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Философия : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. С. 209.

С позиции гносеологии В. В. Иванова указывает, что правда представляет собой знание, имеющее практическую ценность, выступающее ориентиром для получения иного знания в целях осуществления некоторого идеала²¹. Правда также может рассматриваться в качестве справедливости и идеала общественной жизни, идеального нравственного состояния, эталона справедливости и общественного идеала²². Кроме того, под правдой понимают такое знание и такую оценку мира и жизни человеком, которые являются решающей причиной его действий²³.

На стыке психологии и криминалистики, в юридической психологии можно обнаружить следующее использование понятий «правда» и «правдивый». Так, А. М. Столяренко называл в своих работах правдивыми такие показания, которые даются допрашиваемым с искренним желанием рассказать все, что известно ему по предмету допроса, в объеме, в котором освещаемый им на допросе факт был воспринят²⁴. А. Р. Ратинов в своих работах отождествлял правдивость с искренностью. Ученый обращал внимание на то, что в случае совпадения показаний со знанием допрашиваемого, пусть даже оно не соответствует выясняемому факту или действительности в целом, возможно вести речь об искренности показаний²⁵.

2. Понятие правды в криминалистике с учетом структуры криминалистической деятельности

Содержание криминалистической деятельности представляет собой поисково-познавательную деятельность по отношению к обстоятельствам преступного события, выступает одной из сторон двуединого объекта изучения криминалистики, объектом криминалистического обеспечения²⁶. Такое понимание криминалистической деятельности сближает ее с познавательной деятельностью.

В свою очередь, криминалистическая деятельность, будучи сходной с познавательной, с позиций системно-структурного подхода состоит из отдельных элементов: субъекта такого специфического познания; цели (в виде реализации норм уголовного закона); задач (выявление, раскрытие, расследование, пресечение и предотвращение преступлений); объекта познания (само преступление и связанные с ним явления); объекта поиска и изучения (имеющая значения для производства по уголовному делу информация и ее носители); средств реализации собственно поиска и познания; технологий (механизмов и процедур) такой поисково-познавательной деятельности и ее результатов²⁷.

В контексте настоящего исследования уяснение структуры криминалистической деятельности поможет выяснить, с одной стороны, каким образом общеупотребительное и философское понимание правды преломляется в криминали-

²¹ Иванова В. В. Правда в бытии человека : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. С. 10.

²² См.: Денисов С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды : монография. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 24 ; Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 189.

²³ Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества / отв. ред. В. В. Давыдов. М. : Наука, 1990. С. 83.

²⁴ Столяренко А. М. Психологические приемы в работе юриста : практическое пособие. М. : Юрайт, 2001. С. 256.

²⁵ Ратинов А. Р. Указ. соч. С. 193–195.

²⁶ См.: Криминалистика : учебник / под ред. В. А. Образцова. С. 5–10 ; Центров Е. Е. Системно-деятельностный подход и основные элементы криминалистики // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики : материалы конференции. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–19 октября 2010 г. : в 2 т. М. : Макс Пресс, 2010. Т. 1. С. 275–281.

²⁷ Криминалистика : учебник / под ред. В. А. Образцова. С. 11 ; Центров Е. Е. Указ. соч. С. 275–281.

стике, с другой стороны, в каких элементах данной деятельности и при каких условиях правда обнаруживается и существует. Обратим внимание: подобную роль структура криминалистической деятельности играет в изучении лжи²⁸.

Анализ собственно криминалистического знания свидетельствует о следующих вариантах трактовки термина «правда» в нем на сегодняшний день. Так, Я. А. Канторович писал о правде: «...в самой природе человеческой заложена склонность к правдивому, соответствующему действительности, изложению виденного...»²⁹. С. Я. Розенблит полагал, что целью допроса является получение полных и правдивых показаний, правильно отражающих объективную действительность³⁰. А. Н. Васильев утверждал, что правдивые показания способствуют формированию достоверных показаний, отмечая, что достоверные показания — зачастую показания правдивые, а также писал, что правдивые показания — это фактически внутреннее отношение к ним допрашиваемого, в свою очередь, достоверные показания — соответствующие действительности³¹. И. Ф. Крылов отрицал значение правдивых показаний (соответственно, ценности понятия правды) в расследовании по уголовному делу, отмечая, что цель допроса состоит в получении достоверных показаний, соответствующих действительности, а правдивые показания отражают лишь мнение об истинности воспринятого образа³². Н. И. Порубов рассуждал, что цель допроса состоит в получении правдивых показаний, которые объективно отражают обстоятельства расследуемого дела³³.

Р. С. Белкин, в свою очередь, видел цель следственного допроса в получении полных и объективно отражающих действительность показаний³⁴, а о тактическом воздействии на обвиняемого, дающего ложные показания, писал, что оно должно убедить его дать правдивые показания³⁵.

Таким образом, анализ использования термина «правда» в криминалистике свидетельствует о его применении сугубо к информации, поступающей в виде показаний. Кроме того, ввиду проведенного обзора позиций относительно правдивых показаний такие показания фактически уравниваются с достоверными, так как их существенным признаком выступает объективное соответствие действительности.

Исследователи лжи в криминалистике полагают, что к данному явлению можно условно применить два подхода: логический и психологический³⁶. Логический подход исходит из понимания в качестве лжи любой не соответствующей действительности информации, с позиций логики лжи противопоставляется истине³⁷. Однако решение вопроса об истинности продолжительно во времени, имеет переходы от вероятностного знания к достоверно истинному, обоснованному полученным опытом³⁸. Подходы в науке уголовного процесса к свойству достоверности уже упоминались, а потому решение вопроса об истинности или о достоверности полученной в ходе криминалистической деятельности информации подчас невозможно, пока не будет собрано всей совокупности сведений и доказательств, не будут изучены особен-

²⁸ Подвойский К. В. Ложь в структуре криминалистического познания (статья первая) // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2020. № 6. С. 89.

²⁹ Канторович Я. А. Психология свидетельских показаний. Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. С. 3.

³⁰ Криминалистика : учебник / отв. ред. С. А. Голунский. М. : Госюриздат, 1959. С. 287.

³¹ Васильев А. Н. Указ. соч. С. 113.

³² Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Крылова. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. С. 353.

³³ Порубов Н. И. Указ. соч. С. 88.

³⁴ Криминалистика : учебник / отв. ред. Р. С. Белкин. С. 274.

³⁵ Криминалистика : учебник / отв. ред. Р. С. Белкин. С. 288–291.

³⁶ Подвойский К. В. Понятие лжи в криминалистике // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 448.

³⁷ Эйсман А. А. Логика доказывания. М. : Юридическая литература, 1971. С. 13.

³⁸ Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Указ. соч. С. 223.

ности внутренней взаимосвязи таких сведений и доказательств, могущей свидетельствовать с позиции философии об установлении достоверной истинности некоторой информации³⁹, а с позиции уголовного процесса — об установлении достоверности доказательства.

Согласно положениям гносеологии для достижения достоверно истинного знания субъект познания сначала собирает вероятно истинную информацию, которая может отчасти быть заблуждением, но никогда — сознательным искажением такой информации⁴⁰. Исходя из этого положения, на эмпирическом уровне доказывания следователь уже должен ставить цель собирать потенциально истинную доказательственную информацию. Если субъект ставит цель, он подыскивает пригодные для реализации данной цели средства⁴¹. Из указанного допустимо, что следователь будет пытаться подыскать заведомо пригодные средства достижения цели по установлению нужной ему достоверной информации, если такая цель перед ним стоит, т.е. будет подыскивать потенциально достоверную информацию и ее источник, продвигаясь по направлению к отмеченной цели. Принимая решение, оценивая поступающую информацию тем или иным образом, следователь, как и всякий человек, руководствуется имеющимися стереотипами, прошлыми знаниями и опытом⁴². Таким образом, на первоначальных этапах расследования преступления, когда нет возможности говорить о достоверности (истинности) собираемой информации, следователь будет стремиться собрать такие сведения, которые, вероятно, соответствуют действительности, исходя из собственных представлений об истин-

ных, достоверных сведениях, в которые верит. Такая вера основывается на рациональных началах, представляющих ранее полученные знания и опыт, а также на иррациональных, т.е. не связанных с разумной мыслительной деятельностью⁴³. Последние в следственной деятельности могут основываться на эмоциях, так как законы общей регуляции поведения действуют и в следственной практике⁴⁴. Рациональным началом веры могут выступать предыдущий опыт осуществления расследования в аналогичных ситуациях, опыт коллег, складывающаяся практика расследования данного вида преступлений, знания, почерпнутые из криминалистики, вселяющие убеждение в правильности собирания той или иной информации. Допустимым вариантом базиса иррациональной веры можно считать интуицию как результат неосознаваемых аналогий с прошлым опытом⁴⁵.

В силу изложенного такая информация обладает свойством правдивости в предложенной П. В. Алексеевым трактовке, так как следователь в указанной ситуации получает информацию, которую он рассматривает в качестве потенциально истинной, основываясь на своей вере. При этом стоит полагать, что уже на момент имеющегося положения дел данная информация обладает отдельными признаками соответствия действительности в силу отмеченной тенденции субъекта в нормальном состоянии подыскивать оптимальные средства реализации своей цели, чем будет вероятно истинная информация, обладающая отдельными признаками действительного соответствия реальности.

Вера в то или иное положение дел может быть рассмотрена в качестве убеждения⁴⁶. В пси-

³⁹ Геворкян Г. А. Вероятное и достоверное знание. Ереван : Изд-во Академии наук АССР, 1965. С. 134.

⁴⁰ Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Указ. соч. С. 215–222.

⁴¹ Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии : учебник для вузов. М. : Юристъ, 1996. С. 65.

⁴² Adams-Quackenbush N. M., Horselenberg R., Koppen P. J. Where Bias Begins: A Snapshot of Police Officers' Beliefs about Factors that Influence the Investigative Interview with Suspects // Journal of Police and Criminal Psychology. 2019. No. 34. P. 374.

⁴³ Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Указ. соч. С. 322–324.

⁴⁴ Adams-Quackenbush N. M., Horselenberg R., Koppen P. J. Op. cit. P. 374.

⁴⁵ См.: Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Указ. соч. С. 322–324 ; Ратинов А. Р. Указ. соч. С. 154.

⁴⁶ Rosati C. S. Moral Motivation // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2016. URL: <https://www.plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/moral-motivation/> (дата обращения: 04.10.2023).

хологии известно такое когнитивное искажение, как склонность к подтверждению своей точки зрения, чем является личное убеждение⁴⁷. Ввиду данного когнитивного искажения люди склонны искать и интерпретировать информацию так, чтобы она согласовывалась с имеющимися убеждениями, предположениями, а также отдавать предпочтение информации, соответствующей таким убеждениям и предположениям. Правда, как уже было отмечено, может рассматриваться в качестве определяющего для человеческой деятельности знания, выступать руководящей для человека оценкой жизни и мира. С учетом характеристики правды как проблемного знания и в то же время как определенной убежденности в этом знании, веры в это знание, в поисково-познавательной деятельности следователя правда может выступать проблемным, вероятностным знанием, в истинность которого следователь имеет основание верить, в значительной степени определяющим и организующим указанную деятельность. Следовательно, соответственно, в такой ситуации направляет силы на аргументацию истинности данного знания.

С учетом изложенного правда в поисково-познавательной деятельности может выступать результатом такой деятельности (обнаружение правды) в виде полученной правдивой информации, т.е. вызывающей доверие у получающего ее лица, вероятно истинной, имеющей признаки соответствия действительности. Такую информацию, полагаем, можно условно именовать «правда для себя». С позиций гносеологии получение правдивой информации в обозначенном значении является ключом к получению достоверно истинной информации о реальном положении дел⁴⁸. Исходя из вышеобозначенного, правда также может выступать одной из промежуточных целей поисково-познавательной деятельности следователя, если он преследует

цель более высокого порядка — установление достоверно истинных обстоятельств уголовного дела. В этой связи отметим, что опрос работников следственных органов (402 человека), проведенный Е. В. Брянской, свидетельствует о том, что 54,22 % опрошенных видят цель доказывания по уголовному делу в установлении истины⁴⁹.

К. В. Подвойский, исследуя ложь в криминалистике, отмечает, что, помимо логического подхода, согласно которому под ложью следует понимать не соответствующую действительности информацию, существует подход, который условно можно именовать психологическим. Его суть заключается в том, что под ложью в криминалистике следует понимать передачу отправителем (индуктором) некоторой информации, заведомо для него не соответствующей действительности, осуществляемую в целях введения ее получателя в заблуждение⁵⁰. Реципиент остается при этом в неведении о транслировании ему информации указанного качества. Важным в данном определении ученый считает то, что индуктор информации осведомлен о том, что сообщает искаженную, отличную от реальности информацию, на свой субъективный взгляд, независимо от ее объективного соответствия действительности⁵¹. Это определение лжи с позиций психологического подхода К. В. Подвойский полагает допустимым к использованию в коммуникативных актах участников уголовного судопроизводства, когда одно лицо передает другому некоторую информацию⁵².

Базируясь на таком понимании лжи, ученый делает вывод, что правдивым следует считать такое сообщение, адресант которого транслирует некоторую информацию, рассматриваемую им в качестве истинной, имея при этом цель создать полное и правильное представление у ее адресата об объективной действительности

⁴⁷ Plous S. *The Psychology of Judgment and Decision Making*. 1st ed. N. Y. : McGraw-Hill, 1993. P. 234.

⁴⁸ Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Указ. соч. С. 221–224.

⁴⁹ Брянская Е. В. *Сила доказательств и тактика аргументации в процессе доказывания по уголовному делу* : монография. М. : Проспект, 2023. С. 356.

⁵⁰ Подвойский К. В. Понятие лжи в криминалистике. С. 450–451.

⁵¹ Подвойский К. В. Понятие лжи в криминалистике. С. 450.

⁵² Подвойский К. В. Понятие лжи в криминалистике. С. 450–451.

сти⁵³. Данное определение между тем фактически раскрывает психологический аспект понятия правды в криминалистике как дихотомической противоположности понятию лжи, так как содержит признаки, полностью противопоставляемые предлагаемому понятию лжи. Однако данное понятие правды может быть уточнено относительно следующих моментов. Во-первых, это касается такого признака, как цель создания у реципиента полного представления об объективной действительности. Такую полноту передаваемых сведений определяет сам индуктор. Реципиент может полагать, что индуктор намеренно утаивает часть передаваемой информации, однако последний может считать, в свою очередь, что передает достаточный объем данных для создания у реципиента истинного, на взгляд индуктора, представления о некоторой действительности. Такое положение дел, например, предопределяет наличие вопросно-ответной стадии допроса, цель которой, среди прочего, состоит в получении криминалистически значимой информации, не сообщенной в силу различных причин⁵⁴, к числу которых можно отнести и мнение допрашиваемого, что он добросовестно сообщил (постарался добросовестно сообщить) все известное по делу и относящееся к нему, когда он объективно этого не сделал.

Указание на то, что индуктор имеет цель создать у реципиента правильное представление об объективной действительности, может оказаться не вполне удачным. Понятие «правильный» не идентично понятию «истинный». Правильным именуется явление, если оно такое, каким должно быть согласно логическим, этическим, техническим и иным причинам⁵⁵. Как отмечает сам К. В. Подвойский, индуктор передает информацию, которую считает истинной. С позиций лингвистики, как уже было обозначено, правда в коммуникативном акте представляет собой одновременное соответствие мысли говорящего действительности и передаваемого

сообщения об этой действительности мысли о ней. То есть лицо имеет истинную, на его взгляд, мысль о некоторой действительности, которую он хочет, чтобы воспринял адресат сообщения. Таким образом, индуктор имеет целью создание в сознании реципиента истинной картины действительности с субъективной позиции самого индуктора. В таком случае представление реципиента о действительности будет правильным в понимании индуктора в том смысле, что оно является истинным для индуктора, так как последний принял меры по созданию у реципиента такого образа: передал свою мысль о действительности так, как ее понимает сам, может транслировать и имеет в сознании.

Подобное понимание правды в структуре криминалистической деятельности следовательно может выступать в качестве характеристики объекта изучения и поиска, имеющего вид показаний или иной криминалистически значимой информации, передаваемой от человека к человеку. Так, допрос, как и иные процессуальные действия, в которых для получения криминалистически значимой информации используется метод опроса, предполагает получение такой информации в режиме реального времени, что иногда требует оперативного применения определенных тактических приемов с целью получения необходимой информации, соответствующей действительности⁵⁶. Неприменение таких приемов, а также их неправильное применение могут привести к ошибкам и, например, к необходимости проведения повторных допросов. Следовательно, рассматриваемое понимание правды в психологическом подходе соответствует характеристике поступающей информации как криминалистически значимой в ходе общения между теми или иными лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, подобное понимание правды может характеризовать средства тактического воздействия следователя на участников рас-

⁵³ Подвойский К. В. Понятие лжи в криминалистике. С. 449.

⁵⁴ Ахмедшин Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий : монография / науч. ред. Н. Т. Ведерников. Томск : Издательский дом ТГУ, 2014. С. 126.

⁵⁵ Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2006. С. 676–677.

⁵⁶ Ахмедшин Р. Л. Указ. соч. С. 126–127.

смастриваемого общения для получения от них значимой информации, для изменения определенной установки поведения. В литературе отмечается возможность тактического использования показаний других участников, их оглашения для того, чтобы допрашиваемый начал давать правдивые показания⁵⁷. Оглашаемые показания могут быть правдивыми в понимании следователя, таким образом, следователь будет стремиться получить значимую информацию от допрашиваемого посредством трансляции некоторой «правды для самого следователя», содержащейся в оглашаемых им показаниях.

Как отмечают зарубежные исследователи, техники допроса, в которых допрашиваемому предлагается разъяснить свое отношение к правдивой, на взгляд следователя, доказательственной информации, приводят к меньшему числу ошибок, ложных воспоминаний, внушений, чем техники, допускающие сообщение ложной (в психологическом понимании лжи) информации допрашиваемому⁵⁸. Отметим, что первую группу техник допроса используют для получения информации от допрашиваемого в целом, а вторая группа техник применяется для получения признаний от допрашиваемого, фактически безотносительно их правдивости и истинности⁵⁹.

Как уже говорилось, правда может рассматриваться в качестве идеала справедливости, нравственного идеала, жизненного идеала. Данные понятия являются предметом этики⁶⁰. Таким образом, еще одним пониманием правды в криминалистике потенциально является этический аспект данного явления, а именно этичность криминалистической тактики с позиций правды. Именно упомянутый раздел криминалистики

подвергается анализу с позиций этичности его рекомендаций наиболее часто⁶¹.

И раз правда представляет собой идеал нравственности, справедливости и жизнедеятельности в целом, следовало бы признавать этичным такое поведение следователя, которое он осуществляет в соответствии с правдой в контексте тактики следственных действий. Между тем понятие этического в криминалистике носит весьма дискуссионный характер. Исследователи критериев допустимости тактических приемов указывают, что тот или иной прием относится к этическим или неэтическим зачастую исходя из личного представления исследователя о морали и нравственности⁶². Потому большей практической значимостью будет обладать модель этической допустимости, которая не пытается объяснить этическую допустимость через перечисление признаков этических приемов, а, наоборот, перечисляет критерии точно неэтических тактических приемов, несоответствие которым говорит об этичности тактического приема⁶³. В силу изложенного раз у каждого свой взгляд на этику, то и у каждого будет «своя правда» в качестве этического идеала. Таким образом, рассмотрение понятия правды в контексте этической допустимости в криминалистике на сегодняшний день представляется бесперспективным.

Заключение

В завершение стоит отметить следующие выводы по результатам проведенного исследования. Правда в криминалистике может быть рассмотрена в нижеперечисленных основных аспектах.

⁵⁷ Ищенко Е. П., Топорков А. А. Указ. соч. С. 408.

⁵⁸ Loney D. M., Cutler B. L. Coercive Interrogation of Eyewitnesses Can Produce False Accusations // Journal of Police and Criminal Psychology. 2016. No. 31. P. 32–33.

⁵⁹ Loney D. M., Cutler B. L. Op. cit. P. 29.

⁶⁰ Этика : учебник для бакалавров / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М. : Юрайт, 2013. С. 12–15.

⁶¹ См.: Актуальные вопросы криминалистической тактики : науч.-практ. пособие / под общ. ред. И. М. Комарова. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 34 ; Криминалистика : учебник / отв. ред. Р. С. Белкин. С. 215.

⁶² Баев М. О., Куницина О. А., Цурлуй О. Ю. Адвокат-защитник в досудебном производстве по уголовному делу (процессуально-тактические основы деятельности) : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 68–69.

⁶³ Баев М. О., Куницина О. А., Цурлуй О. Ю. Указ. соч. С. 70 ; Актуальные вопросы криминалистической тактики. С. 35.

1. Понятие «правда» может отображать характеристику информации, значимой для следователя в его поисково-познавательной деятельности. Здесь под правдой следует понимать вероятно истинное знание о некоторой реальности, которое на момент его получения имеет признаки соответствия изучаемой действительности; в его истинности (на момент получения информации — потенциальной) убежден следователь, хотя это еще не установлено достоверно. При этом следователь имеет основания верить на рациональных или иррациональных началах в то, что данная информация истинна и это будет в дальнейшем обосновано другими сведениями в ходе расследования уголовного дела.

В этом случае достижение правды, т.е. получение правдивой информации, выступает одной из целей поисково-познавательной деятельности следователя, достижение которой поможет в дальнейшем получить достоверно истинные знания. Достижение правды также выступает результатом такой деятельности следователя, т.е. характеризует полученные следователем сведения как правдивые («достигнута правда»).

В обозначенном аспекте правда может выступать и в качестве фактора, предопределяющего алгоритм действий следователя. При этом следователь будет прилагать существенные усилия, отстаивая точку зрения, что является верным именно его понимание устанавливаемых событий и никакое другое. Такое положение дел потенциально имеет как позитивный, так и негативный аспект. С одной стороны, например,

следователь может избегать проверок других версий произошедшего события, затягивать с такими проверками, необоснованно избегать принятия версий, объективно подтверждаемых собранными по уголовному делу доказательствами, не соответствующих «его правде». С другой стороны, следователь может, наоборот, с меньшими затратами времени и сил достигать положительного для уголовного дела результата, так как «его правда» относительно расследуемого события действительно будет соответствовать данному событию. Это своеобразная «правда-убеждение», служащая основанием для принятия решений.

2. Понятие «правда» может быть рассмотрено в контексте коммуникативного взаимодействия, когда следователь транслирует или принимает некоторую информацию. В такой ситуации под правдой следует понимать процесс передачи некоторого сообщения, индуктор которого стремится осуществить передачу информации, оцениваемой им в качестве соответствующей действительности, в целях создания у реципиента истинного, с позиции индуктора, представления о реальности в достаточном количестве и надлежащим способом, по мнению индуктора, для формирования такого истинного представления.

3. Правда может быть рассмотрена в качестве этического идеала. С учетом того, что понятие этического в криминалистике носит весьма дискуссионный характер, рассмотрение правды в указанном контексте пока видится нерезультативным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные вопросы криминалистической тактики : науч.-практ. пособие / под общ. ред. И. М. Комарова. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 176 с.
2. Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Философия : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020. — 592 с.
3. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. — М. : Юридическая литература, 1964. — 179 с.
4. Ахмедшин Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий : монография / науч. ред. Н. Т. Ведерников. — Томск : Издательский дом ТГУ, 2014. — 294 с.
5. Баев М. О., Куницина О. А., Цурлуй О. Ю. Адвокат-защитник в досудебном производстве по уголовному делу (процессуально-тактические основы деятельности) : монография. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 256 с.

6. *Брянская Е. В.* Сила доказательств и тактика аргументации в процессе доказывания по уголовному делу : монография. — М. : Проспект, 2023. — 368 с.
7. *Васильев А. Н.* Следственная тактика. — М. : Юридическая литература, 1976. — 200 с.
8. *Геворкян Г. А.* Вероятное и достоверное знание. — Ереван: Издательство Академии наук АССР, 1965. — 203 с.
9. *Грошевой Ю. М.* Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие : монография. — Харьков : Вища школа, 1986. — 185 с.
10. *Денисов С. Ф.* Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды : монография. — Омск : Издательство ОмГПУ, 2001. — 205 с.
11. *Дубровский Д. И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. — М. : Канон+, 2002. — 368 с.
12. *Еникеев М. И.* Основы общей и юридической психологии : учебник для вузов. — М. : Юристъ, 1996. — 631 с.
13. *Иванова В. В.* Правда в бытии человека : дис. ... канд. филос. наук. — Омск, 2005. — 185 с.
14. *Ищенко Е. П., Топорков А. А.* Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. — 2-е изд., исправ., доп. и перераб. — М. : Юридическая фирма «Контракт», Инфра-М, 2010. — 780 с.
15. *Канторович Я. А.* Психология свидетельских показаний. — Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1925. — 50 с.
16. *Карпенко О. А., Лавров В. П.* Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 144 с.
17. Криминалистика : учебник / Н. М. Ашмарина, Е. Н. Викторова, Л. Н. Викторова [и др.] ; под ред. В. А. Образцова. — М. : Юристъ, 1997. — 760 с.
18. Криминалистика : учебник / отв. ред. С. А. Голунский. — М. : Госюриздат, 1959. — 512 с.
19. Криминалистика : учебник / П. Н. Аленичев, Р. С. Белкин, Л. А. Винберг [и др.] ; отв. ред. Р. С. Белкин. — М. : Юридическая литература, 1986. — 544 с.
20. Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Крылова. — Л. : Издательство Ленинградского университета, 1976. — 591 с.
21. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — М. : Статут, 2017. — 1280 с.
22. Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1991. — 204 с.
23. Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества / отв. ред. В. В. Давыдов. — М. : Наука, 1990. — 172 с.
24. *Москалькова Т. Н., Черников В. В.* Нормотворчество : науч.-практ. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2022. — 448 с.
25. Наука и ценности / отв. ред. А. Н. Кочергин. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1987. — 242 с.
26. *Орлов Ю. К.* Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учеб. пособие. — М. : Юристъ, 1995. — 64 с.
27. *Орлов Ю. К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. — М. : Проспект, 2000. — 144 с.
28. *Подвойский К. В.* Ложь в структуре криминалистического познания (статья первая) // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». — 2020. — № 6. — С. 87–94.
29. *Подвойский К. В.* Понятие лжи в криминалистике // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 447–453.
30. *Подвойский К. В.* Тактико-психологическая характеристика лжи и криминалистические методы ее выявления : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 240 с.
31. *Порубов Н. И.* Научные основы допроса на предварительном следствии. — 3-е изд., перераб. — Мн. : Вышэйшая школа, 1978. — 176 с.
32. *Ратинов А. Р.* Избранные труды / сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; предисл. О. Д. Ситковской ; Акад. Ген. прокуратуры РФ. — М. : Проспект, 2016. — 212 с.

33. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги. — М. : Мысль, 1988. — 892 с.
34. Столяренко А. М. Психологические приемы в работе юриста : практическое пособие. — М. : Юрайт, 2001. — 288 с.
35. Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 31 с.
36. Центров Е. Е. Системно-деятельностный подход и основные элементы криминалистики // Роль кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в развитии криминалистической науки и практики : материалы конференции. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–19 октября 2010 г. : в 2 т. Т. 1. — М. : Макс Пресс, 2010. — С. 275–281.
37. Эйсман А. А. Логика доказывания. — М. : Юридическая литература, 1971. — 112 с.
38. Этика : учебник для бакалавров / под общ. ред. А. А. Гусейнова. — М. : Юрайт, 2013. — 571 с.
39. Adams-Quackenbush N. M., Horselenberg R., Koppen P. J. Where Bias Begins: A Snapshot of Police Officers' Beliefs about Factors that Influence the Investigative Interview with Suspects // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2019. — No. 34. — P. 373–380.
40. Loney D. M., Cutler B. L. Coercive Interrogation of Eyewitnesses Can Produce False Accusations // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2016. — No. 31. — P. 29–36.
41. Plous S. The Psychology of Judgment and Decision Making. — 1st ed. — N. Y. : McGraw-Hill, 1993. — 320 p.

Материал поступил в редакцию 16 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktualnye voprosy kriminalisticheskoy taktiki: nauch.-prakt. posobie / pod obshch. red. I. M. Komarova. — M.: Yurlitinform, 2018. — 176 s.
2. Alekseev P. V., Alekseev A. P., Panin A. V. Filosofiya: uchebnik. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2020. — 592 s.
3. Arsenev V. D. Voprosy obshchey teorii sudebnykh dokazatelstv. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1964. — 179 s.
4. Akhmedshin R. L. Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy: monografiya / nauch. red. N. T. Vedernikov. — Tomsk: Izdatelskiy dom TGU, 2014. — 294 s.
5. Baev M. O., Kunitsina O. A., Tsurluy O. Yu. Advokat-zashchitnik v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu (protssualno-takticheskie osnovy deyatel'nosti): monografiya. — M.: Yurlitinform, 2019. — 256 s.
6. Bryanskaya E. V. Sila dokazatelstv i taktika argumentatsii v protsesse dokazyvaniya po ugovnomu delu: monografiya. — M.: Prospekt, 2023. — 368 s.
7. Vasilev A. N. Sledstvennaya taktika. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. — 200 s.
8. Gevorkyan G. A. Veroyatnoe i dostovernoe znanie. — Erevan: Izdatelstvo Akademii nauk ASSR, 1965. — 203 s.
9. Groshevoy Yu. M. Professionalnoe pravosoznanie sudi i sotsialisticheskoe pravosudie: monografiya. — Kharkov: Vishcha shkola, 1986. — 185 s.
10. Denisov S. F. Zhiznennyye i antropologicheskie smysly pravdy i nepravdy: monografiya. — Omsk: Izdatelstvo OmGPU, 2001. — 205 s.
11. Dubrovskiy D. I. Problema idealnogo. Subektivnaya realnost. — M.: Kanon+, 2002. — 368 s.
12. Enikeev M. I. Osnovy obshchey i yuridicheskoy psikhologii: uchebnik dlya vuzov. — M.: Yurist, 1996. — 631 s.
13. Ivanova V. V. Pravda v bytii cheloveka: dis. ... kand. filos. nauk. — Omsk, 2005. — 185 s.
14. Ishchenko E. P., Toporkov A. A. Kriminalistika: uchebnik / pod red. E. P. Ishchenko. — 2-e izd., isprav., dop. i pererab. — M.: Yuridicheskaya firma «Kontrakt», Infra-M, 2010. — 780 s.
15. Kantorovich Ya. A. Psikhologiya svidetelskikh pokazaniy. — Kharkov: Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu USSR, 1925. — 50 s.

16. Karpenko O. A., Lavrov V. P. Protivodeystvie rassledovaniyu prestupleniy posredstvom dachi zavedomo lozhnykh pokazaniy i mery po ego preodoleniyu: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2020. — 144 s.
17. Kriminalistika: uchebnik / N. M. Ashmarina, E. N. Viktorova, L. N. Viktorova [i dr.]; pod red. V. A. Obratsova. — M.: Yurist, 1997. — 760 s.
18. Kriminalistika: uchebnik / otv. red. S. A. Golunskiy. — M.: Gosyurizdat, 1959. — 512 s.
19. Kriminalistika: uchebnik / P. N. Alenichev, R. S. Belkin, L. A. Vinberg [i dr.]; otv. red. R. S. Belkin. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. — 544 s.
20. Kriminalistika: uchebnik / pod red. I. F. Krylova. — L.: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1976. — 591 s.
21. Kurs ugolovnogo protsessa / pod red. L. V. Golovko. — 2-e izd., ispr. — M.: Statut, 2017. — 1280 s.
22. Logicheskiy analiz yazyka. Kulturnye kontsepty / otv. red. N. D. Arutyunova. — M.: Nauka, 1991. — 204 s.
23. Mezhdistsiplinarnyy podkhod k issledovaniyu nauchnogo tvorchestva / otv. red. V. V. Davydov. — M.: Nauka, 1990. — 172 s.
24. Moskalova T. N., Chernikov V. V. Normotvorchestvo: nauch.-prakt. posobie. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2022. — 448 s.
25. Nauka i tsennosti / otv. red. A. N. Kochergin. — Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1987. — 242 s.
26. Orlov Yu. K. Zaklyuchenie eksperta i ego otsenka (po ugolovnym delam): ucheb. posobie. — M.: Yurist, 1995. — 64 s.
27. Orlov Yu. K. Osnovy teorii dokazatelstv v ugolovnom protsesse: nauch.-prakt. posobie. — M.: Prospekt, 2000. — 144 s.
28. Podvoyskiy K. V. Lozh v strukture kriminalisticheskogo poznaniya (statya pervaya) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 «Pravo». — 2020. — № 6. — S. 87–94.
29. Podvoyskiy K. V. Ponyatie lzhi v kriminalistike // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2020. — T. 13. — № 4. — S. 447–453.
30. Podvoyskiy K. V. Taktiko-psikhologicheskaya kharakteristika lzhi i kriminalisticheskie metody ee vyyavleniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2021. — 240 s.
31. Porubov N. I. Nauchnye osnovy doprosa na predvaritelnom sledstvii. — 3-e izd., pererab. — Mn.: Vysheyschaya shkola, 1978. — 176 s.
32. Ratinov A. R. Izbrannyye trudy / sost. M. V. Kroz, N. A. Ratinova; predisl. O. D. Sitkovskoy; Akad. Gen. prokuratury RF. — M.: Prospekt, 2016. — 212 s.
33. Solov'ev V. S. Sochineniya: v 2 t. T. 1 / sost., obshch. red. i vstup. st. A. F. Loseva, A. V. Gulygi. — M.: Mysl, 1988. — 892 s.
34. Stolyarenko A. M. Psikhologicheskie priemy v rabote yurista: prakticheskoe posobie. — M.: Yurayt, 2001. — 288 s.
35. Tumanov D. A. Probely v grazhdanskom protsessualnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2007. — 31 s.
36. Tsentrov E. E. Sistemno-deyatelnostnyy podkhod i osnovnye elementy kriminalistiki // Rol kafedry kriminalistiki yuridicheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova v razvitiy kriminalisticheskoy nauki i praktiki: materialy konferentsii. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 18–19 oktyabrya 2010 g.: v 2 t. T. 1. — M.: Maks Press, 2010. — S. 275–281.
37. Eysman A. A. Logika dokazyvaniya. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1971. — 112 s.
38. Etika: uchebnik dlya bakalavrov / pod obshch. red. A. A. Guseynova. — M.: Yurayt, 2013. — 571 s.
39. Adams-Quackenbush N. M., Horselenberg R., Koppen P. J. Where Bias Begins: A Snapshot of Police Officers' Beliefs about Factors that Influence the Investigative Interview with Suspects // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2019. — No. 34. — P. 373–380.
40. Loney D. M., Cutler B. L. Coercive Interrogation of Eyewitnesses Can Produce False Accusations // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2016. — No. 31. — P. 29–36.
41. Plous S. The Psychology of Judgment and Decision Making. — 1st ed. — N. Y.: McGraw-Hill, 1993. — 320 p.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.174-187

Ю. Г. Шпаковский*,
Н. Г. Жаворонкова**

Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации

Аннотация. В статье проведен анализ формируемой в России системы стратегического планирования, основные принципы которой заложены в Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», а также рассмотрено ее влияние на институт эколого-правовой политики. Используя методы сравнительного анализа, логический и системный методы, авторы рассматривают влияние принятого 8 ноября 2021 г. Указа Президента РФ № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» на формирование новой архитектуры и методологии стратегического планирования в стране, в том числе в сфере обеспечения экологической безопасности. Актуальность данной темы возрастает в связи со взятым курсом на укрепление государственного суверенитета Российской Федерации, построение независимой экономической и проведение технологической политики в период конца «глобалистики» однополярного мира на условиях западных стран. В статье использованы разработки авторов по теории и практике стратегического управления в сфере экологической безопасности, на основе которых и даны оценки и предложены определенные рекомендации.

Ключевые слова: стратегическое планирование; устойчивое социально-экономическое развитие; стратегия; экологическая безопасность; экологическая политика; национальная безопасность; цели устойчивого развития; экологическое законодательство; национальные проекты.

Для цитирования: Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 174–187. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.174-187.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г., 2024

* Шпаковский Юрий Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

yurii-rags@yandex.ru

** Жаворонкова Наталья Григорьевна, доктор юридических наук, профессор, член экспертного совета при Счетной палате Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Зубовская ул., д. 2, г. Москва, Россия, 119121

qavoron49@mail.ru

Environmental Safety of Sustainable Development: Strategy and Implementation Mechanisms

Yuriy G. Shpakovskiy, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
yurii-rags@yandex.ru

Natalya G. Zhavoronkova, Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Expert Council at the Accounts Chamber of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
qavoron49@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the strategic planning system being formed in Russia, the basic principles of which are laid down in the Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ «On Strategic Planning in the Russian Federation», and also examines its impact on the institution of environmental and legal policy. Using comparative analysis, logical and systemic methods, the author examines the impact of the adopted on November 8, 2021 Decree of the President of the Russian Federation No. 633 «On approval of the Fundamentals of State Policy in the Sphere of Strategic Planning in the Russian Federation» on the formation of a new architecture and methodology for strategic planning in the country, including in the field of ensuring environmental safety. The relevance of this topic is increasing in connection with the course taken to strengthen the state sovereignty of the Russian Federation, build an independent economic and technological policy during the period of the end of «globalism» of a unipolar world on the terms of Western countries. The author's employs his formulations on the theory and practice of strategic management in the field of environmental safety, which form the base for assessments and certain recommendations.

Keywords: strategic planning; sustainable socio-economic development; strategy; environmental safety; environmental policy; National security; sustainable development goals; environmental legislation; national projects.

Cite as: Shpakovskiy YuG., Zhavoronkova NG. Environmental Safety of Sustainable Development: Strategy and Implementation Mechanisms. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):174-187. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.174-187.

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

В 2024 г. исполняется 10 лет со дня принятия Федерального закона о стратегическом планировании¹ (далее — Закон о стратегическом планировании). Его появление в правовом поле России было связано с необходимостью упорядочения системы стратегического планирования в стране. Разрозненность документов стратегического планирования различного уровня привела к достаточно сложной ситуации с планированием социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

Во-первых, документы государственного стратегического планирования были не увязаны и не синхронизированы между собой ни

по целям и срокам их реализации, ни по уровням ответственности органов государственной власти.

Во-вторых, отсутствовал механизм концентрации материальных и финансовых ресурсов на решении среднесрочных и долгосрочных задач социально-экономического развития.

В-третьих, цели и приоритеты социально-экономического развития были размыты, а субъекты экономики обособлены в их достижении.

Решил ли эти проблемы Закон о стратегическом планировании? Скорее, наполовину, так как в полном объеме в стране не создана общегосударственная система стратегического планирования, обеспечивающая четкую коор-

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

динацию между прогнозами, программами и бюджетными планами.

Важно и то, что практически одновременно с принятием Закона о стратегическом планировании были уточнены Цели устойчивого развития ООН² (далее — ЦУР). Напомним, что одна из 17 ЦУР, декларируемых как общечеловеческие, посвящена экологии. Можно сравнивать (или не сравнивать) методический подход, примененный в ЦУР и в совокупности документов стратегического планирования, но суть одна: попытаться не столько создать «образ будущего», сколько с теми или иными допущениями экстраполировать сегодняшние тенденции на будущее.

В 2025 г. заканчивает свое действие Стратегия экологической безопасности Российской Федерации³, а в ближайшие пять лет большинство документов стратегического планирования, принятых в период 2014–2021 гг. (а это десятки нормативных правовых актов Президента и Правительства РФ), также будут завершены.

Важным моментом является принятие 8 ноября 2021 г. Указом Президента РФ № 633 Основ государственной политики в сфере стратегического планирования, создающих новую архитектуру и методологию стратегического планирования в стране. Этот документ имеет принципиально важное значение для всей совокупности стратегического планирования и конкретно для стратегии экологической безопасности.

С этой целью необходимо проанализировать эффективность принятых документов в сфере стратегического планирования, а также их влияние на сам институт эколого-правовой политики. Актуальность данной темы возрастает в связи с взятым курсом на укрепление государственного суверенитета, построение независимой экономической и технологической политики в период

конца «глобалистики» однополярного мира на условиях западных стран.

В период до принятия Закона о стратегическом планировании документы в данной области разрабатывались и принимались столь массово и столь стремительно, что уже тогда стал ясен их «вторичный», «вспомогательный» и «необязательный» характер. Без связи с ресурсами, без жесткой координации с текущим государственным управлением, без прописанной в законе процедуры принятия документов и закрепленной ответственности стратегическое планирование играло свою роль, но лишь как ориентир, как целеполагание и прогноз.

Ситуация настоящего времени в экономике, политике, международных отношениях требует иного государственного планирования и иной концентрации сил и ресурсов. Социально-экономическая действительность стала принципиально иной, чем 10 лет назад. Появилось много дополнительных вызовов и угроз, неопределенностей и опасностей, которые возникают в силу разворачивающегося процесса становления нового мирового порядка. В таких условиях (а речь идет как о выживании, так и путях развития страны) планирование должно быть не только «индикативным», но и по многим параметрам директивным.

Существует и еще один аспект, который резко актуализирует стратегическое планирование как очень важный инструмент, повышающий качество управления и обеспечивающий «прорывные» (наиболее эффективные, а следовательно, более качественные) управленческие механизмы: это конкурентоспособность. Документы стратегического планирования имеют одно свойство, пока никак не оцененное. Поскольку это документы публичного права, они, естественно, находятся в открытом доступе;

² Эти цели были названы в резолюции Генассамблеи «Повестка дня на период до 2030 года»? и они заменили собой Цели развития тысячелетия. Итоговый документ Генассамблеи «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» содержит 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач. Technical report by the Bureau of the United Nations Statistical Commission (UNSC) on the process of the development of an indicator framework for the goals and targets of the post-2015 development agenda (Working draft). Sustainable Development Knowledge Platform. United Nations (19 марта 2015).

³ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

более того, они несут огромную долю социально-психологической страты. Такие документы могут «воодушевлять», или «организовывать», или «пугать». Прогнозируя будущее, государство раскрывает не только планы, но и свои приоритеты, свои представления и ценности. Этого требует сама архитектура стратегического целеполагания. Но существует и обратная сторона стратегирования. Если смотреть «от противного», то окажется, что есть не только внутренние «заинтересованные» потребители информации, но и внешние, тоже «заинтересованные», только совершенно в другом — в уничтожении (и как минимум в торможении) конкурента. И стратегические планы с этой точки зрения являются самым простым и самым информативным материалом для долгосрочного противодействия намечаемым планам. Явно избыточное количество документов стратегического планирования в открытом доступе с обилием цифр, программных мероприятий дает неоспоримые преимущества конкурентам. На наш взгляд, это слишком опасная и не всегда оправданная тенденция раскрывать свои планы в явно враждебном внешнем окружении.

В Основах государственной политики в сфере стратегического планирования условно обозначены четыре типа документов.

1. «Прогнозные» — прогноз социально-экономического развития, прогноз научно-технологического развития, бюджетный прогноз и др.

2. Документы федерального «целеполагания» — Послание Президента РФ, Стратегия национальной безопасности, Стратегия социально-экономического развития, Стратегия научно-технологического развития и др.

3. Документы «отраслевого и территориального целеполагания» — отраслевые стратегии, Стратегия пространственного развития, стратегии социально-экономического развития в макрорегионах и т.д.

4. Документы в рамках федерального планирования и программирования — План Правительства РФ по достижению национальных целей, государственные программы вооружений и национальные проекты.

В ближайшие годы только на федеральном уровне предполагается принятие не менее

20–30 различных федеральных документов стратегического планирования. Эта неопределенность связана с тем, что в ближайшей перспективе могут появиться стратегии новых видов безопасности, новые национальные проекты и программы. Учитывая установленную обязательность, иерархичность и сопряженность документов стратегического планирования, можно предположить появление массива документов, измеряемых сотнями единиц. Помимо учета немалых затрат на их подготовку и принятие, следует понять и четко осознать их «отдачу», выраженную в конкретных заявленных и достижимых показателях. Пока нет ни одного наглядного примера или разработанной (работающей!) методики оценки эффективности стратегического планирования. Но есть очень большие опасения по поводу того, что такое обилие аналитической, прогнозной, детальной, комплексной, стратегической, целевой информации будет использовано во враждебных, конкурентных, деструктивных целях для дискредитации, противодействия и создания антистратегии. Находясь во враждебном окружении, нельзя давать недружественным странам такое преимущество, каким может стать обнародование стратегических планов и программ развития (безопасности) на перспективу.

В профессиональном сообществе юристов, экономистов, политологов установился своеобразный «комплиментарный консенсус» относительно Климатической доктрины, «зеленого перехода», ЦУР и других эколого-экономических и политических проектов ООН и ЕС. Было бы странно не заметить, что экология и климат (как часть экологии), так же как и «устойчивое развитие», давно превратились в «инструменты влияния». Современное положение нашего государства, обладающего уникальным суверенитетом и еще более уникальными природными ресурсами, таково, что сам факт построения целостной системы стратегического и директивного планирования может быть предметом целенаправленной политики дискредитации, среди которых «климатические» или «экологические» проекты будут составлять приоритеты как наиболее гуманитарные, «общечеловече-

ские», «всемирные», имеющие безусловную поддержку населения⁴.

Но следует четко осознавать, что в основе практически всех зарубежных долгосрочных экологических программ, концепций «глобалистики» лежит борьба за власть и доминирование в мировых системах. Поэтому, рассматривая стратегическое планирование как инструмент государственного управления, мы должны понимать внешний и внутренний контекст, а также прагматическую сущность планирования. Например, целью Климатической доктрины⁵ является «обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации, включая институциональный, экономический, экологический и социальный, в том числе демографический, факторы, в условиях изменения климата и возникновения сопутствующих ему угроз».

По сути, это и есть стратегия глобальной экономической и технологической экспансии в форме экологической безопасности по лекалам западных транснациональных компаний. Анализируя взгляды ученых на «апокалиптические сценарии» изменения климата и биоразнообразия, следует очень четко и ясно представлять стоящие за «климатическими» проблемами сугубо прагматическую политику, экономические интересы, «экологические» способы научно-технологического диктата. Эти и многие другие соображения позволяют несколько по-иному взглянуть на всю историю, методологию, архитектуру стратегического планирования в России и особенно на стратегическое планирование в области экологической безопасности.

На наш взгляд, учитывая окончание действия многих документов стратегического планирования и перехода (с марта 2024 г.) на единую методологию и шестилетние сроки стратегического планирования, принципиально важно понять, что подлежит немедленному или постепенно изменению в экологическом планировании. Необходимо осознать роль и место «планирования безопасности» (национальной, химической,

биологической, энергетической, экологической и иной) в государственном управлении, ее место и роль как одного из значимых факторов развития. Нельзя не учитывать как опыт реализации уже принятых и действующих стратегий безопасности, так и необходимость реагировать на «вновь открывшиеся обстоятельства» во внешней и внутренней экологической политике. Так, в 2019 г. Минэкономразвития России подготовило и опубликовало на своем сайте Доклад о реализации документов стратегического планирования, находящихся в ведении Правительства РФ, за 2019 г., где было проанализировано 23 документа, подготовленных различными федеральными органами исполнительной власти. Обобщенный вывод звучал следующим образом: нет детальной информации, нельзя оценить результативность, непонятно, как рассчитывать ключевые показатели эффективности.

Определенная оценка 10-летнего периода со дня принятия Закона о стратегическом планировании дана в Указе Президента РФ № 633. Необходимо признать: названный Указ Президента РФ создает принципиально новую концепцию, методологию и архитектуру организации стратегического планирования в России. Вот как в нем самом объяснена необходимость создания новых механизмов и методологии стратегического планирования: требуется «принятие мер правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов публичной власти в сфере стратегического планирования, его научно-методологического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, что позволит создать условия для достижения целей и реализации задач социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Основной посыл Указа Президента РФ № 633 сформулирован следующим образом: «определение с учетом национальных интересов Российской Федерации долгосрочных целей соци-

⁴ Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2023.

⁵ Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации».

ально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, стратегических национальных приоритетов, путей и основных инструментов их достижения... прогнозирование рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности... совершенствование системы стратегического планирования».

Цели и задачи стратегического планирования в Указе Президента РФ № 633 предельно ясно и конкретно обозначены⁶:

— формирование архитектуры документов стратегического планирования (*иерархическая система последовательно связанных документов стратегического планирования, обеспечивающая преемственность целей, сбалансированная по задачам и их ресурсному обеспечению*);

— обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, показателям, финансовым и иным ресурсам;

— определение ресурсов для достижения целей и реализации задач социально-экономической политики, социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности (в том числе с применением балансовых расчетов), координации стратегического управления и мер бюджетной политики.

Заметим: главное отличие Указа Президента РФ № 633 от Закона о стратегическом планировании и других, самых различных документов стратегического планирования, принятых в виде указов Президента РФ, решений Правительства РФ или актов федеральных органов исполнительной власти, в том, что названы приоритетные и обязательные инструменты, механизмы, методология, принципы, на наш взгляд, говорящие о тенденции к появлению наряду с индикативным планированием и на его основе элементов или целых разделов директивного планирования.

Не случайно сделан акцент на обязательность «балансовых расчетов», наличие ресурсов, проверяемость показателей, иерархию и соподчиненность документов, соблюдение единой

методологии планирования, а также решение о создании научно-координационного центра. По сути, заложена основа непрерывного государственного планирования и стратегирования, соединения в каком-то смысле индикативного и директивного планирования. Об этом говорит вся логика и методология стратегического планирования, обозначенная в Указе Президента РФ № 633. Кроме того, стратегическое планирование названо «индикативным», предусматривающим формирование комплекса согласованных показателей, целей социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности, проведение балансовых расчетов и разработку на их основе мер для достижения поставленных целей и их ресурсной обеспеченности. При этом индикативное планирование в условиях рыночной экономики направлено на координацию усилий государственного и частного сектора (прежде всего в инвестиционной и производственной сфере) путем публикации прогнозов, стратегий, планов, концепций, другой информации как части общественного блага, отражающей долгосрочную политику государства.

До настоящего времени стратегическое планирование действительно было по форме и содержанию индикативным, не было жестко (обязательно) «привязано» к ресурсам, «согласованным показателям», тем более к балансовым расчетам и бюджетному финансированию.

Обращает на себя внимание тот факт, что отсутствовала единая логика построения текстов документов стратегического планирования. Оно было произвольным и семантически «научно-популярным». Документы могли кардинально различаться по стилю, а также не было единых (шестилетних) сроков планирования. Весьма расплывчато и неконкретно были обозначены механизмы, инструменты и архитектура самого планирования. При этом стратегии «развития» не совпадали со стратегиями «безопасности», а те, в свою очередь, не совпадали с национальными проектами и государственными программами.

Отсутствовало четкое требование к единообразию всей системы планирования от феде-

⁶ Авторами статьи выделены ключевые и новые требования к планированию.

ральных документов до отраслевых и территориальных. В настоящее время обозначен путь к единому комплексу государственного планирования. Естественно, было бы преждевременным назвать эти шаги переходом на директивное планирование, но известные механизмы: иерархия, отчетность, обязательная привязка к ресурсам, мониторинг, шестилетние циклы планирования, а также появление плановых органов вначале в виде научно-методологических центров, затем как органов координации могут рассматриваться в качестве своеобразной «дорожной карты» для становления нового и своеобразного директивного планирования.

Слабым местом документов стратегического планирования всегда были показатели и критерии оценки эффективности, часто не согласуемые друг с другом и не отражающие наличие общей стратегии и единства политики. Поэтому в Указе Президента РФ № 633 подчеркивается: «Показатели, используемые в процессе стратегического планирования, определяются на основе принципов измеримости целей и соответствия показателей целям, характеризуют степень и динамику достижения целей и реализации задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности».

При разработке документов стратегического планирования для обеспечения наибольшей эффективности использования ресурсов при достижении поставленных целей, как правило, должны применяться «балансовые расчеты». «Балансовые расчеты» или «межотраслевой баланс» — это краеугольный камень государственного планирования до 1990 г. Относительно «новый» термин «ресурсная обеспеченность» жестко и однозначно привязывает стратегическое планирование к бюджетному процессу и обозначает начало перехода от индикативного к директивному планированию, тем более что в Указе Президента РФ № 633 сказано, что в случае несоответствия целей и ресурсов происходит обязательная корректировка этого документа или других документов стратегического планирования. И если в Законе о стратегическом планировании нет указаний на обязательную «ресурсную обеспеченность» всей системы государственного планирования, то в Указе Президента РФ № 633

основным «игроком» в подготовке стратегических документов потенциально становятся Минфин России и другие федеральные органы исполнительной власти, в распоряжении которых находятся необходимые «ресурсы».

На наш взгляд, потенциал стратегического планирования и его организационно-правовые возможности очень мало использованы. В новых условиях формирования системы стратегического планирования (поскольку эта система только создается) важно понимать: период подготовки и принятия документов, в целом интересных в научном и прогностическом плане, но необязательных к исполнению, закончился. Научные доклады в форме своеобразных нормативных актов уже не могут быть документами стратегического планирования.

В настоящее время рано говорить о формировании в России единой системы государственного планирования (как это было в СССР), но уже нельзя отрицать, что появилась основа для создания особой, специфической, учитывающей рыночную экономику, но тем не менее директивной для государственного сектора экономики системы планирования. Пусть пока эта система строится на стратегическом (индикативном) методе, но уже четко прослеживается попытка посредством стратегического планирования усилить инструменты государственного управления. И это обстоятельство нельзя игнорировать, наоборот, необходимо понять, какие возможности открываются в сфере экологической политики, эколого-правового регулирования.

В этой связи не совсем ясными становятся место и роль документов стратегического планирования в сфере экологической безопасности. Мы уже неоднократно высказывали мнение об «избыточности» стратегий безопасности, которые во многом дублируют (назовем их так) «стратегии развития». Убедительных аргументов сторонников «переиздания» Стратегии экологической безопасности и много, и мало одновременно: много сторонников на уровне анализа (сравнения) законодательства об охране окружающей среды и действующей Стратегии экологической безопасности, а мало с точки зрения доказательств «эффективности» выполнения целей и задач данной Стратегии.

Документы стратегического планирования по своей сути являются (относятся или должны относиться) к публично-правовым актам, поэтому для их разработки, принятия и оценки эффективности должны применяться критерии предметов ведения публичного права.

Опыт подготовки и принятия документов стратегического планирования в области экологических отношений насчитывает уже почти 30 лет. Но все принятые «экологические» доктрины, стратегии, национальные проекты, основы, комплексные планы, программы развития (правильные и хорошо научно обоснованные), прогнозы, оценки «опасностей» и построенные на их основе «цели, задачи, дорожные карты», как правило, не полностью выполнялись и никогда не были ключевыми для федеральных органов исполнительной власти. Как видно из анализа документов стратегического планирования, ключевыми вопросами для страны являются не столько экологические, сколько военно-политические и экономические проблемы, вопросы перехода из «ресурсной» направленности экономики в «инновационную». Известные тренды современного развития указывают смену парадигмы «эксплуатация природных ресурсов» на «технологическое развитие»; тем самым закрепляется деление стран на «ресурсные» и «технологические». «Экологический» компонент развития превращается из сугубо «природного» в экономико-технологический.

То, что многие глобальные экологические «стратегии» повышают «градус» (значимость) «опасностей» и «угроз», пугая грядущей экологической катастрофой, является одним из элементов экономической политики «принуждения» к потере суверенитета.

Подчеркнем: ни один из документов стратегического планирования (касающийся экологических проблем) не отменен, не изменен, не подвергнут критике (например, цели и задачи Экологической доктрины 2002 г. и всех последующих документов стратегического планирования во многом совпадают текстуально). Поэтому все они действующие (с точки зрения целеполагания), даже в случае окончания формального

срока их реализации. Но путь к превращению стратегического планирования и частично экологического права в один из самых эффективных инструментов управления лежит через критический анализ современного состояния экологического планирования, экологического законодательства и правоприменения.

Поскольку в следующем, 2025 г. завершается действие Стратегии экологической безопасности Российской Федерации, рассмотрим на ее примере основные критерии результативности и механизмы реализации. Отметим, что объективно планировать и «стратегировать» экологическую безопасность как вид государственной деятельности очень сложно.

Экологическая безопасность признана одной из главных составляющих национальной безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁷. Термин «экологическая безопасность» присутствует в федеральных законах от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Закон об охране окружающей среды), от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» и иных многочисленных нормативных правовых актах. Экологическая безопасность признана элементом национальной безопасности и в этом качестве она обязана воспроизводить и развивать основные тренды Стратегии национальной безопасности.

В Стратегии национальной безопасности сказано: «В последние десятилетия интенсивный рост производства и потребления в мире сопровождается увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду и ухудшением ее состояния, что влечет существенное изменение условий жизни на Земле. Хищническое использование природных ресурсов ведет к деградации земель и снижению плодородия почв, дефициту водных ресурсов, ухудшению состояния морских экосистем, уменьшению ландшафтного и биологического разнообразия. Усиливается загрязнение окружающей среды, что влечет за собой снижение качества жизни

⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

человека. Многие страны испытывают нехватку природных ресурсов. Изменения климата оказывают все более негативное влияние на условия ведения хозяйственной деятельности и состояние среды проживания человека. Возрастает частота опасных природных явлений и процессов, которые становятся источниками возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ст. 77–79).

Отметим, что сам перечень «опасностей» может быть продолжен до бесконечности. Действительно, почему не включены в природные опасности лесные пожары, наводнения, землетрясения или, например, последствия военных действий, вооруженных конфликтов и т.д.? В связи с неопределенностью категорий экологической «опасности» возникает и неопределенность их выявления, оценки, показателей.

Множественность целей и показателей, индикаторов, направлений деятельности, приведенных в Стратегии экологической безопасности, создает размывание целей не только в государственном управлении, но и в правоприменении. Разрыв между утвержденными показателями документов стратегического планирования и возможностью повседневной коррекции планов государственного управления составляет основу неэффективности стратегирования в области экологической безопасности, тем более что экологические показатели для органов власти и управления относятся не к основным, а к второстепенным.

Экономическая действительность, практика текущего управления, вся система государственного управления сформирована и существует как бы без учета стратегического планирования. Она ориентирована не на показатели «безопасности», а на «привычные» показатели, выраженные в деньгах, материальных ресурсах, расчетах эффективности, рентабельности и т.д.

На наш взгляд, несмотря на более чем 10-летний опыт стратегического планирования экологической политики еще не совсем ясны предмет и цель стратегического управления деятельностью в области экологической безопасности, их соответствие современным требованиям в области

национальной безопасности, рационального природопользования, системе оценок эффективности деятельности государственного управления.

Термин, примененный в Указе Президента РФ № 633, — «современная архитектура стратегического планирования» — означает для экологической деятельности учет гигантского разнообразия объектов природы, а также нормативов, правил, стандартов при отсутствии единства критериев эффективности управления «экологической безопасностью».

Стратегирование (особенно экологическое) — само по себе сложный и непрерывный процесс, влияющий на формирование законодательных рамок и эколого-правовых процедур, но в сфере «экологической безопасности» это нерешаемая в принципе задача. Самые «красивые» и «правильные» «экологические» стратегии не могут стать основой для формирования норм экологической безопасности, если они не связаны с практикой государственного управления и не находятся в контексте эколого-экономической политики.

Мы знаем, что в соответствии с Законом об охране окружающей среды экологическая безопасность — это «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий». Несмотря на легальность данного термина и его прочное закрепление в законодательстве, остаются некоторые семантические и содержательные проблемы определения практического наполнения и сути «экологической безопасности».

До настоящего времени среди юристов и практиков существуют разногласия в понимании этого определения. А. И. Костин полагает, что экологическая безопасность — «комплекс состояний, явлений и действий, обеспечивающий экологический баланс на Земле и в различных регионах, система предотвращения экологических аномалий, катастроф и устранения последствий их вредного воздействия, сохранения экологического благополучия населения»⁸.

⁸ Костин А. И. Экополитология и глобалистика. М., 2005. М. : Аспект Пресс, 2005. 418 с.

М. М. Бринчук считает, что понятие «обеспечение экологической безопасности» может рассматриваться как один из основных принципов природопользования и охраны окружающей среды, в соответствии с которым любая экологически значимая деятельность, а также предусматриваемые в законодательстве и осуществляемые на практике природоохранные меры должны оцениваться с позиции экологической безопасности. Согласно его мнению, понятие «экологическая безопасность» должно входить составной частью в понятие «охрана окружающей среды», являясь одновременно ее приоритетным принципом⁹.

В. И. Данилов-Данильян отмечает, что экологическая безопасность — «способность государства контролировать, снижать и устранять экологические опасности разного масштаба, выявленные и оцененные научными методами, для обеспечения благосостояния общества и здоровья людей, политической, экономической и социальной стабильности»¹⁰.

В нашу задачу не входит подробный анализ самого термина «экологическая безопасность» и его интерпретаций, но, поскольку этот термин глубоко внедрен в правовую действительность, необходимо уточнить и конкретизировать некоторые основные положения. На наш взгляд, семантически данное понятие неточно, так как содержательно не отражает и не выделяет смысловых различий между «охраной окружающей среды» и «экологической безопасностью».

Если обратиться к тексту Стратегии экологической безопасности и, например, к Государственной программе «Охрана окружающей среды»¹¹ и другим аналогичным актам стратегического планирования, то видны буквально текстуальные совпадения целей, задач, механизмов в области экологической безопасности и охраны окружающей среды. Так, и в самой Стратегии экологической безопасности обозначены цели и задачи «экобезопасности», полностью совпадающие с целями и задачами Экологической доктрины и др. Описание проблем и механизмы решения также идентичны.

На наш взгляд, важным для документов стратегического планирования в области безопасности представляется понимание (оценка) степени угроз, рисков, а также выделение конкретных параметров опасности в краткосрочной и долгосрочной перспективе, характеристик достижимого и экономически приемлемого уровня «безопасности». При этом необходимо не разделять, а, наоборот, соединять понятие «безопасность» для человека и «безопасность» для природы.

В принципе, понятие «безопасность» неделимо на разные виды, подвиды, типы и наименования. Трудно представить «национальную безопасность» отделенной от экологической, экономической, информационной и т.д., так же как и «экологическая безопасность» невозможна без понимания базовых понятий экономики, технологий, энергетики и т.д. Сомнительно, что можно выделять экологическую безопасность по территориальному принципу, особенно если речь идет о муниципальных образованиях, сельских и городских населенных пунктах, даже субъектах Федерации. Ведь природные сообщества, реки, озера, животные и растения не знают о наличии административных границ.

Вопрос о «разделении» или «выделении» различных «безопасностей» достаточно спорен. Национальная безопасность и как документ, и как принцип, и как стратегия практически полностью (без деталей) покрывает всю гамму угроз, вызовов, опасностей и формирует цели, задачи в области единой «безопасности». Но наша задача состоит прежде всего в анализе уже принятых и функционирующих достаточно долгое время документов стратегического планирования в области экологической политики.

Первая проблема практического уровня состоит в том, что перечисленные в Стратегии экологической безопасности показатели, критерии и «оценки» безопасности ни в какой мере не могут служить ориентирами, или категориями, или индикаторами экологической безопасности страны. По нашему мнению, нельзя судить об

⁹ Бринчук М. М. Экологическое право : учебник. М. : Юристъ, 2003. 670 с.

¹⁰ Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. М. : Бимпа, 2007. 288 с.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 (с изм. от 28.12.2021. № 2502).

экологической безопасности¹², если оценивать ее, например, по «доле территории» (или численности проживающего на данной территории населения), на которой не соответствует принятым нормам качество воздуха и воды. Также нельзя оценивать безопасность по объему образовавшихся отходов, по выбросам парниковых газов или измерять безопасность «биоразнообразия» по количеству природоохранных территорий.

«Измеримость» экологической опасности (безопасности) — в принципе (методологически) непростая категория, но если она должна быть связана (а она непременно должна быть оценена экономически и ресурсно) с оценкой затрат, оценкой альтернатив, оценкой эффективности (есть метод оценки рисков и ущерба, что близко по методологии, но не едино), то построенная на такой всесторонней оценке «экологическая опасность» — чрезвычайно сложная, политически и экономически громоздкая и тем не менее скорее эмпирическая задача. Например, Минэкономразвития России в 2019 г. пыталось оценить «эффективность» выполнения документов стратегического планирования по методу ключевых показателей эффективности (КПЭ), а Счетная палата Российской Федерации в 2021 г. пыталась оценить «эффективность» выполнения Стратегии экологической безопасности по степени соответствия поставленных целей достигнутому результату через анализ затрат и процента «выполнимости»¹³. На наш взгляд, оценка «экологической безопасности» территории — искусственная проблема, во многом зависящая не от объективных (расчетных), а больше от политических, психологических, конъюнктурных и иных страт. Если же такая необходимость в «эффективности» документов стратегического планирования существует, тогда требуется набор стандартов экобезопасности территории, например, по классам безопасности, с присвоением «знака качества безопасности», «товарного знака безопасности», «этикетки» высокой экологичности / безопасности и т.д.

Такие маркеры можно придумать и сделать, но зачем? Тем более следует признать: оценка

экологической безопасности — только первый шаг, важный для управления, но за ним неизбежно следуют экономические, социальные, политические, технологические расчеты. На наш взгляд, нормативное регулирование в охране окружающей среды уже чрезмерно — добавлять к нему новые нормативы по экологической безопасности, отличные от показателей окружающей среды, будет нецелесообразно.

Из части 1 ст. 9 Конституции РФ следует, что охрана и обеспечение использования земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях, является обязанностью государства в лице его федеральных и региональных органов власти. Можно ли трактовать конституционную формулу «основа жизни и деятельности народов» как «основу экологической безопасности»? Значит ли это, что существует отдельно «экологическая безопасность» земли и «других природных ресурсов», но не существует безопасность климата, воздуха, фауны и флоры как единого целого, как единой экосистемы? И каким образом можно «взвесить» и оценить степень безопасности такой категории, как «основы жизни»?

Согласно Закону об охране окружающей среды граждане обязаны: сохранять природу и окружающую среду; бережно относиться к природе и природным богатствам; соблюдать иные требования законодательства. И снова значит ли это, что «граждане обязаны обеспечивать экологическую безопасность путем сохранения природы»? Или, наоборот, государство гарантирует им право на «экологическую безопасность», и это «отдельное» право должно быть прописано в Конституции Российской Федерации?

В контексте семантической точности определения «экологическая безопасность» полезно уточнить «корневые» понятия «опасность — угроза — вызов», «экологический риск», «экологический ущерб», «цели и задачи экологической безопасности», «национальные экологические интересы», «экологические приоритеты», «нормативный уровень рисков», «измеримость экологической опасности» и др. Можно говорить о

¹² В Стратегии экологической безопасности выделено семь критериев оценки, в том числе наличие отходов разных классов опасности, наличие особо охраняемых территорий, ликвидация нанесенного ущерба и т.д.

¹³ Цели устойчивого развития. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. № 6.

недостаточной степени конкретности и точности вышеупомянутых определений, составляющих содержание понятия «экологическая безопасность», но эта задача выходит за рамки настоящей статьи.

Резонно задать вопрос: а какой практический смысл в исследовании правовых проблем экологической безопасности? Практический смысл в том, что «экологическая безопасность» (в отличие, например, от системы показателей загрязнения «воды — воздуха — земель») является попыткой некоего интегрального показателя качества окружающей среды в краткосрочной и долгосрочной перспективе и влияния этого показателя на политическую и социально-экономическую составляющую развития.

На наш взгляд, есть необходимость более глубоко исследовать вопросы экологической безопасности в грядущем десятилетии по следующим причинам.

1. Хотя термин «экобезопасность» давно легализован, семантически и содержательно закреплён в законодательстве, с учетом Указа Президента РФ № 633 требуется очень большая работа по его уточнению, превращению в повседневный и действенный инструмент планирования и управления.

2. Понятия «охрана окружающей среды» и «экологическая безопасность» в правовом поле необходимо разграничить. Цели (задачи) «экологической безопасности» должны иметь свои, отличные от охраны окружающей среды предмет регулирования и механизмы исполнения.

Анализ многочисленных документов стратегического планирования и действующего экологического законодательства показывает, с одной стороны, рост числа нормативных актов по «безопасности», а с другой — относительно слабую эффективность принимаемых мер. Необходимы подготовка и издание на государственном уровне специального отчета (или бюллетеня) по экологической безопасности с анализом эффективности.

3. Стратегия экологической безопасности по своему определению не может быть региональной или «местной», потому что учет самых обширных и плохо прогнозируемых глобальных данных (климатических, политических, биологических и т.д.), не зависящих от мер по обеспечению «территориальной экологической безопасности», создает слишком много неопре-

деленностей и рисков, которые невозможно прогнозировать.

4. Продление сроков действия нынешней Стратегии экологической безопасности или принятие новой на тех же методических позициях нецелесообразно (с учетом ее итогов и практики реализации). На наш взгляд, Стратегия экологической безопасности эффективна лишь как стратегия применительно к внешним (глобальным и международным) вызовам и угрозам. Более того, наша страна как единственная страна, где существует уникальный опыт разработки и реализации различных стратегических программ, может стать инициатором принятия Глобальной стратегии экологической безопасности как альтернативы Климатической доктрины.

На наш взгляд, новая Стратегия экологической безопасности должна не нести в себе ограничения и «обременения» в виде запрета тех или иных действий (решений), а быть базой (возможностей и направлений) изменений — в политике, экономике и технологиях. Устанавливая параметры «экологической безопасности», мы тем самым конструируем направления и возможности развития страны. Например, при принятии «показателей необходимой и достаточной безопасности» объективно должен учитываться возможный экологический ущерб, потери. Главное — обозначить пределы «экономически рациональной и возможной» безопасности.

По нашему мнению, экологическая безопасность могла бы стать, во-первых, центральным звеном и центральным критерием успешности моделей пространственного развития страны в целом и ее регионов; во-вторых, универсальным показателем (при всех остальных нормативах) для градостроительных, инвестиционных, рекреационных, промышленных, природоохранных, иных проектов развития как на глобальном, так и на территориальном уровне. Тем самым будет происходить естественная (или по принятой методике) коррекция социально-экономических параметров: стоимости недвижимости, привлекательности размещения объектов строительства и т.д.

Экологическую безопасность необходимо рассматривать в равной степени и как безопасность человека, и как безопасность природы, хотя для природных систем и сообществ не существует понятия «безопасность», а существует понятие «эволюция». Кризисные природные

явления, природные катастрофы нельзя рассматривать в отрыве от безопасности человека. Устраняя «угрозы» для природного равновесия, мы тем самым устраняем угрозы для человека.

В области охраны окружающей среды давно созданы и работают разнообразные механизмы — от системы полномочных государственных органов, мониторинга, экономических и юридических механизмов до системы подготовки кадров (чего нельзя сказать о сфере экологической безопасности). Отсюда следует, что «экологическая безопасность» не является юридически (экономически) и содержательно в полной мере зоной ответственности государства и обеспечения прав граждан в данной области.

Стратегия экологической безопасности является документом публичного права; правовой статус таких документов до сих пор вызывает споры между правововедами, так как документы стратегического планирования, изданные в виде указов Президента РФ (реже — в виде постановлений Правительства РФ), безусловно, являются нормативными правовыми актами, однако по своей форме, по процедуре принятия, по многим другим параметрам они не обладают полным процессуальным контекстом, как нормативные правовые акты.

Проблема документов стратегического планирования как нормативных не только формально-юридическая — она гораздо шире — в практической ценности, применимости в государственном управлении и планировании. Можно рассматривать их с точки зрения идеологии в ценностном ракурсе, и тогда на первый план выступает новое «видение мира», не только прогноз, не только долгосрочный план, а концепция, образ будущего, «дорожная карта» и только во втором ряду представление о завтрашнем дне. Законодательство регулирует сегодняшние правоотношения, сегодняшние реальности, а документы стратегического планирования должны дать ответ прежде всего на вопрос о том, *что* мы хотим, а только потом — на вопрос, *как* этого достичь. С этой точки зрения наличие огромного числа «стратегий безопасности» (отраслевых, федеральных, местных) не оправдано и не имеет практического смысла. На наш взгляд, должна быть только одна стратегия безопасности — Стратегия национальной безопасности, где будет дан единый стратегический план нацио-

нальной безопасности, с включением разделов по остальным видам безопасности. Как многократно было отмечено, ничего нет практичнее хорошей идеи. В этом смысле «идея», заложенная в документе стратегического планирования, является главной ценностью.

Возвращаясь к проблеме подготовки новой Стратегии экологической безопасности вместо действующей, срок действия которой истекает в 2025 г., следует заметить, что возникла объективная необходимость сформулировать очень просто и очень четко прагматические цели экологической политики (развития) для нации, ответить на простые вопросы: какую модель взаимодействия с природой мы хотим видеть, сколько мы готовы платить за эту политику, а также как мы видим «безопасность» и что для нас «интересы будущих поколений»? Органом, который способен сформулировать эти идеи, не может быть Минприроды России или Минэкономразвития России. Такая задача посильна только специально созданной группе под эгидой Совета национальной безопасности Российской Федерации. Напомним, что при Совете Безопасности сформирована Межведомственная комиссия по экологической безопасности, состоящая из представителей федеральных органов исполнительной власти, в полномочия которой входят подготовка документов стратегического планирования, мониторинг их выполнения и предложения их по совершенствованию. Нельзя не учитывать и потенциал Научного совета при Совете национальной безопасности Российской Федерации. При этом новый документ, по нашему мнению, должен быть облечен в форму Стратегии экологической политики и отражать проблемы устойчивого экологического развития с большим разделом по безопасности.

Для этого необходимо следующее.

Во-первых, организовать широкую общественную дискуссию об «образе будущего» — экологического, с обсуждением экономических, социальных, иных последствий. Эта стадия обязательна, так как только тот проект, та программа, та идея, тот образ будущего, которые будут поняты, приняты и совпадут с мыслями большинства, смогут обеспечить сильнейший энергетический (общая синергия воли народа) подъем во всех сферах жизни, опираясь на новые идеи в области эколого-экономического устойчивого развития.

Во-вторых, документы стратегического планирования вообще и по экологической безопасности в частности должны иметь четкую «сверхзадачу» — не просто «экстраполировать» сегодняшние тенденции в будущее, не просто давать «сценарии», но формулировать новые смыслы развития, новые ценности. Простое описание «угроз», «вызовов» и предполагаемых вариантов недостаточно для стратегии (политики).

В-третьих, поскольку Стратегия экологической политики может быть документом исключительной важности и силы, она должна иметь особую процедуру принятия, прописанную в законе.

В-четвертых, принятие документа без четкого понимания затрат, ограничений и оценки влияния на экономику нерационально. Простое перечисление проблем окружающей среды и констатация внешних и внутренних «угроз» ничего не решают и в практическом плане не имеют смысла. Другое дело, когда любая «экологическая» цель будет обозначена как баланс

выгод и приобретений, как оценка затрат, альтернативных вариантов. И здесь особую роль будет играть разграничение целей, обозначенных как «охрана окружающей среды» и как «экологическая безопасность».

В-пятых, Стратегия экологической политики как документ публичного права должна иметь «обратную связь» с другими документами стратегического планирования и законодательством. В настоящее время одновременно действуют десятки территориальных стратегий, где в том или ином виде присутствуют положения, касающиеся экологической безопасности, которые (как правило) существуют как бы сами по себе. Множественность различных «стратегий», обособленных друг от друга, сводит на нет их потенциал и эффективность. При этом следует четко разделять возможности документа как инструмента долгосрочного планирования и как элемента духовно-нравственной мобилизации общества. Конечно, приведенные выше выводы и предложения являются лишь материалом для обсуждения и дальнейшего анализа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бринчук М. М. Экологическое право : учебник. — М. : Юрист, 2003. — 670 с.
2. Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. — М. : Изд-во Бимпа, 2007. — 288 с.
3. Костин А. И. Экополитология и глобалистика. — М., 2005. — М. : Аспект Пресс, 2005. — 418 с.
4. Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023. — 752 с.

Материал поступил в редакцию 22 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Brinchuk M. M. Ekologicheskoe pravo: uchebnik. — M.: Yurist, 2003. — 670 s.
2. Danilov-Danilyan V. I., Zalikhanov M. Ch., Losev K. S. Ekologicheskaya bezopasnost. Obshchie printsipy i rossiyskiy aspekt. — M.: Izd-vo Bimpa, 2007. — 288 s.
3. Kostin A. I. Ekopolitologiya i globalistika. — M., 2005. — M.: Aspekt Press, 2005. — 418 s.
4. Pravo ustoychivogo razvitiya i ESG-standarty: uchebnik / pod obshch. red. M. V. Mazhorinoy, B. A. Shakhnazarova. — M.: Prospekt, 2023. — 752 s.

Особенности правового регулирования вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот

Аннотация. Статья посвящена проблеме вовлечения отходов в хозяйственный оборот, решаемой в рамках экономики замкнутого цикла. Правовое регулирование экономики замкнутого цикла формируется на уровне документов стратегического планирования и индивидуальных мотивов лиц, в чьей деятельности образовались отходы. По мнению автора, для устойчивого использования веществ, которые на данный момент классифицируются в качестве отходов, требуется внедрение правовых механизмов экономики замкнутого цикла в российское законодательство. Такие изменения, с одной стороны, подкрепят право лица на классификацию вещества в качестве отходов или побочного продукта, обладающего полезными свойствами и допустимого для хозяйственного оборота. С другой стороны, совершенствование законодательства путем установления презумпции безопасности веществ, образуемых по итогам производства, при формировании условий их использования создаст дополнительные факторы для вовлечения отходов в хозяйственный оборот. Соответственно, требуется выстроить законодательство об обращении с отходами таким образом, чтобы образование отходов было сопряжено с возможностью их вовлечения в хозяйственный оборот.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла; вовлечение отходов в хозяйственный оборот; классификация отходов; классификация побочных продуктов; проблема разграничения отходов и побочного продукта; подходы к классификации вещества; стратегическое планирование в сфере природоохранных отношений; свойства опасности образуемых веществ; презумпция безопасности образуемых в производстве веществ; гармонизация статуса образуемого вещества в соответствии с экономикой замкнутого цикла.

Для цитирования: Ильменева В. А. Особенности правового регулирования вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 188–194. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.188-194.

Specifics of Legal Regulation of Production and Consumption Waste Inclusion in Economic Turnover

Veronika A. Ilmeneva, Leading Legal consultant of the State Unitary Enterprise «Vodokanal of St. Petersburg», Postgraduate Student of the Department of Legal Environmental Protection, St. Petersburg State University, Sankt-Petersburg, Russian Federation
revinoka@live.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of inclusion of waste into economic turnover, which is solved within the framework of circular economy. Legal regulation of the circular economy is formed at the level of strategic

© Ильменева В. А., 2024

* Ильменева Вероника Артуровна, ведущий юрисконсульт ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», аспирант кафедры правовой охраны окружающей среды Санкт-Петербургского государственного университета 22-я Линия Васильевского острова, д. 7, г. Санкт-Петербург, Россия, 199106
revinoka@live.ru

planning documents and individual motives of persons in whose activities waste was generated. According to the author, for the sustainable use of substances that are currently classified as waste, the introduction of legal mechanisms for a circular economy into Russian legislation is required. Such changes, on the one hand, will reinforce the right of a person to classify a substance as a waste or by-product that has beneficial properties and is acceptable for economic circulation. On the other hand, improving legislation by establishing a presumption of safety of substances generated as a result of production, when creating conditions for their use, will create additional factors for the involvement of waste in economic circulation. Accordingly, it is necessary to build legislation on waste management in such a way that the generation of waste is associated with the possibility of their involvement in economic circulation.

Keywords: circular economy; involvement of waste into economic circulation; waste classification; classification of by-products; problem of distinguishing between waste and by-product; approaches to substance classification; strategic planning in the field of environmental relations; hazard properties of the substances formed; presumption of safety of substances formed during production; harmonization of the status of the substance produced in accordance with the circular economy.

Cite as: Ilmeneva VA. Specifics of Legal Regulation of Production and Consumption Waste Inclusion in Economic Turnover. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):188-194. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.188-194.

Государственное планирование в отношении экологического благополучия осуществляется на базе концепции устойчивого развития¹. Такая концепция вводится в правовое регулирование государственными программами, относящимися к документам стратегического планирования². Под стратегическим планированием подразумевается в том числе деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации³. Е. А. Галиновская и М. В. Пономарев в контексте правовой охраны окружающей среды дополняют это определение указанием на решение задач обеспечения рационального использования природных ресурсов в целях устойчивого со-

циально-экономического развития Российской Федерации⁴. Соответственно, стратегическое планирование позволяет оформить последовательность мероприятий и координировать взаимодействие органов государственной власти с общественными и научными объединениями по вопросам поддержания благополучной окружающей среды.

Государственная программа «Охрана окружающей среды»⁵ содержит цель снижения антропогенного воздействия на окружающую среду за счет увеличения использования вторичных ресурсов и сырья из отходов в отраслях экономики в два раза к 2030 г. В рамках подпрограммы регулирования качества окружающей среды разработан федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» (далее — Федеральный проект), поименованный в честь концепции в экономической теории, подразумевающей вовлечение отходов производства и потребления в хозяйственный оборот.

¹ Экономика устойчивого развития : учебник / под ред. С. Н. Бобылева. М. : Кнорус, 2021. С. 89.

² См.: ст. 28 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

³ Пункт 1 ст. 3 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

⁴ Галиновская Е. А., Пономарев М. В. Стратегическое планирование в природоресурсной сфере (правовой аспект) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 71.

⁵ Паспорт государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Охрана окружающей среды» // URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/12> (дата обращения: 15.08.2023).

Вовлечение отходов в хозяйственный оборот позволяет использовать вещества полезным образом, что приводит к экономии первичных природных ресурсов, а также к сокращению площади полигонов размещения отходов и, следовательно, к более рациональному использованию ограниченных земельных ресурсов.

Впрочем, для построения экономики замкнутого цикла требуется создать правовые условия для внедрения принципов замкнутого цикла в производстве и потреблении, что и заявлено в качестве одной из целей Федерального проекта. Под созданием правовых условий, безусловно, понимается в том числе принятие нормативных правовых актов, регулирующих и стимулирующих использование вторичных ресурсов и вторичного сырья в хозяйственном обороте. Уже вступили в силу нормативные правовые акты, подтверждающие право классификации вещества в качестве полезного ресурса. К таким документам можно отнести федеральные законы от 14.07.2022 № 248-ФЗ «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и от 14.07.2022 № 268-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Лица, в деятельности которых образовались отходы, готовы использовать отходы в хозяйственном обороте, однако правовое регулирование выстроено таким образом, что они вынуждены самостоятельно формировать подходы к реализации принципов экономики замкнутого цикла и разрешать вопрос классификации отходов, а также искать дальнейшие пути использования отходов в отсутствие критериев, позволяющих однозначно отнести вещество, образовавшееся по итогам производства, к при-

годным для повторного использования и, соответственно, полезным.

Понятие отходов не раскрывается посредством свойств опасности или утраты полезных свойств (вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с законом⁶), однако, как следует из судебной практики⁷, при совокупном применении ряда норм Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Федеральный закон № 89-ФЗ) суды распределяют бремя доказывания корректной классификации на лицо, в ходе деятельности которого образовались такие вещества. В связи с установленным порядком подтверждения отнесения отходов I–V классов опасности к конкретному классу опасности⁸ суды возлагают на образователей веществ обязанность по квалификации таких веществ в качестве отходов, что при фактическом отсутствии у лица учета вещества в качестве отходов влечет для него неблагоприятные последствия (например, привлечение к административной ответственности, перерасчет платы за негативное воздействие на окружающую среду и т.д.).

Возражения лиц об использовании веществ в качестве полезных и, как следствие, о квалификации их в качестве побочного продукта, а не отходов⁹, как правило, отклоняются судами со ссылкой на описание технологического процесса как на подтверждение происхождения отходов. В результате в зависимости от сути спора суды могут квалифицировать технологический процесс как, например, уменьшение объема вещества, что свидетельствует о деятельности по обезвреживанию отходов. Тем не менее относительный характер границы между правовым

⁶ Абзац 2 ст. 1 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

⁷ Решение Арбитражного суда Нижегородской области по делу от 10.12.2020 № А43-20552/2020 // URL: <https://sudact.ru>.

⁸ Приказ Минприроды России от 08.12.2020 № 1027 «Об утверждении порядка подтверждения отнесения отходов I–V классов опасности к конкретному классу опасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁹ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2021 по делу № А63-18645/2020 // КАД «Арбитр».

регулированием побочного продукта и отходов судами не исключается¹⁰.

Предположение об опасности веществ, образуемых по итогам производства, как правило, выводится из п. 1 ст. 19 Федерального закона № 89-ФЗ¹¹ в совокупности с приказом Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов»¹² о том, что индивидуальные предприниматели и юридические лица, осуществляющие деятельность в области обращения с отходами, обязаны вести в установленном порядке учет образовавшихся, обработанных, утилизированных, обезвреженных, переданных другим лицам или полученных от других лиц, а также размещенных отходов.

Тем не менее использование отходов в рамках экономики замкнутого цикла предполагает, что: а) вещества являются безопасными для использования человеком; б) они не попадут в окружающую среду. Таким образом, обнаруживается противоречие в выстраивании подходов в стратегическом планировании и законодательных установках: несмотря на то, что экономика замкнутого цикла подразумевает вовлечение полезных веществ в хозяйственный оборот, отходы с точки зрения правового регулирования охраны окружающей среды и судебной практики не являются таковыми.

Поскольку даже нововведения в части установления понятийного аппарата в отношении веществ, которые могут быть использованы в хозяйственном обороте, не разрешают стратегическую задачу таким образом, чтобы было возможно использовать отходы в хозяйственном обороте, концепция по созданию экономики

замкнутого цикла, отраженная в Федеральном проекте, не может быть признана соответствующей критерию исполнимости. Е. А. Галиновская и М. В. Пономарев относят такую неразвитость инструментов реализации стратегий к препятствиям для формирования плановых начал¹³. Выявленное противоречие должно быть разрешено, но для установления превалирующей идеи правового развития стоит обратиться к экономическим предпосылкам. Так, согласно иерархии методов обращения с отходами в экономике¹⁴ среди наиболее предпочтительных выделяют повторное использование. При этом аналогичная норма есть в ст. 3 Федерального закона № 89-ФЗ: предотвращение образования отходов и сокращение образования отходов являются одними из приоритетных направлений государственной политики. Таким образом, Федеральный проект имеет под собой законодательно установленное основание, однако для исключения декларативного характера норм закона и стратегических документов требуется внести изменения в действующее законодательство, а также устранить наличествующие коллизии.

В природоохранном законодательстве применяются правовые механизмы — презумпции, как прямо упомянутые¹⁵, так и выводимые из смысла закона (например, «...если не установлено иное»).

Одна из распространенных презумпций, на которой базируется хозяйственная деятельность в сфере экологии — презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности¹⁶. Несмотря на то что презюмируется опасность лишь планируемой деятельности, на практике суды распространяют такую

¹⁰ «В действующем законодательстве о техническом регулировании и законодательстве об отходах не устанавливается граница между продукцией и отходами» (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.04.2017 по делу № А40-206749/2016 // КАД «Арбитр»).

¹¹ См.: постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2022 по делу № А43-17943/2021; решение Арбитражного суда Орловской области от 28.12.2021 по делу № А48-9985/2021 // КАД «Арбитр».

¹² Приказ Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹³ Галиновская Е. А., Пономарев М. В. Указ. соч. С. 76.

¹⁴ Экономика устойчивого развития. С. 230.

¹⁵ Абанина Е. Н., Сухова Е. А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития : монография. М. : Юстицинформ, 2022. С. 46.

¹⁶ Абзац 9 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

презумпцию на уже осуществляющуюся деятельность¹⁷.

Помимо установленной презумпции экологической опасности планируемой деятельности, из Федерального закона № 89-ФЗ можно вывести **презумпцию отнесения веществ, образуемых по итогам производства, к отходам. Иными словами, такие вещества презюмируются как опасные для окружающей среды, поэтому считаются отходами.** Презумпция опасности выводится из требований законодательства, несмотря на то, что лица, в чьей деятельности образовались вещества, вправе самостоятельно квалифицировать такое вещество в качестве отходов или побочного продукта¹⁸.

Несмотря на стратегические цели, нормативное регулирование, принятое с 01.03.2023 во исполнение Федерального проекта, также сформулировано таким образом, что предполагается образование в первую очередь отходов, которые или части которых могут быть повторно использованы для производства товаров, выполнения работ, оказания услуг или получения энергии и в соответствии с законодательством могут быть отнесены к вторичным ресурсам (ч. 1 ст. 17.1 Федерального закона № 89-ФЗ). Соответственно, лица, у которых по итогам производства образовались вещества, классифицируемые в качестве отходов, часть из этих отходов могут классифицировать как вторичные ресурсы. О формировании презумпции опасности свидетельствует то обстоятельство, что такая норма не подлежит обратному прочтению, например, следующим образом: вторичные ресурсы, которые или части которых не могут быть использованы для производства товаров, выполнения работ, оказания услуг или получения энергии в соответствии с законодательством могут быть отнесены к отходам.

Таким образом, если не установлено, что в конкретном виде отходов есть полезный компонент, предполагается, что такое вещество утратило полезные свойства, тем самым по

общему правилу в отношении такого вещества устанавливается презумпция наличия в нем исключительно небезопасных для окружающей среды компонентов. По аналогичному принципу составлен пункт 8 ст. 12 Федерального закона № 89-ФЗ: захоронение отходов, в состав которых входят полезные компоненты, подлежащие утилизации, запрещается; перечень видов отходов, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается, устанавливается Правительством РФ. Следовательно, даже вещества, которые содержат полезные компоненты, классифицируются как отходы, что препятствует их классификации в качестве побочных продуктов и свидетельствует о применении презумпции опасности любых веществ, образуемых по итогам производства.

Социальное планирование, как отмечают исследователи¹⁹, играет важную роль. Ю. Г. Шпаковский и Н. Г. Жаворонкова отмечают законную силу планов, поскольку они принимаются законным органом и имеют свою легитимность²⁰. Такие документы стратегического планирования, как государственная программа «Охрана окружающей среды» и Федеральный проект, тоже формируют план по изменению законодательства. Одновременно с этим обстоятельством текущий подход законодателя к классификации веществ и установлению презумпции опасности веществ препятствует последовательному приведению в жизнь документов стратегического планирования. Без изменения подхода к полезности образуемых по итогам производства веществ и без установления презумпции безопасности таких веществ не представляется возможным в полной мере вовлечь вещества, образуемые по итогам производства, в хозяйственный оборот, как это запланировано на государственном уровне.

Выявленные обстоятельства свидетельствуют о расхождении целей, установленных документами стратегического планирования, и изменений, реализуемых в законодательстве. Как указывают Е. А. Галиновская и М. В. Пономарев, отсутствие

¹⁷ Решение Московского городского суда от 28.09.2017 по делу № 7-12995/2017 // URL: <https://sudact.ru>.

¹⁸ С 1 марта 2023 г. прямое указание на соответствующее право закреплено частью 1 ст. 51.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды».

¹⁹ Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Экологическое законодотворчество как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 144.

²⁰ Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Указ. соч. С. 146.

согласованности между стратегическими документами оказывается причиной дисбаланса при принятии нормотворческих и управленческих решений²¹; не проработаны единые подходы к формированию государственной политики использования и охраны как отдельных природных ресурсов, так и природного потенциала России в целом²². Таким образом, невозможность исполнения документов стратегического планирования негативно характеризует практическую сторону внедрения экономики замкнутого цикла, ведь, как отмечается, отходы рассматриваются в том числе с позиции недоиспользованного сырья²³, что всё же требует грамотной реализации документов стратегического развития.

Возможным путем разрешения такой коллизии и реализации стратегии экономики замкнутого цикла могло бы стать формирование правового механизма, устанавливающего презумпцию безопасности веществ, образуемых по итогам производства при формировании условий их использования. Данное предложение выводится из экономических²⁴ предпосылок, которые обосновывают эффективность использования отходов.

В контексте экономики замкнутого цикла и устойчивого развития ответственная деятельность предприятий предполагает внедрение в хозяйственный оборот веществ, которые не подвергают жизнь и здоровье людей угрозе с учетом сохранения благоприятной окружающей среды, что позволяет взглянуть на образуемые вещества в том числе с точки зрения полезности использования таких веществ при производстве товаров, оказании услуг, выполнении работ. При этом, поскольку требуется не допустить конфликта с уже существующей презумпцией опасности планируемой хозяйственной деятельности, при введении презумпции безопасности веществ, образуемых по итогам основного

производства, следует сформировать критерии разграничения таких веществ и отходов, которые подлежат изоляции ввиду недопущения негативного воздействия на окружающую среду.

Законодательное разграничение веществ, обладающих полезными свойствами, и веществ, утративших полезные свойства, сформулировано в Федеральном законе от 14.07.2022 № 268-ФЗ, однако этот нормативный правовой акт является не единственным объектом для исследования возможных подходов к классификации веществ и путей их совершенствования. Так, формируются практики на примере отдельных видов веществ. Возможность классификации вещества в качестве полезного можно рассмотреть на примере осадка сточных вод, образующегося по итогам очистки сточных вод перед сбросом в водные объекты (в силу требований ст. 60 Водного кодекса РФ). Законодательство не устанавливает в отношении обращения с осадком сточных вод специального регулирования, поэтому природопользователи применяют общие нормы, установленные для деятельности по обращению с отходами. Данное обстоятельство отражается на классификации осадка сточных вод в судебной практике. Однозначный подход к классификации осадка сточных вод как отходов или побочного продукта отсутствует, но нередко суды сходятся с природопользователями в том, что осадок сточных вод может быть признан в качестве побочного продукта²⁵. Тем не менее, чтобы отстоять право на классификацию осадка сточных вод в качестве полезного вещества, природопользователи вынуждены обращаться к судебной защите, что подтверждает тезис о том, что текущее регулирование недостаточным образом закрепляет права на вовлечение отходов в хозяйственный оборот и не соответствует целям скорейшей трансформации линейной экономики в экономику замкнутого цикла.

²¹ Галиновская Е. А., Пономарев М. В. Указ. соч. С. 72.

²² Галиновская Е. А., Пономарев М. В. Указ. соч. С. 75.

²³ Экономика устойчивого развития. С. 520.

²⁴ См., например: отраслевая программа «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в промышленном производстве», утв. заместителем Председателя Правительства РФ от 17.11.2022 № 13493п-П11 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405781899/> (дата обращения: 29.09.2023).

²⁵ Так, за период 2019–2023 гг. в 25 случаях из 38 проанализированных суды пришли к выводу, что осадок сточных вод не является отходами.

С учетом государственной стратегии предпочтительно сформулировать критерии таким образом, чтобы в первую очередь лица, в чьей деятельности образовались вещества, рассматривали вещество на предмет отнесения к побочному продукту и только в случае несоответствия вещества таким критериям формировали представление о данном веществе как об отходах.

Соблюдение подобных критериев предполагает, что вещества, образуемые по итогам основного производства, должны соответствовать требованиям к безопасности не только для окружающей среды, но и для среды обитания человека. Иными словами, вопрос наличия в веществе полезных свойств и соответствия санитарно-эпидемиологическим требованиям должен разрешаться не столько органом государственной власти в сфере природопользования²⁶, сколько органом государственной власти, обладающим полномочиями в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия человека²⁷.

Таким образом, вопросы соответствия вовлекаемых в хозяйственный оборот веществ будут разрешаться не с точки зрения практически не опровергаемой презумпции экологической опасности ведения хозяйственной деятельности, а с точки зрения соответствия веществ критериям стандартов на продукцию и санитарно-эпидемиологическим требованиям, что предопределяет возможность использования веществ, образуемых в ходе основного производства, но не являющихся конечным результатом такого производства, в хозяйственном обороте в качестве веществ, обладающих полезными свойствами и не относящихся к отходам. При этом изменение подхода к оценке образовавшегося вещества в сторону презумпции экологической безопасности при его обращении в товарном обороте (непопадании в окружающую среду) гармонизирует подход к статусу веществ с целями экономики замкнутого цикла, нашедшими отражение в документах стратегического планирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абанина Е. Н., Сухова Е. А. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития : монография. — М. : Юстицинформ, 2022. — 222 с.
2. Галиновская Е. А., Пономарев М. В. Стратегическое планирование в природоресурсной сфере (правовой аспект) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 2. — С. 65–86.
3. Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Экологическое законодотворчество как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 6. — С. 142–157.
4. Экономика устойчивого развития : учебник / под ред. С. Н. Бобылева. — М. : Кнорус, 2021. — 672 с.

Материал поступил в редакцию 4 октября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abanina E. N., Sukhova E. A. Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy razvitiya: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2022. — 222 s.
2. Galinovskaya E. A., Ponomarev M. V. Strategicheskoe planirovanie v prirodoresursnoy sfere (pravovoy aspekt) // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2021. — № 2. — S. 65–86.
3. Shpakovskiy Yu. G., Zhavoronkova N. G. Ekologicheskoe zakonotvorchestvo kak chast sotsialnogo planirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — T. 18. — № 6. — S. 142–157.
4. Ekonomika ustoychivogo razvitiya: uchebnik / pod red. S. N. Bobyleva. — M.: Knorus, 2021. — 672 s.

²⁶ Положение о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования, утв. постановлением Правительства РФ от 30.07.2004 № 400 // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3347.

²⁷ Положение о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2899.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

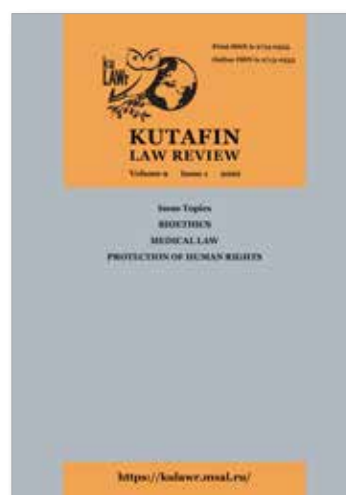
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 7 (164) июль 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002